

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАСПИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ И
ИНЖИНИРИНГА ИМЕНИ Ш. ЕСЕНОВА**

А.Б. МЕДИХАНОВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГЕОПОЛИТИКИ

(учебно-методическое пособие для студентов специальности
050202 - «Международные отношения»)

Актау, 2010

УДК 327 (075.8)
ББК 66.4 я 73
М42

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

к.и.н., доцент Бекешев С.С.,
Мангистауского института «Болашак»

к.и.н., Абланова Э.А.,
Мангистауский политехнический колледж

Медиханова А.Б Теоретические основы геополитики: Учебно-методическое пособие.- Актау: КГТУиИ им. Ш.Есенова, 2010.- 127с.

ISBN 978-601-7276-13-3

В учебно-методическом пособии анализируется предметное поле, основные категории, методы, функции геополитической науки; рассмотрены теоретические основы формирования и развития геополитики, представленные различными научными подходами и концепциями, относящимися к различным историческим периодам; освещены вопросы цивилизационного развития.

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов вузов, обучающихся по специальности «Международные отношения», а также для всех, интересующихся проблемами геополитики.

ББК 66.4 я 73

Рекомендовано к изданию решением Учебно-методического совета Каспийского государственного университета технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова

ISBN 978-601-7276-13-3

© КГУТиИ им. Ш.Есенова, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
1. Геополитика: дефиниция, методы, функции.....	6
2. Формирование геополитических взглядов и подходов в истории общественной мысли древности и средневековья.....	19
3. Формирование геополитических взглядов и подходов в истории нового времени и эпохи индустриализма.....	32
4. Основные классические геополитические теории.....	45
5. Современные геополитические школы и концепции.....	80
6. Тестовые задания.....	111
Литература.....	122

ВВЕДЕНИЕ

Экономические, социальные, нравственные, религиозные детерминанты политики менялись во времени: одни уходили, другие приходили им на смену. Но контуры земли, равнин, горных хребтов, морей и рек, на которых и вокруг которых селились люди и образовывались государства, оставались в своей основе неизменными. Эти факторы были качественно переосмыслены на рубеже XIX – XX вв. Именно тогда начала формироваться геополитика как наука, системно оформилась она лишь в конце XX века.

Несмотря на то, что в течение большей части XX в. термин «геополитика» находился в Советском Союзе под запретом по идеологическим мотивам, принципы геополитики, её влияние на формирование и реализацию конкретной политики различных властей было неоспоримым. Это предопределило необходимость и легитимизации самой науки, и внедрение этой дисциплины в учебный процесс высшей школы.

Учебный курс «Геополитика» является комплексной синтетической по своему характеру дисциплиной с обширными междисциплинарными связями, т. к. использует для обоснования принципов, концепций, парадигм, форм и методов анализа предмета исследования самые разные науки. Курс «Геополитика» опирается на теоретические положения философии, социологии, политологии, экономики, политической и экономической географии, позволяющие обосновать важность и необходимость геополитической оценки внутренней и внешней политики государств.

Геополитика представляет собой науку со своим специфическим объектом, предметом, с собственной системой категориального аппарата и своеобразной методологией исследования закономерностей развития международных отношений. Опираясь на научную базу многих дисциплин, геополитика все больше обогащается и наполняется конкретным содержанием, активнее способствует изменениям в современном мире, являясь ключом к прогнозированию политики ведущих стран и континентов. Имея богатые интеллектуальные традиции, геополитика становится одной из ведущих научных дисциплин XXI века.

Геополитика изучает политические явления в их пространственном взаимоотношении, в их влиянии на Землю, на культурные факторы. Она рассматривает государство не в статике – как постоянное, неизменное образование, а в динамике – как живое существо. Важно отметить, что основой для формирования и развития геополитики как науки стали:

1. Дарвинизм - исследование естественных факторов развития социума.
2. Позитивизм - как метод и наука об обществе, содействующий его рациональной организации.
3. Этатизм - разработка проблем происхождения государства и государственности, связанная с формированием национальных государств и их границ.

Изучение и анализ сущности геополитики предполагает в первую очередь знание ее теоретических основ, фундаментальных теорий и концепций,

послуживших основой для дальнейшего развития геополитической мысли, формирования ее как науки.

Как было отмечено, геополитика начала формироваться на рубеже XIX – XX вв., но ее идейные истоки уходят в глубокую древность.

При рассмотрении истории геополитических теорий и концепций можно выделить три этапа их развития.

1. Предыстория геополитики: не существует отдельной геополитической отрасли знания, а ее идеи являются составной частью философских учений и исторических исследований.

2. Классическая геополитика: конец XIX - начало XX вв., когда из отдельных идей и концепций сформировались основные геополитические теории и национальные школы геополитики.

3. Современная геополитика: после Второй мировой войны и до настоящего времени.

Последний этап характеризуется существенным изменением геополитической структуры мира, пересмотром основных классических теорий геополитики, формированием новых геополитических школ, соответствующих новым акторам современной глобальной геополитики (американской, европейской, российской, включающей геополитику стран СНГ, новокитайской, новоиндийской и др.), новых направлений, таких как: атлантизм, неоатлантизм, мондиализм, и новых теорий.

Существенные отличия классической и современной геополитики диктуются технико-технологическим прогрессом и вызванными им изменениями в экономической и военной силе государств - основных действующих лиц на мировой геополитической сцене XXI в., изменением государственных, этнических, конфессиональных и цивилизационных границ. Поэтому можно отметить, что классическую парадигму противостояния Суши и Моря заменила парадигма освоения новых пространств - физических (воздушное, подводное пространство, ближний и дальний космос) и культурных (радио-, телеэфир, Интернет, киноиндустрия, литература, искусство).

Возникновение и развитие геополитики как науки было обусловлено не только логикой развития научного знания, но, прежде всего, потребностью осмысления новых политических реалий. Исходя из этого, важно отметить, что, геополитика - синтетическая наука, которая учит мыслить системно, «мыслить континентами», охватывать мир в целом, смотреть на десятилетия вперед, глубоко анализировать весь комплекс событий, происходящих в нашем динамично меняющемся мире. Благодаря геополитике, как комплексной науке, можно сконструировать стратегический потенциал любого государства, практически осмыслить степень безопасности страны, установление сбалансированного паритета интересов с соседними государствами, внутреннюю прочность государства и его внешнеполитическую безопасность, прогнозировать региональное и мировое развитие.

Таким образом, учебный курс «Геополитика» предполагает раскрытие основных векторов, определяющих глобальную геополитику современных

государств, опираясь в первую очередь на огромный теоретический фундамент мировой геополитической мысли.

1. Геополитика: дефиниция, методы, функции

Геополитика вызывает в настоящее время повышенный интерес во всем мире. Понятие «геополитика» в современном политическом лексиконе стало употребляться очень часто. И, несмотря вроде бы на очевидное значение этого термина, в научной литературе до сих пор нет четкой и полной формулировки понятия «геополитика». Исследователи по-разному трактуют ее содержание, как правило, первое объяснение дается исходя из этимологии этого термина, то есть из объединения слов «гео» и «политика», что выражает связь между землей, географическим пространством и политикой государств.

Традиционную геополитику можно рассматривать как науку о влиянии геопространства на политические цели и интересы государства. Но постепенно геополитика перешла к более сложному пониманию пространства как среды, преобразующей экономические, политические и прочие отношения между государствами. С ростом взаимозависимости в мире все большую значимость в геополитическом анализе приобрел характер межгосударственных отношений и его взаимодействия с геопространством, которое становилось уже не только поляризованным вокруг центров силы, но все более стратифицированным.

Попытаемся сформулировать и определить понятие термина «геополитика» и проследим его «эволюцию».

Термин «геополитика» почти не присутствовал в политической терминологии советского периода. Если же его употребляли, то только в критическом отрицательном смысле. В советский период геополитика рассматривалась как буржуазный и нацистский вымысел, как «лженаука». Во всех советских справочниках и словарях определение геополитики давалось в крайне негативной форме. Так, в «Большой советской энциклопедии» 1971 года приводится следующее определение геополитики: «Геополитика – буржуазная реакционная концепция, использующая извращенно истолкованные данные физической и экономической географии для обоснования и пропаганды агрессивной политики империалистических держав. Современные геополитики пытаются объяснить противоположность между социалистическими и капиталистическими странами географической обусловленностью».

В «Советской военной энциклопедии» дается следующее определение: «Геополитическая теория войн – разновидность антинаучных концепций о происхождении и сущности войн. Основной тезис геополитики состоит в том, что войны вызываются не социальными отношениями классового антагонистического общества, а воздействием географического фактора и неравноценностью рас. Это субъективистская, лживая концепция, разрабатываемая империалистическими идеологами для обоснования захватнических войн».

В советской научной литературе практически отсутствовали не только серьезные объемные исследования в этой области социально-философской мысли, но и развернутая критика геополитических идей. Все критические работы имели тенденцию крайне негативной трактовки геополитики, ее обличения, отрицания в ней рационального зерна.

А между тем во всех западных геополитических теориях СССР отводилась важнейшая роль, и простой анализ хотя бы классических геополитических теорий помог бы лучшему пониманию и прогнозированию поведения оппонентов в «холодной войне», в противостоянии социалистического и капиталистического лагеря, поскольку политики принимали и принимают решения, в значительной мере, исходя из основных постулатов геополитической теории. Так, исследователь Дж. Пирси отмечает следующее: «Считаем ли мы теорию Х. Макиндера фактом или выдумкой, вся американская концепция сдерживания неминусом связана с теорией материковой сердцевины, представленной Х. Макиндером в свое время перед Королевским географическим обществом в 1904 году».

Таким образом, вплоть до конца 80-х годов в СССР отношение к геополитике было отрицательным. Каковы же основные причины столь резко отрицательного отношения к геополитике?

Во-первых, фундаментальные положения этой науки противоречили догмам социального марксизма, особенно так называемому классовому подходу к общественному развитию и идее пролетарской солидарности.

Во-вторых, немецкая геополитика обосновывала территориальные притязания марксизма, что дискредитировало геополитику как таковую, особенно в стране, понесшей наибольшие потери от нацистской агрессии.

В-третьих, при разработке и проведении в жизнь советской внешней политики предпочтение отдавалось идеологическим факторам в ущерб всем остальным - экономическим, географическим, демографическим и т.д.

Такое пренебрежение к геополитике не позволяло адекватно анализировать политическое поведение государств и по мнению исследователей явилось причиной ряда крупных ошибок в политике советских властей, как, например, военные действия в Афганистане.

В начале девяностых был восстановлен статус геополитики, как дисциплины в системе политических и экономических наук. С середины девяностых годов геополитика стала преподаваться в вузах. В 1989 году в «Советском Философском энциклопедическом словаре» геополитика определялась как западная политологическая концепция, согласно которой «политика государств, в особенности внешняя, в основном предопределена различными географическими факторами: пространственным расположением, наличием либо отсутствием определенных природных ресурсов, климатом, плотностью населения и темпами его прироста».

Теперь рассмотрим определения, данные в зарубежной научной литературе, которые приводятся в российских учебниках по геополитике. Так, «Американская энциклопедия» приводит следующее определение геополитики: «Геополитика – термин, придуманный в 1900 г. шведским ученым Р. Челленом,

представляющий собой сокращение от «географическая политика». В то время как политическая география исследует политические аспекты географических феноменов, геополитика исследует географические аспекты политических феноменов. Разница между ними в фокусе внимания, в акцентах. Исследователи в области геополитики подчеркивают вклад как объективных, так и субъективных естественных и искусственных географических факторов на политическую жизнь. Геополитические исследования распадаются на следующие категории: 1) геополитика окружающей среды, подчеркивающая значение физической и экономической географии как стимула или препятствия для достижения определенных целей, 2) пространственная геополитика, исследующая географические факторы в пространстве, 3) интеллектуальная геополитика, исследующая геополитическую мысль, т.е. концепции и модели восприятия геополитического пространства, а также возможные модели для реализации. Геополитика как академическая дисциплина разработана Ф. Ратцелем и Х. Макиндером. Тезис Х. Макиндера о том, что «осевым регионом мировой политики является Евразия, недоступная морским силам, но открытая сухопутным номадам, все еще является влиятельным».

В «Британской энциклопедии» геополитика определяется следующим образом: «Геополитика - анализ географического влияния на силовые отношения в международной политике. Теоретики геополитики стремились продемонстрировать важность таких факторов, как границы, доступ к морям, стратегический контроль над территориями при формировании национальной политики. Термин «геополитика» был предложен Р. Челленом в 1916 г. и быстро получил признание в период между двумя войнами, а затем стал широко использоваться. В прошлом сфера национального влияния определялась, главным образом, географическими факторами. Но эти факторы стали играть меньшую роль в связи с развитием коммуникаций и транспорта, которые позволили преодолеть ограничения географического расположения».

В немецкой «Брокгауз энциклопедии» приводится такое определение геополитики: «Геополитика – область знания на пересечении государствоведения, истории и географии. Имеет своим источником политическую географию, но не идентична с ней. Швед Р. Челлен придумал термин «геополитика», который в некотором смысле соответствовал термину «политические науки». В современной англо-американской литературе понятие «геополитика» идентично понятию «политическая география» в ее прагматическом аспекте».

В «Международной энциклопедии» дается следующее определение: «Геополитика – дисциплина, исследующая отношения между континентальными и морскими ареалами и политикой с целью проведения соответствующей внешней политики. Она отличается от политической географии тем, что оценивает географические условия, границы, расселение населения и подобные факторы с точки зрения интересов государства».

Приведенные выше определения не идентичны и носят черты национального своеобразия получившее свое воплощение в развитии данной дисциплины в Великобритании, США, Германии и других странах. Важно отметить, что

геополитика, согласно всем этим определениям, является дисциплиной, возникшей на стыке ряда других дисциплин: политической географии, истории, политологии, - и потому ее можно определить как одну из первых комплексных дисциплин в обществоведении. В некотором смысле геополитику можно рассматривать как предтечу глобализма (глобального мышления, глобальных проблем).

Теперь приведем определения геополитики современных российских ученых, занимающихся этой наукой.

Так, по мнению Э.А.Позднякова, «геополитика основное внимание уделяет раскрытию возможностей активного использования политикой факторов физической среды и воздействия на нее в интересах военно-политической, экономической и экологической безопасности государства. Практическая геополитика изучает все, что связано с территориальными проблемами государства, его границами, с рациональным использованием и распределением ресурсов включая и людские».

Н.С.Гаджиев рассматривает геополитику «как дисциплину, изучающую основополагающие структуры и субъекты, глобальные или стратегические направления, важнейшие закономерности и принципы жизнедеятельности, функционирования и эволюции современного мирового сообщества».

Ю.В.Тихонравов определяет геополитику «как отрасль знания, изучающую закономерности взаимодействия политики с системой неполитических факторов, формирующих географическую среду (характер расположения, рельеф, климат, ландшафт, полезные ископаемые, экономика, экология, демография, социальная стратификация, военная мощь)».

Согласно Н.А.Нартову, «геополитика - наука, система знаний о контроле над пространством».

А.Г.Дугин считает геополитику, прежде всего идеологией: «геополитика - это мировоззрение власти, наука о власти и для власти. Только по мере приближения человека к социальной верхушке геополитика начинает обнаруживать для него свое значение, тогда как до этого она воспринимается как абстракция. Геополитика - дисциплина политических элит. В современном мире она представляет собой «краткий справочник властелина», учебник власти, в котором дается резюме того, что следует учитывать при принятии глобальных (судьбоносных) решений - таких, как заключение союзов, начало войн, осуществление реформ, структурная перестройка общества, введение масштабных экономических и политических санкций и т.д. Геополитика - это наука править».

Геополитика действительно является важным компонентом идеологии, выполняет определенные идеологические функции. Но, все же, по мнению большинства исследователей, геополитика, прежде всего научная дисциплина и поэтому не может быть сведена к идеологии. Исходя из этого, геополитику можно определить как направление, изучающее взаимозависимость внешней политики государств, международных отношений и системы политических, экономических, экологических, военно-стратегических и иных взаимосвязей,

обусловленных географическим положением страны (региона) и другими физико- и экономико- географическими факторами.

Охарактеризовав основные определения геополитики, приведенные из зарубежной и российской литературы, вернемся к истокам этого понятия, к определениям, которые были даны классиками геополитики. (Более подробно их взгляды будут изложены в разделе 4).

Так, Рудольф Челлен, будучи автором термина «геополитика», определял геополитику как «доктрину, рассматривающую государство как географический организм или пространственный феномен».

Геополитика есть наука об отношении земли и политических процессов. Она зиждется на широком фундаменте географии, прежде всего географии политической, которая есть наука о политических организмах в пространстве и об их структуре. Более того, геополитика имеет целью обеспечить надлежащим средством политическое действие и придать направление политической жизни в целом. Тем самым геополитика становится искусством, именно искусством руководства практической политикой. Геополитика - это географический разум государства.

Геополитика рассматривает государство не в статике, как постоянное, неизменное образование, а в динамике - как живое существо. Такой подход предложил немецкий теоретик Фридрих Ратцель. Геополитика изучает государство в основном в его отношении к окружению, прежде всего к пространству и ставит целью решать проблемы, возникающие из пространственных отношений. По мнению Ф.Ратцеля, в отличие от политической географии геополитику не интересуют такие вопросы, как положение, форма, размеры или границы государства, его экономика, торговля, культура. Все это в большей мере относится к сфере политической географии, которая чаще ограничивается описанием статического состояния государства, хотя может постигать и динамику его прошлого развития. Геополитика изучает политические явления в их пространственном взаимоотношении, в их влиянии на Землю, на культурные факторы. Это географически интерпретированная политика, промежуточная наука, не имеющая независимого поля исследования. Больше тяготея к политике, она концентрирует внимание на политических явлениях и стремится дать географическую интерпретацию и анализ географических аспектов этих явлений.

Другой крупный немецкий ученый-геополитик К.Хаусхофер с 1924 г. в течение 20 лет издавал солидный геополитический журнал «Zeitschrift für Geopolitik», где и были опубликованы его главные работы, в нем было дано следующее определение: «геополитика есть наука об отношениях земли и политических процессов. Она зиждется на широком фундаменте географии, прежде всего географии политической, которая есть наука о политических организмах в пространстве и об их структуре». Геополитика может обеспечить надлежащими инструкциями политическое действие и придать направление политической жизни в целом. Тем самым геополитика становится искусством, именно искусством руководства практической политикой. «Геополитика - это

географический разум государства». Карл Хаусхофер характеризовал геополитику как учение «о географической обусловленности политики».

Соотечественник К.Хаусхофера Отто Маулль считал, что «геополитика имеет своим предметом государство не как статическую концепцию, а как живое существо». Геополитика исследует государство главным образом в его отношении к окружению и пространству и ставит целью решить проблемы, вытекающие из пространственных отношений. Геополитику не интересует, в отличие от политической географии, государство как явление природы, то есть его положение, размеры, форма или границы как таковые. Не имеет она дела и с государством как системой экономики, торговли или культуры. С точки зрения геополитики простой анализ государства (физический или культурологический), даже если он имеет отношение к пространству, остается статичным. Все эти виды относятся к сфере материнской науки - политической географии. Область геополитики, подчеркивает Маулль, - это пространственные нужды и требования государства, тогда как политическую географию интересуют пространственные условия его бытия. Маулль отмечает принципиальное различие между политической географией и геополитикой: первая удовлетворяется статистическим описанием государства, которое может также включать изучение динамики прошлого его развития; вторая же есть дисциплина, взвешивающая и оценивающая данную ситуацию; геополитика всегда нацелена на будущее.

Таким образом, геополитика концентрирует свое влияние на политических явлениях и стремится дать географическую интерпретацию и анализ географических акцентов этих явлений. Геополитика рассматривает пространство с точки зрения государства. В рамках геополитики различают два достаточно четких обозначения:

- 1) геополитику, предписывающую или нормативную;
- 2) геополитику оценочно-концептуальную.

Обобщая, можно сделать вывод, что геополитика как наука, главное свое внимание направляет на раскрытие и изучение возможностей активного использования географических факторов физической среды и воздействия на нее в интересах военной, экономической и экологической безопасности государства. В сферу практической геополитики входит все, что связано с территориальными проблемами государства, его границами с рациональным использованием и распределением ресурсов, включая людские.

Как и всякая наука, геополитика имеет предмет исследования, который постоянно меняется, как меняется окружающий мир, в который вовлекаются новые проблемы развития природы и человечества. Исследователи отмечают, что геополитика стала комплексной дисциплиной, так как мир стал многополярным и многомерным, мировая политика носит многоуровневый и глобальный характер. Если раньше главными факторами являлись факторы географические, то теперь в динамично развивающемся мире к ним добавляются новые факторы, которые формируют геополитическую модель современного мира.

Так, с середины XX века в результате бурно протекающей научно-технической революции к новым элементам предмета геополитики добавились экономические процессы. Их влияние на политическую ситуацию в мире в конце XX столетия резко возросло. Общественное разделение труда, связанное во многом с НТР, добычей природных ископаемых, их переработкой, утилизацией отходов и другими факторами, привело к реальной глобализации экономических процессов. Это выразилось не только в технико-технологическом и организационном плане. Глобализация видна также в международной торговле, межгосударственном движении капиталов, инвестиций, перемещении рабочей силы и валюты, информационных потоков и т.д. Эти и другие процессы оказывают все большее влияние на все сферы международной жизни. Экономические факторы в XXI веке будут оказывать еще большее влияние, и экономические конфликты лишь закрепятся на первом месте среди всех видов межгосударственных, межнациональных конфликтов. Для их решения будет чаще использоваться сила — военная и военно-политическая, которая в свою очередь зависит от состояния экономики. Поэтому сегодня любой анализ геополитической ситуации без анализа экономических факторов не позволит сделать научно обоснованных выводов и дать разумные рекомендации политическим лидерам.

Таким образом, экономические процессы, научно-техническая революция все больше влияют на окружающую географическую среду, экологическую обстановку, на самого человека, общество (размещение производства, перемещение рабочей силы, строительство новых городов и т.д.). Экономические интересы выступают на первый план при установлении всех форм международных отношений. А так как глобальные экономические процессы, протекающие на планете, отличаются высокой динамичностью, то они определяют нестабильность современной геополитической ситуации. На второе место в геополитике отошли собственно географические условия жизнедеятельности стран. Но эти два важных фактора не могут исчерпывающе характеризовать геополитическое положение современного мира, динамику отношений между государствами, народами, окончательно определить место страны или группы стран в мировых отношениях и в мировой политике. Кроме того, существует еще ряд обстоятельств, оказывающих большое влияние на геополитику и служащих предметом ее исследования:

- усовершенствованные военно-технические средства;
- развитие электронных средств связи, создание всемирной информационной сети Интернет;
- темпы развития науки, занимающейся разработкой новой техники и технологии, а также общественно-политических наук, обеспечивающих стратегию и тактику геополитической линии в международных отношениях;
- уровень образования и культуры населения;
- состояние мировых религий, которые в последние десятилетия XX в. (особенно ислам) оказывают все большее влияние на геополитический баланс сил;

- эффективность деятельности политического режима государства, уровень мышления, компетентности правящей элиты, уважение к законам и указам населения страны, общества.

Следует отметить, что результатом научно-технического прогресса явилось снижение роли отдельных географических элементов: больших пространств, океанов, морей, гор, рек, лесов, степей. Вместе с ними понизился ранг многих видов коммуникаций: железных дорог, водных коммуникаций. Возросла роль трубопроводов, автотранспорта и воздушных перевозок. Увеличилось значение относительно малых стран, обладающих научным потенциалом, технологиями и финансами.

Далее, геополитика, как и другие науки об обществе и природе, изучает законы становления, функционирования и развития социальных, экономических, географических, политических, военных и других систем.

Главным законом, который более всего привлекает внимание исследователей этой науки, по мнению видных специалистов, является закон фундаментального дуализма, проявляющийся в географическом устройстве планеты и в исторической типологии цивилизаций. Так, западные ученые Р. Челлен, А. Мэхен, Х. Макиндер, К. Хаусхофер, русские исследователи этой проблемы Н.Я. Данилевский, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, П.Н. Савицкий, Л.Н. Гумилев считали, что этот дуализм выражается в противопоставлении сухопутного могущества («теллурократии») и морского могущества («талассократии»). Например, первое проявляется в виде военно-авторитарной цивилизации (Древняя Спарта, Древний Рим), второе — торговой цивилизации (Древние Афины и Карфаген).

Теллуократия, характеризуется четко обозначенными границами, фиксированным пространством, способами жизнедеятельности населения, устойчивостью его качественных ориентаций. Суша — это всегда прочно, устойчиво, твердо. Эта твердость формирует твердость морали и закона, твердость традиции. Нравы закрепляются в общественном сознании, передаются по наследству, формируется кодекс этических норм, принципов. Это проявляется, в частности, и в том, что сухопутным народам, особенно оседлым, близко чувство коллективизма, а не индивидуализма, чужд дух предпринимательства, наживы. В управлении большими и малыми группами главным принципом является иерархичность.

Талассократия, по мнению исследователей, и в частности, автора этой концепции А. Мэхена, — совершенно противоположный тип цивилизации. Талассократия, или торговая цивилизация, более динамична и восприимчива к техническому прогрессу. Ей присущ дух индивидуализма, наживы, предпринимательства. Эти и другие качества индивида или группы предопределяет море, требующее такого типа личности, которая может выжить в экстремальных условиях. Следовательно, в такой цивилизации нравственные и юридические нормы, принципы, законы становятся относительными. Подобный тип цивилизации развивается активнее, чем теллуократический, легко меняет нравственные и культурные ценности, признаки, сохраняя только

одну основную установку — стремление вперед, к новым открытиям, приключениям, наживе.

Столетиями континентальные цивилизации (суша) довели над морскими, но ходом развития техники (повышение уровня кораблестроения, совершенствование вооружений, разделение общественного труда и, следовательно, товарообмена и торговли) объективно усиливались позиции моря, морских цивилизаций. Отсюда вытекает другой закон геополитики: усиление фактора пространства в человеческой истории. Это особо подчеркивает А. Мэхен в работе «Влияние морской силы на историю». В частности, он замечает, что английская нация обязана своим величием морю более чем всякая другая. Рост влияния талассократии начинается вместе с эпохой великих географических открытий, а достигает вершины своего могущества в конце XX в., когда англосаксонский капитализм и индустриализм сформировались как единый комплекс. Гласным оплотом талассократии с середины XX в. стали США. В середине XX в. геополитический дуализм достиг своего апогея, когда теллуократия отождествлялась с СССР, а талассократия - с США и подконтрольными им сферами влияния.

В качестве производного основного закона геополитики - дуализма талассократии и теллуократии можно с определенной долей условности назвать закон синтеза суши и моря - «береговая зона». Это тоже ключевое понятие в геополитике, «береговая зона», или Rimland - фрагмент талассократии или теллуократии. Влияние моря и предопределяет в «береговой зоне» более активное развитие, чем на суше, поэтому она - более сложное и культурное образование. Береговая зона выступает как субъект истории со своей волей и судьбой, но реализуются они в рамках геополитического дуализма. Таким образом, Rimland выступает поясом, пограничной зоной, или границей. В геополитике этот термин несет иную смысловую нагрузку, чем понятие границы между государствами. Морские пришельцы видят берег не как линию для самого материка, а как территорию, которую можно оторвать от континентальной массы, превратить в базу, торговый, военный анклав для дальнейшего наступления на сушу.

Геополитика оперирует своими категориями, среди которых основной является - «контроль над пространством». Геополитика изучает основы, возможности, механизм и формы контроля пространства со стороны политических институтов, в первую очередь со стороны государств и союзов государств. Территория, которую контролирует или стремится контролировать государство, характеризуется, прежде всего, степенью освоенности центром, уровнем развития их связей. Пространство, контролируемое государством или их союзом, называют чаще всего геополитическим полем. С глубокой древности известны различные формы контроля над освоенным геополитическим пространством. Это военный, политический, экономический, демографический, коммуникационный, религиозный и другого вида контроль. В конце XX в. все большую роль играет информационно-идеологический, технологический и культурно-цивилизационный контроль. Эти формы контроля чаще всего используются в различных сочетаниях, так как

геополитический подход требует учета всех факторов в межгосударственном взаимодействии, прежде всего географических, экономических, военных, демографических, политических, культурно-религиозных, этнических.

Категория «геополитические отношения» - это относительное единство и борьба различных мировых сил. Чаще всего это борьба противоположностей: суши и моря, центра и периферии. Единство в Мировом историческом процессе — явление временное. Поэтому абсолютна только борьба противоположностей. Она постоянна. Отсюда следующей важной категорией геополитики является баланс сил. После распада СССР баланс сил в мире значительно изменился. Мир перестал быть биполярным, идет процесс развития нового мирового порядка.

Важной категорией геополитики является понятие «политическое пространство», которое очерчено границами. Политическое пространство - это один из главных признаков государства. Таковым его делают определенные границы, выступающие фактором его безопасности. В геополитике весьма важную роль играют пространственные отношения между государствами, в качестве таковых выступают границы. Геополитическая проблема границ возникает всегда, когда начинается борьба за контроль, присоединение, освоение политического пространства.

Другой основной категорией геополитики является понятие «интерес». Зная, в чем заключается интерес государства, нации, нетрудно определить общий стратегический курс страны. Интересы могут быть: классовые, национальные, государственные.

С категорией «интерес» тесно связано и другое базовое понятие науки геополитики - «механизм реализации государственных интересов». Какие принципы, нормы права, морали, политики должны быть приоритетными при отстаивании этих интересов? Практика показывает, что на первый план выступают прагматические интересы, достигаемые силой без учета каких-либо норм и принципов морали. Разница была и есть в том, что одни - геополитически сильные государства или их группа - хотят сразу и все, другие - по частям и постепенно. Одни пытаются реализовать свои государственные интересы путем активной, а другие - ползучей экспансии. Эти методы (условно: Запада и Востока) нарабатывались веками, они имеют свою историю и методологию. Одни идут по пути укрепления национальной геополитической силы (Китай, Япония), другие — по пути создания новых коалиций. Внутри этих коалиций (НАТО, ЕС и др.) идет постоянная скрытая или явная борьба за лидерство как внутри коалиций, так и в ключевых районах мира (например, дележ постсоветского пространства, ближнего Востока).

Рассматривая стремление государства к реализации своих интересов, необходимо также отметить и понятие «мощь», «могущество государства». Мощь (могущество) государства исторически проявлялась в первую очередь как мощь военная. Военная мощь возростала по мере научно-технического прогресса, наработок военной мысли. Все это вкуче с географическими факторами работало на становление или упадок мощи государства. Геополитические конфликты возникали чаще всего вокруг разделов и

переделов мира, за спорные территории, за расширение сфер влияния. По мере накопления экономического, финансового, интеллектуального потенциала государственная мощь стала прирастать этими элементами. Вторая половина XX в. показала, что борьба за передел мира может вестись не только с применением военной силы, но и путем экономической, финансовой, культурно-идеологической экспансии. Многие современные геополитики полагают, что «мощь страны - это комплексный показатель взаимодействующих в системе факторов», величина не абсолютная, измеряемая какими-то единицами, а относительная, т.е. проявляющаяся в процессе интеракций государств в международных отношениях и оцениваемая по их результатам. В определенной степени элементы мощи государства взаимозаменяемы.

Государственные интересы порождают те или иные действия стран и народов. Эти действия могут носить оборонительный или наступательный, захватнический или освободительный характер. В геополитике чаще всего применяется категория экспансии, под которой обычно понимаются какие-либо территориальные приобретения или установление военно-политических сфер влияния. Практика показала, что экспансия может быть не только военной, но и экономической (торговой, финансовой и т.п.), а также культурно-идеологической, информационной и т.д. В конце XX в. главным видом экспансии остается территориальная - борьба за сырьевые ресурсы суши и моря, за биоресурсы - за выживание.

Что касается методов, которые используют в геополитике, следует указать, что они разнообразны, и как правило, разрабатывались в других науках: политической географии, истории, социологии, политологии и т.д. Геополитика использует разные методы, среди которых можно выделить такие, как: системный, психологический, сравнительный, исторический, нормативно-ценностный, функциональный, к которому примыкает структурно-функциональный анализ, институциональный, антропологический, общелогические методы и методы эмпирических исследований и др.

Так, с позиции системного метода, как и любая сфера общественной жизни, науки, геополитика рассматривается как целостный, сложно организованный саморегулирующийся организм, находящийся в непрерывном взаимодействии с окружающей средой через входы и выходы системы. Любая система стремится к самосохранению (геополитическая не исключение) и выполняет определенные функции, среди них важнейшей является распределение ценностей и ресурсов и обеспечение принятия гражданами распределительных решений в качестве обязательных.

Психологический метод ориентирован на изучение зависимости поведения индивидов или групп от их включения в более глобальные общности, а также на исследование психологических характеристик наций, классов, малых групп и т.п. В геополитике психологический метод направлен на анализ политической картины в ее динамике. Он рассматривает ее как специфического вида живую и овеществленную деятельность, как циклический процесс, имеющий определенные стадии или этапы. Это определение целей деятельности,

принятие решений; организация масс и мобилизация ресурсов на их осуществление; регулирование деятельности групп, масс; контроль за достижением поставленных целей; анализ результатов деятельности и постановка новых целей и задач. Этот метод составляет методологическую базу теории геополитических решений.

Сравнительный метод широко распространен во многих науках об обществе: в истории, социологии, географии и политологии. Геополитика как синтетическая наука также широко пользуется этим методом. Он предполагает сопоставление однотипных явлений жизни для выделения их общих черт и специфики, нахождения оптимальных путей решения задач и т.п. Этот метод позволяет плодотворно использовать опыт других народов и государств. Безусловно, это должно быть не слепое копирование тех или иных способов достижения геополитических целей, а творческое решение задач применительно к условиям, месту и времени.

Исторический метод также издавна применяется во всех общественных науках. Он требует изучения всех явлений жизни в последовательном временном развитии, выявлении связи прошлого, настоящего и будущего. Этот метод в геополитике, как и в философии, социологии, истории, политологии, - один из важнейших.

Сущность нормативно-ценностного метода - в его названии. Он включает в себя выяснение значения тех или иных фактов, явлений для государства, личности; оценку этих фактов или явлений для блага страны, индивида. Оценка дается с позиций справедливости или несправедливости, уважения или попрания свободы народов других стран. При этом предполагается, что политик, государственный деятель должен в своей деятельности, при принятии решений исходить из этических ценностей и норм и в соответствии с ними вести себя.

Функциональный метод требует тщательного изучения зависимостей между различными сферами общественной жизни или отношениями между странами или группой стран: их экономическими, политическими отношениями, уровнями военных контактов или противостояния, степенью урбанизации населения, его плотности, политической активности, высоты морально-психологического духа и т.п.

К этим функциональным методам примыкает структурно-функциональный анализ. Он рассматривает общество, государство, союз государств как систему, обладающую сложной структурой, каждый элемент которой выполняет специфические функции, удовлетворяющие определенные потребности и ожидания системы.

Институциональный метод ориентирует на изучение деятельности институтов, с помощью которых осуществляется политическая деятельность - функционирование государства, партий, организаций и объединений и т.п.

Стоит указать и антропологический метод. На первое место по важности он ставит не социальные факторы, а природу человека, имеющего большой набор потребностей, прежде всего материальных (в воздухе, воде, пище, одежде, жилище, безопасности, духовном развитии и т.п.).

Общелогические методы относятся в большей степени к организации и процедуре познавательного процесса, связанным с геополитическими действиями, изменениями. В эту группу входят анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и восхождение от абстрактного к конкретному, сочетание анализа исторического и логического, все виды эксперимента, моделирование, кибернетические, математические, прогностические и другие методы.

Методы эмпирических исследований пришли в геополитику и вообще в науку из социологии, статистики, кибернетики и других наук. К ним относятся анализ документов, опросы, эксперименты, теория игр и др.

Геополитика как научная дисциплина имеет многообразные связи с жизнью отдельного государства, союза государств, противостоящих блоков. Она отражает объективные связи и закономерности реальной жизни, что позволяет ей выполнять определенные функции. Наиболее важные из них познавательная, или гносеологическая, прогностическая, управленческая, идеологическая.

Познавательная функция связана, прежде всего, с изучением тенденций геополитического развития стран и народов, изменением различных явлений, процессов, событий. В научном познании геополитической жизни чаще всего пользуются совокупностью теоретических знаний из жизни государств, стран и народов, используя методы сравнения, аналогий, экстраполяции, но также широко применяют и эмпирические исследования. Они обеспечивают приоритет новых эмпирически обоснованных знаний о геополитической действительности.

Безусловно, для понимания и объяснения надо применять общелогические методы: анализ и синтез, индукции и дедукции и т.д. Приходится перерабатывать и обобщать огромный объем информации о конкретных геополитических явлениях, фактах, процессах. Могут применяться и другие психологические, социальные, специальные методы: контент-анализ документов, тестирование, социометрия и т.д. Это может быть анализ действий, поступков, поведения, выступлений, заявлений участников политических событий небольшого региона, глобального блока или союза.

Прогностическая функция геополитики вытекает из познавательной, тесно смыкается с ней. Собственно, любые исследования - теоретические, эмпирические - проводятся во многом для того, чтобы дать более или менее верный прогноз развития геополитических сил, полей, обозначить конфигурацию стран или союзов, их влияние на развитие международных, этнических отношений, уладить возможные локальные конфликты и выработать рекомендации для их предотвращения или погашения.

Ценность любого геополитического исследования, начиная от конкретных, эмпирических, и кончая теоретическими, в которых дается анализ эмпирического материала, состоит в том, насколько адекватно, точно они отражают тенденции многообразных геополитических процессов. Ценность еще и в том, в какой степени они завершаются научно обоснованными прогнозами, а также и в том, насколько эти прогнозы будут способствовать

реализации прогрессивных геополитических изменений в интересах человека, страны, региона, всего человечества в целом.

Управленческая функция геополитики проявляется, прежде всего, в сборе и анализе эмпирической информации, выработке конкретных управленческих решений и рекомендаций. Без оптимального объема информации, без должного ее анализа, выводов и рекомендаций ученых политическим лидерам, военным руководителям, экономистам невозможно принимать верные решения, управлять геополитическими процессами, да и вообще руководить конкретной сферой общественной, политической, финансово-экономической жизни. Итак, управленческая функция геополитики конкретно проявляется в том, что ее прикладная часть напрямую участвует в подготовке, разработке практических рекомендаций для управления геополитическими событиями, формирования, руководства.

Ключевые слова: геопространство, глобализация, закон фундаментального дуализма, теллурократия, талассократия, береговая зона - Rimland, контроль над пространством, геополитические отношения, интерес, пространство, механизм реализации государственных интересов, мощь, могущество государства, экспансия.

Контрольные вопросы:

1. В чем заключается связь политики и географии?
2. Почему в советский период геополитика рассматривалась как буржуазный и нацистский вымысел, как «лженаука»?
3. Какими чертами обладала геополитика классического периода и какие характеристики приобрела современная геополитика?
4. Какие существуют определения геополитики в российской политической науке?
5. Объясните, почему некоторые исследователи геополитику рассматривают как предтечу глобализма (глобального мышления, глобальных проблем).
6. В чем заключается сущность закона фундаментального дуализма?
7. Что означает понятие «береговая зона»?
8. Какими категориями оперирует геополитика? Перечислите основные категории геополитики и дайте их характеристику.
9. Какие факторы оказывают влияние на развитие современной геополитики?
10. Охарактеризуйте основные функции геополитики?

2. Формирование геополитических взглядов и подходов в истории общественной мысли древности и средневековья

Истоки формирования геополитических концепций относятся к глубокой древности и связаны с возникновением государственности. На территории древнего Китая первое протогосударственное образование появилось на рубеже III-II тыс. до н. э. в среднем течении Хуанхэ. Это был союз племен Ся. Затем в

начале II тыс. гегемонии добивается Иньская династия, которая правила первым китайским государством до конца II тысячелетия, пока иньский правитель не был свергнут предводителем племени Чжоу У-ваном. В VII в. до н. э. империя Чжоу испытывала сильное давление кочевых племен ди, имевших, по-видимому, скифское происхождение. Борьба с кочевниками способствовала не только самоидентификации этнической общности древних китайцев - хуася, но и упадку, а затем и падению империи Чжоу. В то же время именно тогда в науке и массовом сознании постепенно консолидирующегося древнекитайского общества оформляется «китаецентристская», точнее чжоуцентристская, геополитическая картина мира, в соответствии с которой в центре обитаемой Вселенной (Поднебесной) находится благодетельствованная богом чжоуская Срединная империя. Отсюда, кстати, и происходит само название Китая - Чжунго (чжун - «середина», го - «государство»). Эта империя, используя свое выгодное географическое положение и покровительство богов (чжоуский ван носил титул «Сын неба») - по развитию техники, культуры и военной мощи далеко обошла все страны Поднебесной - отсюда геополитические представления о богоизбранности китайских императоров, мессианской роли империи в обитаемом мире, ее самодостаточности и оправдание автаркии.

Царство Чжоу занимало лишь среднее течение Хуанхэ, но постепенно, по мере расширения пределов Срединного царства, представление о Поднебесной как обо всем обитаемом мире перенеслись на него. Таким образом, понятия «Срединная империя» и «Поднебесная» стали синонимами. Тогда же, в середине I тыс. до н. э., возникают первые представления о военной мощи государства. Так как основу боевого порядка составляли колесницы, то и военная мощь государства измерялась их количеством. Идеальным, непревзойденным государством в Поднебесной признавалась держава, имеющая 10 000 боевых колесниц.

Эпоха Борьбы царств, начавшаяся в V в. до н. э., завершилась в III в. до н. э., когда к власти пришла династия Цинь (221 г. до н. э.), а затем - Хань (206 г. до н. э.). Ханьская империя расширила свои владения далеко за пределы чжоуского мира, при этом свою экспансию она также вела с позиции ханьского этноцентризма и «срединности» Поднебесной империи. Именно циньцами, или ханьцами, по названию самой мощной империи в истории Древнего Китая называют себя современные китайцы.

В эпоху Великих географических открытий у европейцев в отношении китайцев закрепился этноним «цинь». Отсюда итальянское название Китая Cina и английское China. Русское название берет свое начало с XI в., со времени правления династии Сун, ведшей непрерывные войны с монголоязычными киданями, захватившими север Срединной империи. Этноним «кидань», в тюркоязычной передаче «китай», лег в его основу.

Борьба с кочевниками занимает важную часть истории Китая, являясь неотъемлемой частью геополитики китайских императоров. По мнению исследователей, геополитические идеи о контроле над территорией, методах и формах борьбы формулировались в так называемых китайских стратагемах -

своего рода тактических приемах, которые использовались в конкретной исторической ситуации. Наиболее известные китайские стратагемы: «Объединиться с дальним врагом, чтобы победить ближнего», «На востоке поднимать шум, на западе нападать», «Скрывать за улыбкой кинжал», «Ловить рыбу в мутной воде», «Убить чужим ножом», «Наблюдать за огнем с противоположного берега» и другие. Стратагемность мышления не предполагает сокрытия своих планов от врага, напротив - демонстрируемая открытость также является оружием борьбы.

Китайские стратагемы высоко оценили не только современные геополитики, но и политтехнологи, которые широко используют стратагемы во время избирательных кампаний.

Многие идеи в учениях древнекитайских философов содержат геополитические аспекты, например, в трудах китайского философа Мэн-Цзы (372-289 до н.э.) осмысление проблемы военных столкновений между царствами подводит его к анализу геостратегии правителей, возможности распространения влияния одного царства на другие, противостояния малых и больших государств, последствий военно-политических действий.

В древней Индии, так же как и в Китае, на протяжении всей истории возникали и распадались царства и великие империи. Каждый период распада империй характеризовался яростной борьбой за гегемонию среди отдельных царств, составлявших когда-то имперское объединение. Например, в VI-IV вв. до н. э. среди государств долины Ганга доминировало царство Магадха, в IV-II вв. до н. э. большую часть Индостана объединила под своей властью империя Маурья, в I-III вв. н. э. северо-запад Индии находился под властью Кушанской империи, образованной пришлыми сакскими кочевниками, на IV-V вв. приходится расцвет империи Гуптов. Геополитические проблемы аналогичны тем, что имелись в Древнем Китае: противостояние кочевникам, борьба разных цивилизаций, внутренняя борьба царств за гегемонию, становление, расцвет, закат и падение империй.

Среди древнеиндийских источников особое место занимает Артхашастра («Наука государственного управления», «Наука политики», II-III вв. н.э.) - ценнейший исторический, политический, правовой и литературный памятник древнеиндийской культуры, содержащий важные сведения о различных аспектах жизни древнеиндийского общества. Согласно индийской традиции, Артхашастра написана брахманом Каутильей, занимавшимся делами государственного управления при основателе династии Маурья Чандрагупте I (IV-III вв. до н. э.). По данным европейских ученых, Артхашастра создавалась на протяжении многих лет несколькими авторами примерно во II-III вв. до н. э. По мнению исследователей с геополитической точки зрения вызывает интерес раздел 19 второго отдела книги, в котором речь идет о правилах заселения пустующих или завоеванных областей. Артхашастра содержит тщательно продуманные и, наверное, апробированные нормы устройства селений, районирования, строительства волостных, районных и окружных центров власти, наделения земель представителей различных социальных групп, предоставления льгот и освобождения от налогов поселенцев, организации

экономической жизни, политической власти и суда. Не остался в стороне такой важный геополитический вопрос, как устройство пограничных рубежей завоеванной или вновь заселяемой местности, либо по естественным, либо по искусственным рубежам. Отдельно даны правила выбора места и постройки крепостей во вновь заселяемой области. Такая строгая и точная привязка любых действий в области военной (завоевательной), экономической, социальной политики к ландшафту вообще и конкретной местности в частности не может не навести на мысль о довольно жесткой детерминации любой политики в Древней Индии природными условиями, т. е. о связи политики и географии.

Идеи неразрывной взаимосвязи географии и политики, влияния географической среды (в первую очередь климата) на обычаи, нравы, образ правления и некоторые общественно-исторические процессы содержат труды античных мыслителей. В Древней Греции происходит формирование теории влияния среды на политическую историю, которую излагают Гиппократ, Аристотель, Полибий и другие античные авторы. Геополитические идеи греческих и римских авторов содержат глубокий анализ и обобщения.

Как считают современные исследователи, впервые теорию влияния географической среды изложил «отец медицины» - Гиппократ (ок. 460-ок. 370 до н.э.) в сочинении «О воздухах, водах и местностях». В этой работе Гиппократ развивает идею о влиянии географических условий и климата на особенности человеческого организма, свойства характера жителей и даже на общественный строй.

Другой не менее известный философ - «отец истории» Геродот (ок. 484 - между 431-425 до н. э.) рассматривал влияние географической среды на различие в образе жизни народов. В сочинениях «История в девяти книгах», «Скифия и поход Дария на скифов» он дает описание различных народов, их быта, обычаев, существующих у них формы брака и семьи, жилищ и одежды, религии, языка и т.д., указывает на влияние климатических условий на внешний облик народов, на их строение и на здоровье.

В главном труде древнегреческого историка Фукидида (460-396 до н.э.) «История» описана Пелопонесская война, война между Афинским морским союзом и Пелопонесским союзом во главе со Спартой. Как считают исследователи, Фукидид в своем труде решал не глобальную, а региональную проблему, и проблема эта была геополитической, поскольку война между Афинами и Спартой носила характер соперничества за гегемонию в Элладе. Кроме того, учитывая противоположности общественных укладов и форм правления, эта война решала вопрос о направлении дальнейшего развития всех греческих полисов. Речь идет об альтернативе между демократией и олигархией, торгово-промышленными и традиционно-сельскохозяйственными путями развития, широком космополитическом или спартанско-патриотическом образе мышления.

Фукидид первым из древнегреческих историков рассматривал исторический процесс прагматически (а не эпически, как Геродот), как цепь политических, военно-политических событий и военных столкновений. Для него история - прежде всего внешняя политика, в том числе и военная. Именно

в этом проявился его геополитический подход. Война показала возросшую роль армии - несмотря на неоспоримое преимущество афинян в культуре, искусстве, торговле и промышленности, победа оказалась на стороне Спарты. Фукидид подчеркнул роль флота, особенно для укрепления мощи прибрежных и островных государств, таких как, полис Коринф, остров Крит. Коринф, например, благодаря развитию флота и торговли стал одним из самых мощных в военном отношении и богатых государств Эллады. Критское островное государство, используя свое исключительно выгодное географическое положение (защищенность от врагов, удобное побережье для развития судоходства и контроля за другими государствами), сумело добиться в конце II тыс. до н. э. гегемонии в Средиземноморье. Фукидид отметил возросшее значение военно-морского флота в войне с преимущественно сухопутными державами. Именно благодаря мощному флоту и господству на море получили преимущество ионяне в их войне с персами.

Древнегреческие философы рассматривали влияние географической среды на социальное существование человека исходя из сугубо практических соображений. Вместе с развитием цивилизации, ростом числа городов-государств и их населения возникали и чисто геополитические проблемы: необходимость расширения жизненного пространства для увеличивающегося населения, колонизация свободных территорий по всему периметру Средиземноморья с целью сброса избыточного населения, пограничные проблемы и др. Решать их приходилось нередко путем войн с соседями. Известный им мир они стали делить в соответствии с климатическими условиями. Древнегреческий мыслитель Парменид (VI в. до н.э.) выдвинул теорию пяти температурных зон или поясов: два холодных, два промежуточных и один жаркий, каждый из которых обладает своими политическими особенностями. Идею Парменида развил и Аристотель, известные греческие философы писали о превосходстве промежуточной зоны, заселенной греками. Основные аргументы авторы сводили к тому, что жители жаркого пояса получают от природы пищу и одежду почти в готовом виде, не затрачивая на это каких-либо усилий, поэтому они не имеют внутреннего стремления к развитию своих государств. Напротив, жители холодных поясов слишком много энергии и сил затрачивают на поддержание жизни, поэтому у них не хватает сил для развития. Следовательно, только в умеренном климате есть тот необходимый природный баланс, способствующий расцвету государств. Платон, Гиппократ, Полибий, Цицерон также писали, что жаркий климат расслабляет людей, а северный, наоборот, закаляет и способствует развитию демократических форм правления.

В наше время теория климатических поясов приобрела новое звучание. Широкое распространение получила точка зрения, что история создавалась в пространстве между 20- и 60-м градусами северной широты, то есть в Северном полушарии, где расположена большая часть земной суши. Политическая энергия мира генерировалась в основном в умеренных климатических зонах, и исторические центры притяжения сдвигались в направлении с юга на север, но опять-таки только в пределах этой зоны. Речные цивилизации Месопотамии и

Египта сменились городами-государствами Греции, затем Римской империей. Все древние цивилизации располагались в границах между 20- и 45-м градусами северной широты. Культурные и политические центры Европы, России, Соединенных Штатов и Японии размещаются между 45- и 60-м градусами северной широты в прохладно-умеренной зоне.

Выдающимся философом античности, в трудах которого содержатся оригинальные геополитические идеи был, несомненно, Аристотель (384-322 до н.э.). С точки зрения геополитики в сочинениях Аристотеля вызывает интерес обнаруженная им связь между природной средой и государственным устройством, между количеством населения и его качествами, площадью территории и силой государства. Как считал Аристотель, наилучший государственный строй не может возникнуть без соответствующих внешних условий. При этом под внешними условиями греческий философ понимал как природные, так и социальные характеристики.

Именно он впервые в истории политической мысли разработал геополитическую концепцию «самодовления государства», которая широко используется в современных геополитических исследованиях. В работе «Политика» Аристотель развивает концепцию государственного самодовления двух основных факторов: самодовление территории и самодовление населения. Для того чтобы создать такое самодовление, территориальная политика государства должна быть направлена на то, чтобы обеспечить жителей государства всем необходимым, так как самодовление территории и заключается в том, чтобы ни в чем не было недостатка. Следовательно, величину и значение государства следует измерять не количеством населения, а государственными возможностями. Каждое государство должно преследовать свои задачи, и потому величайшим государством следует признать такое, которое в состоянии выполнить эти задачи наилучшим образом.

Аристотель определил пропорции населения и размеры территории. Он справедливо полагал, что государство с крайне малочисленным населением на большой территории не может обладать самодовлением, государству же с чрезмерно большим населением трудно иметь правильное политическое устройство. Следовательно, в идеале государство должно заключать в себе такое количество населения, какое было бы прежде всего самодовлеющим для устройства благой жизни на началах политического общения.

Большой интерес представляет геополитическая характеристика территории. С военной точки зрения территория должна быть обозримой, чтобы ее легко было защищать. Территория должна быть труднодоступна для вторжения по границам, но иметь удобные выходы. Особую роль играет расположение столицы, которая должна возможно теснее быть связана с материком и морем, а равно и со всей территорией государства.

У Аристотеля также встречается обоснование роли морской силы для усиления мощи государства. Он рассматривает значение стратегической близости к морям, роль и значение морских гаваней. Основная идея состоит в том, что порты и гавани должны быть особым образом расположены по

отношению к столице: не составлять с ней одно целое, но и не слишком далеко отстоять от нее.

Исключительно «геополитическим» выглядит его подход к обоснованию гегемонии островного критского государства в Греции в конце I тыс. до н. э. Аристотель подчеркивает, что остров Крит как бы предназначен природой к господству над Грецией в силу своего географического положения: он соприкасается с морем, вокруг которого почти все греки имеют свои места поселения; с одной стороны он находится на небольшом расстоянии от Пелопоннеса, с другой - от Азии. Благодаря такому географическому положению, по мнению Аристотеля, Минос и утвердил свою власть над морем, а из островов одни подчинил своей власти, другие населил.

Эти и многие другие высказывания Аристотеля указывают на то, что проблема пространственных отношений между государствами - главная проблема геополитики - была в центре внимания античной политической философии и заложила основы европейской геополитики.

Полибий (210-128 до н. э.), известный древнегреческий историк и политический деятель, его политическая деятельность проходила в условиях, когда гегемония Македонии в Греции сменялась господством Рима. В 168 г. до н. э., одержав победу над македонским войском под Пидной, римляне лишили независимости всю Грецию. Полибий в числе тысячи наиболее известных греческих политических деятелей был перемещен в Италию. Благодаря заступничеству Сципиона Эмилиана, будущего победителя Карфагена, Полибий был оставлен в Риме и стал его другом и советчиком. Полибий получил возможность изучать историю и политические институты Рима, знакомиться и общаться с самыми известными римскими деятелями, приезжими послами, политиками и царями, улаживающими дела своих полисов и царств в римском сенате. На глазах Полибия Рим превратился в мировую геополитическую державу. В римский период своей жизни (167-150 до н. э.) он много путешествовал, изъездил Италию, Малую Азию, Северную Африку, переходил Альпы. Как ученый, Полибий прославился своей Всеобщей историей в 40 книгах, где описал события, свидетелем и непосредственным участником которых он был. Он также поставил и разрешил важную политическую проблему, а именно как Рим в короткое время стал самым могучим государством в мире; нашел закономерности, которые много позже назовут геополитическими. Анализируя причины могущества государства и Римской республики в частности, он подчеркивает, что, прежде всего, следует говорить о земле, о том каковы ее свойства, каково ее положение.

Только геополитически мыслящий человек может утверждать, что все сведения о земле и географическом положении описываемых мест даются с той целью, чтобы изложение было понятным для людей, незнакомых с этими странами. Например, описывая поход Ганнибала, Полибий находит необходимым географически детерминировать исторический процесс, он утверждает, что необходимо рассказать, откуда вышел Ганнибал, сколько и какие страны были пройдены им и в какие местности Италии он прибыл.

Связь географии и политики признавали и древнеримские ученые, в частности, наиболее известный древнеримский политик, юрист, оратор Марк Туллий Цицерон (106-43 до н.э.). Основными политологическими сочинениями Цицерона кроме речей и писем считаются его диалоги «О государстве» и «О законах». Политика, по его мнению, тесно связана с географией, чему есть немало примеров. Так, он утверждал, что еще Ромул при основании Рима обратил самое пристальное внимание на место, где закладывалась будущая «столица мира». По его мнению, Ромул чрезвычайно удачно выбрал место будущей столицы. Он подчеркивал, что особенно следует обратить внимание на положение города относительно моря, желательны наличие реки, родников с пресной водой, холмов и здорового климата. Для безопасности государства следует принять хорошие законы и править твердо, но справедливо.

Выдающийся древнегреческий географ и историк Страбон (64/63 - 23/24 до н.э.) также отмечал, что география, как и политика, служит нуждам государства и государственного управления. В своем известном сочинении - «География», состоящим из 27 книг, в книге 1 он отмечает, что география служит нуждам государства, так как арена деятельности государства - земля и море - место обитания человека. Человек, который является посредником между географией и политикой у Страбона - это не труженик - деятель, не народ, населяющий описанные им страны, а правитель, решающий судьбы этого народа. Именно он, политик-правитель, и испытывает острую нужду в географии, которая имеет прямое отношение к деятельности властителя, так как именно она размещает на карте материка и моря.

Очень интересна дискуссия о границах ойкумены (обитаемого мира) и ее делении на определенные части. Страбон приводит точки зрения Эратосфена, Гиппарха, Посидония, Полибия. По мнению Страбона, Земля вместе с морем шарообразна. Ее условно можно поделить на Северное и Южное полушария, а также на пять климатических поясов, ограниченных северным и южным полярным кругом, северным и южным тропиками; все они (круги и тропики) проложены параллельно экватору. Согласно Страбону, из пяти климатических поясов два (полярных) являются холодными и необитаемыми, два умеренных пояса могут быть обитаемы, и жаркий пояс между северным и южным тропиком (т. е. экваториальный пояс) необитаем из-за излишней жары. Учитывая, что второй умеренный пояс практически не исследован географами, обитаемая суша, т.е. ойкумена, по Страбону, простирается от Иберии (нынешняя Испания) до Индии, располагаясь в умеренном и частично в жарком климатических поясах.

Страбон решает и другую геополитическую задачу - соотношение географического положения, расположения страны по отношению к морю, влияния географической среды и развития общества. Он утверждает, что море определяет очертания суши, делает их удобными или неудобными для обитания. Море в сочетании с реками, природный ландшафт (горы, долины), острова и проливы создают свойства, связанные с местностью и не являющиеся делом рук человеческих. Изменчивость этих природных свойств (т. е. географических условий) влияет на развитие человеческих обществ, полисов,

государств. Ухудшение среды обитания, а также природные катаклизмы (землетрясения, извержения вулканов, цунами) могут замедлять развитие полисов или уничтожать целые страны.

Завершает Страбон исследования ойкумены описанием, используя современную терминологию, административно-территориального деления Римской империи, т. е. предлагая решение проблемы региональной геополитики, которая ввиду колоссального роста размера территории Древнего Рима превращалась в глобально-региональную геополитическую задачу.

В Средние века геополитические идеи развивались на Арабском Востоке, где существовал большой интерес к изучению античных геополитических воззрений. Именно благодаря арабским мыслителям античное геополитическое наследие было сохранено и приумножено: мусульманская культура стала связующим звеном между Античностью и эпохой Возрождения.

Геополитические идеи и концепции высказывали в своих сочинениях многие арабские ученые, среди которых следует выделить великих мыслителей аль-Фараби и Ибн-Хальдуна.

Аль-Фараби (870-950) оставил богатое и разнообразное научное наследие. Наиболее известные из его произведений - это «Комментарии на сочинения Аристотеля», «Трактат о классификации наук», «Геммы премудрости». Как политический и социальный мыслитель аль-Фараби прославился получившими широкую известность в арабском мире и за его пределами работами «Гражданская политика», «О достижении счастья», «Афоризмы государственного деятеля», «Трактат о взглядах жителей добродетельного города». Своими трудами аль-Фараби заслужил в арабском мире прозвище «Второй учитель» (т. е. второй Аристотель). Мусульмане считают его также отцом арабской политической мысли.

Политические идеи аль-Фараби имели и выраженный геополитический подтекст. Он, как и Аристотель, объяснял политические явления и процессы естественными, природными причинами, постоянно связывая политику и географию. Например, человеческое общество в его представлении - «соединение многих людей в одном месте проживания», т. е. результат совокупного воздействия географических и социальных факторов. При этом человеческое общество, как всю цивилизацию в целом, он подразделял на отдельные народы, которые отличаются один от другого «тремя естественными вещами: естественным нравом, естественными чертами (характера) и третьей, основанной на характере (людей), которая также имеет какое-то касательство к естественным вещам. Это язык, т.е. речь, являющаяся средством выражения (мысли)». Таким образом, аль-Фараби положил в основу этногенеза природные (естественные) причины: нрав, характер и язык народов, которые, по его мнению, формируются географическими факторами. Кроме того, он подразделял все общества (государства) на великие, средние и малые. По аль-Фараби, великое общество - это совокупность многих народов, которые объединяются и помогают друг другу. Среднее - это один народ. Малое - это (общество), представленное одним городом». В его великих, средних и малых обществах мы без труда узнаем империи, однонациональные страны и полисы.

При этом и великое, и среднее, и малое общества, с точки зрения мыслителя, могут быть вполне автономны, политически независимы, предоставляя при этом максимальные возможности для совершенствования людей в делах и мыслях («совершенные общества»), причем наибольшим «совершенством», по аль-Фараби, обладала городская община. Но и городские общины («город и общество») он подразделял по критерию главной цели, поставленной их жителями. При этом «город и общество необходимости» имеет целью оказать взаимопомощь в приобретении всего того, что необходимо для существования и защиты. «Город и общество обмена» - это жители, которые помогают друг другу в достижении зажиточности и богатства. «Город и общество низости» - это, жители которые помогают друг другу в получении чувственных удовольствий. «Город и общество честолюбия» - это жители, которые помогают друг другу в том, чтобы их почитали словом и делом, а город и общество властолюбия представлены людьми, которые помогают друг другу в достижении победы. Наилучшим (как и у Аристотеля) аль-Фараби считал «коллективный город», т. е. такой, в котором каждый житель полностью волен делать то, что пожелает. Его жители сами избирают себе правителей, которые правят ими в соответствии с волей жителей.

Рассмотренная градация обществ по принципу добродетельности и предпочтение полисного общества имперскому наглядно отражают настроения эпохи, в которую жил автор данной концепции. Это была эпоха распада Халифата, политической нестабильности, когда каждый человек, лишенный государственной опоры и защиты, искал помощи и поддержки в семье, у соседей, в городской общине.

Известный арабский политический деятель, философ и историк Ибн-Хальдун Абд-ар-Рахман Абу Зейд (1332-1406) жил в период, когда арабская цивилизация пыталась преодолеть последствия распада Халифата, сильнейшего удара, нанесенного ей турками-сельджуками, которые в 1055 г. взяли Багдад, и монгольского завоевания (монголы захватили Багдад в 1258 г). Большую часть своей жизни он посвятил государственной деятельности и воспитанию наследников эмиров. Исполнял должности советника, главы правительства, посла, судьи в ряде эмиратов Магриба (Северная Африка).

Наиболее известным его историческим и политическим сочинением считается «Большая история, или Книга поучительных примеров и диван сообщений о днях арабов, персов и берберов и их современников, овладевших властью великих размеров» (1367), а также «Пролегомены», т. е. «Вступление» (араб. «Муккадима»), к нему. «Пролегомены» - энциклопедическое произведение, имеющее заметную геополитическую основу. Оно содержит сведения о Земле, ее климатических зонах, о населяющих планету народах, их истории и культуре, о связи человека и природы (скотоводство, земледелие, ремесла, торговля). Первая пролегомена - «Об освоении человеком мира» - завершается выводом о том, что «смысл освоения человеком мира» заключается в сотрудничестве людей. При этом сотрудничество, т. е. объединение и взаимопомощь людей в процессе освоения ими мира, непрерывно совершенствуется. Это и есть путь развития человечества от

примитивности к цивилизации, он естествен и необходим. Объединение людей в общества и государства, по мнению Ибн-Хальдуна, происходит на основании асабийи - особого вида социальных отношений, вытекающих из первоначального родства, симпатии к близким, стремления уберечь их от несправедливости и беды. Позднее, с развитием цивилизации и, очевидно, усложнением социальных связей, асабийя переносится на всех членов общества. На основе асабийи, понимаемой уже как «защита, оборона и завоевание и всякое дело, для которого объединяются», образуются и государства, на ней же держится и власть в них. На основе асабийи образуются в государстве политические группировки, борющиеся за власть. Но в то же время государство, укрепившись, может обойтись и без асабийи, - утверждал Ибн-Хальдун, имея в виду, что в случае победы и значительного преобладания одной из борющихся за власть клик, она может единолично осуществлять власть, опираясь на помощь чужаков. Так поступил Муатасима и его наследник, нарушив асабийю арабов и опершись на помощь персов, тюрок, сельджуков и др. Очевидно, создание империи (халифата), т. е. объединение многих этносов в едином, но разнородном государственном образовании, ведет к разрушению асабийи - этнонационального единства, и вынуждает победившего в борьбе за власть правителя опираться на чуждый этнонациональный элемент, что, в свою очередь, чревато крушением всей империи.

Геополитический подход характерен для Ибн Хальдуна и в рассмотрении факторов, влияющих на общественно-политическую жизнь. Так, он считал, что главным фактором, определяющим влияние природы на общество, является климат. Вслед за Аристотелем он был убежден в преимуществах умеренного климата для развития государства. Только в странах с умеренным климатом люди способны заниматься культурной деятельностью, а жители юга (то есть стран, прилегающих к экватору) не имеют побудительных причин для развития культуры, так как они не нуждаются ни в прочных жилищах, ни в одежде, а пищу получают от самой природы в готовом виде; жители холодных северных стран, наоборот, затрачивают всю свою энергию на добывание пищи, изготовление одежды и постройку жилищ; следовательно, они не имеют времени для занятия науками, литературой и искусствами.

Ибн Хальдун изложил также свою теорию исторических циклов, согласно которой в странах с умеренным климатом наиболее активной силой истории являются кочевники, обладающие физическими и моральными превосходствами перед оседлым населением, особенно перед горожанами. Именно поэтому, с точки зрения Ибн Хальдуна, кочевники периодически захватывают страны с оседлым населением и образуют обширные империи со своими династиями. Но через три-четыре поколения потомки утрачивают свои положительные качества, тогда из степей и пустынь появляются новые волны кочевников-завоевателей, и история возобновляется.

Впоследствии идея геополитического преимущества кочевников в мировой истории получила достаточно широкое распространение в российских

геополитических исследованиях. Особенно активна эта концепция развивалась евразийцами П.Н.Савицким, Г.В.Вернадским, а также Л.Н.Гумилевым.

По мнению исследователей в разработку военно-стратегического подхода в геополитике оказал большое влияние выдающийся итальянский историк и политический мыслитель эпохи Возрождения Никколо Макиавелли (1469-1527).

Н.Макиавелли родился во Флоренции в семье юриста. Значительная часть его жизни была связана с государственной политической службой в правительстве Флорентийской республики. Его карьера прервалась в 1512 г. Отстраненный от государственной деятельности, Макиавелли в 1513-1520 гг. написал три своих главных политических сочинения: «Государь», «О военном искусстве», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (Ливии - римский историк I в. до н.э. - I в. н.э., главным сочинением которого является «История Рима от основания города» в 142 книгах, из которых сохранилось 35).

Книги Макиавелли представляли собой анализ причин успешного управления государством и попытку вывести всеобщие закономерности политической жизни. Переворот, совершенный Макиавелли, заключался в его методе, коренным образом отличавшемся от теологической традиции оценки политических событий. Его метод опирался на изучение самой действительности, а не на отвлеченные теософские построения. Так, в русле геополитического аспекта, необходимо отметить, что Н.Макиавелли отмечает влияние географического фактора на общественные институты; влиянии богатства природы и плодородия почвы на государственную жизнь; условий местности как важного фактора государственной жизни; влиянии климата на нравы людей. В своих работах Макиавелли, в частности в работе «Государь», анализирует закономерности общественных явлений, причины смены государственных форм, зависимость учреждений и законов от условий окружающей среды.

Европейская эпоха великих географических открытий явилась новым этапом развития идей географического детерминизма, в развитии которых сыграл большую роль французский ученый Жан Боден (1530-1596). В сочинении «Метод легкого изучения истории» (1566) он изложил свой взгляд на общество как на сумму кровно-хозяйственных союзов-семей, формирующееся независимо от воли человека под влиянием естественной среды. Боден обращал внимание государственных и политических деятелей своего времени на необходимость принимать в расчет в административной и законодательной деятельности помимо социальных также и природные условия.

В работе «Шесть книг о государстве» (1577) различия и изменения в государственном устройстве он объяснял тремя причинами: Божественной Волей, человеческим произволом и влиянием природы.

На первое место по силе влияния природы он ставил географические причины, а наибольшее значение среди всех географических факторов придавал климату. Земной шар Ж. Боден делил на три части: жаркую - экваториальную, холодную - полярную и среднюю - умеренную. Он утверждал, что характер народов в первую очередь зависит от климатических условий их места развития. На севере живут более сильные физически и воинственные

люди, на юге - более одаренные. При правильном взгляде на историю, полагал Ж Боден, что «величайшие полководцы приходят с севера, а искусство, философия и математика рождаются на юге».

В своих взглядах Боден подошел к созданию широкой концептуальной системы географического детерминизма ближе, нежели любой из его предшественников. Его утверждение, что сила и развитие суверенного государства прямо зависит от влияния окружающих его природных условий, совпадает, по существу со взглядами современных геополитиков.

Ключевые слова: стратагема, геостратегия, империя, географический детерминизм, географическая среда, государственное устройство, полис, «самодовление государства», морская сила, пространственные отношения между государствами, климатическая зона, региональная геополитика, великие, средние и малые государства, военно-стратегический подход в геополитике.

Контрольные вопросы:

1. В чем сущность китаецентристской картины мира, сформулированной в Древнем Китае?
2. Какие идеи в учениях древнекитайских философов содержат геополитические аспекты?
3. Какое значение имеют китайские стратагемы?
4. Каковы особенности ведической индоцентристской картины мира?
5. Какие геополитические идеи содержит Артхашастра?
6. Как античные мыслители обосновывают идеи неразрывной взаимосвязи географии и политики, влияния географической среды (в первую очередь климата) на обычаи, нравы, образ правления?
7. Как античные авторы рассматривали роль морской силы для усиления мощи государства?
8. В чем заключается геополитический смысл политического учения Аристотеля?
9. Каковы особенности геополитических идей мыслителей Арабского Востока?
10. Каковы основные политические работы Аль-Фараби и в чем их геополитический подтекст?
11. В чем геополитический смысл концепции асабийи Ибн-Хальдуна?
12. Какое влияние оказал Никколо Макиавелли в разработку военно-стратегического подхода в геополитике?
13. Какое значение имели идеи географического детерминизма, в развитии которых сыграл большую роль Жан Боден?

3. Формирование геополитических взглядов и подходов в истории нового времени и эпохи индустриализма

Идеи географического детерминизма нашли широкое распространение в XVIII-XIX вв. Особенно популярны они были во Франции. В качестве примера можно привести труды известного французского правоведа, политолога, философа, просветителя Шарля Луи де Секонда барона де ла Бред и де Монтескье (1689-1755). Получив хорошее домашнее образование, Монтескье изучал юриспруденцию в Бордо и Париже, был назначен сначала советником (1714), а затем президентом парламента (до революции 1789г. это был судебный орган) г. Бордо (1716). Анонимно опубликовал «Персидские письма» (1721), чем вызвал нападки двора и церкви.

Отказавшись в 1726г. от официальных государственных должностей, он в 1728г. отправился в путешествие по Европе, в ходе которого ознакомился с правовыми и политическими системами, социальными отношениями в Италии, Швейцарии, Германии, Англии. Особое внимание он уделил изучению британского политического и гражданского общества, задержавшись там более чем на год. По возвращении на родину (1731), он добровольно заточил себя в замок Ла Бред и занялся написанием правовых и политических трактатов. Наибольшую известность из них получили: «Размышления о величии и падении римлян» (1733), «Размышления о всемирной монархии» (1733), «О духе законов» (1748), «Разъяснения» (1750). За свои труды Монтескье в 1727г. был избран в Королевскую академию наук.

Еще в «Персидских письмах» он утверждал, что общественной жизнью управляет не провидение или случай, а определенные закономерности, которые вытекают из естественных законов. Более того, все социальное бытие людей обусловлено географическими, политическими и религиозными факторами. Но наиболее обоснованно связь географического и социально-политического просматривается в главном политологическом сочинении Ш. Монтескье «О духе законов». Под духом законов французский просветитель понимал всю совокупность политических, нравственных, религиозных отношений в обществе, базирующихся на естественных законах, т. е. обусловленных окружающей природной средой. Продолжая линию Ж. Бодена, Т. Гоббса о закономерной необходимости перехода людей из естественного в гражданское состояние, Монтескье, тем не менее, не отрывал их гражданские и политические отношения от продолжающегося воздействия естественных законов, географических факторов. В этом, собственно, и заключается не только естественно-научный и социологический, но и геополитический подход Монтескье. Связь географического и политического заложена им в самом методе исследования. В главе I он утверждает: «Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства... Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату... качествам почвы... образу жизни ее народов... степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения...» Простое перечисление названий некоторых глав свидетельствует о неукоснительном

применении им своего метода: книга семнадцатая: «Об отношении законов о политическом рабстве к природе климата», книга восемнадцатая: «О законах в их отношении к природе почвы», книга девятнадцатая: «О законах в их отношении к основным началам, образующим общий дух, нравы и обычаи народа». Кроме того, в данном трактате можно обнаружить попытку решения таких геополитических проблем, как выбор столицы государства, отношение его силы, могущества к деспотизму или свободе, процветающей в нем, связь черт характера народа с ландшафтом и климатом их национальной территории.

Таким образом, вслед за своим соотечественником Боденом Монтескье сделал упор на влияние климата, также отметив значение пространства, почвы, культуры и экономики в качестве формирующих историю элементов. Монтескье не ограничился суждением о значимости условий физической среды, но прямо указал на необходимость того, чтобы законы страны соответствовали этим условиям. Иными словами, он ввел в свою концепцию нормативный элемент, который в более поздней геополитике, особенно немецкой, приобрел приоритетное значение.

В исследованиях истории геополитики часто можно встретить утверждения, что Монтескье один из первых провозгласил чисто географический фактор (климат) определяющим в общественном развитии и доказывал в своих трудах, что географическая среда и в первую очередь климат - решающая причина различия форм государственной власти и законодательства. Например, он утверждал, что «в жарких климатах... обыкновенно царит деспотизм...». В качестве главного подтверждения географического детерминизма, как правило, приводится его известное высказывание: «Власть климата есть первейшая власть на земле». У Монтескье действительно есть такое утверждение, но дело в том, что он никогда не определял климат как фактор, непосредственно влияющий на жизнь общества. Климат, по мнению Монтескье, оказывал свое прямое влияние на физиологическое состояние организма и прежде всего на психологию людей, а через нее уже на общественные и политические явления. Именно эта особенность давала ему право заявлять, что «малодушные народы жаркого климата всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу». Это была первая попытка с помощью вульгарного географического детерминизма объяснить различие форм государственного правления.

По мнению некоторых исследователей, данная точка зрения Монтескье была использована в свое время немецкими геополитиками. Правда, в качестве исходного пункта был взят не климат, а «жизненное пространство», и его влияние на психологию людей из физиологической области было перенесено в социальную.

Известный французский просветитель, философ, писатель Жан-Жак Руссо (1712-1778) в своих трудах, анализируя проблемы становления и развития государства, акцентирует внимание на геополитических аспектах. Руссо в отличие от Ратцеля (который позже сформулировал закон пространственного роста государств) вывел закон определенного размера государства, нашел причины расширения и уменьшения государственного организма - он связал

государственное устройство, рост территории и соответственно сокращение времени жизни сверхбольших держав. Величина государства как политического организма измеряется протяженностью его территории и численностью населения. При этом население очень тесно связано с землей, поэтому ее количество и качество определяют численность населения в государстве и даже характер будущих войн. «...Если земли слишком много, то охрана ее тягостна, обработка - недостаточна, продуктов - избыток; в этом причина будущих оборонительных войн. Если же земли недостаточно, то государство, дабы сие восполнить, оказывается в полнейшей зависимости от своих соседей; в этом причина будущих наступательных войн».

На тесное взаимодействие человеческой цивилизации и природы, их влияние друг на друга указывали такие великие немецкие ученые-философы, как И. Кант, Г.В.Ф. Гегель.

Иммануил Кант (1724-1804) после защиты магистерской диссертации (1755) преподавал в Кенигсбергском университете, где получил степень доктора наук (1770). Кант читал все курсы, преподававшиеся в то время в Кенигсбергском университете, в том числе и географию. В 1757г. он опубликовал «План лекций по географии», а также работы «О причинах землетрясений» (1756), «Теория ветров» (1756), «Физическая география» (1802). К геополитическим работам И. Канта кроме чисто географических, указанных выше, можно в какой-то мере отнести целый ряд других: «Мысли об истинной оценке живых сил» (1746), «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755), «О применении телеологических принципов в философии» (1788), «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784), «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786).

В своих лекциях Кант развивал мысли о влиянии физической географии на «моральную географию» (национальный характер), на политическую географию, на «торговую географию» (экономику) и на «теологическую географию» (территориальное распространение религий) отдельных народов.

В полной мере геополитическим следует считать трактат «К вечному миру» (1795), где И. Кант продолжал антивоенную традицию европейской философии Нового времени, которая берет свое начало в нравоучительных сочинениях «Жалоба мира» (1517) Эразма Роттердамского и «Новый Киней» (1623) Эмерика Кюссе.

Первый геополитический проект мирного обустройства Европы Нового времени (и всего мира) предложил Максимилен де Сюлли, двенадцать лет бывший министром финансов французских королей. В своих мемуарах (начало XVII в.) он поместил так называемый «Великий план», согласно которому для прекращения войн Европу предполагалось разделить на 15 равных в военной мощи государств. Все споры в новой мирной Европе должны были разрешаться только политическими методами в совете из 60 человек, составлявшемся на равных основаниях от всех государств.

В 1693г. Вильям Пенн, один из руководителей американских квакеров и колонии Пенсильвания, опубликовал «Опыт о настоящем и будущем мире в

Европе», в котором предложил для установления нерушимого мира создать всеобщий союз государств.

В 1713-1717 гг. известный французский дипломат Шарль де Сен-Пьер издает трехтомный «проект вечного мира в Европе», который вскоре вышел и в сокращенном варианте. Подобно Пенну, Сен-Пьер считал залогом постоянного и нерушимого мира создание союза государств со своими наднациональными органами, которые и регулировали бы международные отношения, не допуская военных столкновений. Идеи Сен-Пьера получили широкое распространение во всех цивилизованных странах, включая Германию. Кантовское «К вечному миру» в какой-то мере является откликом на эти идеи. Вместе с тем, идеи о мире являются неотъемлемой частью этики, учении о культуре и праве самого И. Канта.

Идея «вечного мира» у Канта соотносится с основополагающими доктринами о естественном праве и общественном договоре. «Поскольку естественное состояние народов... - это состояние, из которого необходимо выйти, для того чтобы вступить в законное состояние..., то для этого всякое право народов и все внешние мое и твое государств, приобретаемое или сохраняемое войной, лишь временны и только в общем союзе государств... это право может стать окончательно действительным к истинным состояниям мира». Для него нерушимый «истинный» мир может осуществиться лишь в правовом поле международного союза государств.

По представлениям философов XVIII в., заимствованных ими у Аристотеля, государства, превышающие размеры античного полиса, теряют свою политическую стабильность. Отсюда вытекает пессимизм Канта в отношении осуществимости вечного мира как «конечной цели международного права». Выход Кант видел в приближении к состоянию мира, в создании политических и правовых условий осуществления этой великой идеи, условий, учитывающих стремление к миру как государств, так и отдельных граждан. При этом иная природная среда, например море, не только способствует учащению контактов между людьми и развитию торговли, но и установлению мира. Для этого людям необходимо создавать законы и правила, регламентирующие заселение неосвоенных районов Земли, взаимоотношения народов метрополий, метрополий и колоний, которые должны быть основаны на соответствующих договорах. Кант верил, что каждый человек, соблюдая моральные императивы и этические правила, может стать членом всемирного гражданского общества.

Великий немецкий философ Георг Гегель (1770-1831) в работе «Философия истории» Гегель отмечает роль географических факторов в жизни народов. В курсе лекций по философии у него есть специальный раздел «Географическая основа всемирной истории», где он обосновывает естественные свойства стран, роль и значение климата.

Гегель одним из первых в истории социальной мысли совмещает географический детерминизм с расизмом, объявляя лишь страны Западной Европы и США носителями исторического прогресса и обосновывая, в частности, порабощение исконных жителей Мексики и Перу европейскими

колонизаторами ссылкой на то, что индейцы якобы «во всех отношениях, даже в отношении роста, стоят ниже европейцев».

Тот или иной общественный строй Гегель выводит из трех «географических различий». Земная поверхность у него выступает как: безводное плоскогорье со степями и равнинами; низменности, переходные страны, орошаемые реками; прибрежные страны, непосредственно прилегающие к морю. Отсюда вытекает, что занятием обитателей плоскогорий является - скотоводство, земледелием и промышленностью занимаются жители низменностей, а торговля и судоходство - удел прибрежных стран. И соответственно, по Гегелю, с первым принципом связана патриархальная самостоятельность, со вторым – отношения господства и порабощения, с третьим – гражданская свобода.

В своих рассуждениях Гегель, анализируя эволюцию человеческой истории, считал, что итогом, концом истории является обретение свободы как личной, субъективной, так и всеобщей субстанциальной, примирение всех и каждого с самим собой, обретение гармонии светского и духовного начал, государства и церкви. Гармония и единение, отсутствие противоположностей индивидуального и социального, социального и государственного, светского и религиозного прекращают диалектическую борьбу и останавливают исторический процесс.

Свобода от своей субстанциальной формы через различные соотношения с субъективной формой (Восток - детство, Греция - юность, Древний Рим - возмужалость, Германия - зрелость, старость) приходит к синтезу в оптимальной форме абстрактной и всеобщей свободы - в этом Гегель видел конец истории.

Своими концепциями философии истории и социальной философии Гегель подготовил почву для таких геополитиков немецкой школы, как К. Ратцель, Ф. Челлен, К. Хаусхофер. На представление Гегеля о цели и конце истории опирались в своих работах К. Ясперс, А. Тойнби и Ф. Фукуяма.

Заметный вклад в развитие географического детерминизма внес немецкий ученый Иоганн Готфрид Гердер (1744-1803), которого исследователи считают непосредственным предшественником и учителем Александра фон Гумбольдта и Карла Риттера.

В работе «Идеи к философии истории человечества» Гердер рассматривает историю как естественный продукт человеческих способностей, находящихся в зависимости от условий, места и времени, отмечает, что движущей силой развития цивилизации, выступают внешние и внутренние факторы общественного развития. К внешним факторам ученый относил физическую природу и в первую очередь такие ее элементы, как климат, почва, географическое положение.

Он обосновывает влияние географической среды на нравы и характер людей, влияние климата и природных условий на органическое строение народов, отмечая различия между генетическими силами в природе и обществе. Рассматривая обусловленность общественного бытия природными условиями,

Гердер подчеркивает особенности и значение географического положения государства.

Александр фон Гумбольдт (1769-1859) в своих изысканиях основывался на использовании громадного эмпирического материала и успехах естествознания своего времени. Он настойчиво проводил мысль, что география должна давать целостную картину окружающего мира и служить конкретным социальным, политическим и экономическим целям человека. Одним из первых Гумбольдт отказался от хронологического понимания сущности географии, подчеркивая комплексный и в то же время единый характер ее объекта. «...Созерцание телесных предметов, — писал он, — в виде одного, внутренними силамидвигающегося и оживленного целого, как отдельная наука имеет совершенно самобытный характер». Гумбольдт своими трудами заложил основу сравнительного метода в географии.

Выдающимся представителем немецкой научной школы географического детерминизма является Карл Риттер (1779-1858). Окончив университет в г. Галле, он приступил к работе над своим первым трудом «Европа, ее географо-историческая и статистическая картина», два тома которого вышли в течение 1804-1807гг. Затем в 1817-1818гг. вышло его главное сочинение «География в соответствии с природой и историей людей», которое было издано в Берлине в двух томах. В 1822г. его избрали академиком Прусской академии наук. Вместе с А. Гумбольдтом он основал Берлинское общество землеведения и долгое время был его президентом.

Риттер считал свою географию прагматической и сравнительной, так как основу его научного метода составляла идея о взаимосвязи и взаимозависимости земли и ее населения и сопоставление различных континентов, стран, географических зон и человеческих обществ. Поэтому он чаще называл свою науку землеведением.

Труды К. Риттера оказали большое влияние на развитие географической науки в Европе, в том числе в России. Его ученик и последователь П. П. Семенов-Тянь-Шанский популяризовал идеи Риттера в выступлениях в Российском географическом обществе, в публикациях его докладов и трудов. Все геополитики-классики были хорошо знакомы с работами Риттера и считали его одним из предшественников геополитики. В частности, методом Риттера, его представлениями о связи «почвы и крови» пользовались Ратцель, Науманн, Хаусхофер, русские евразийцы.

Для К. Риттера бесспорным фактом было то, что развитие народов идет по пути, предписанному им окружающей средой, существенной частью которой являются природные условия. Сама же Земля и все находящееся на ней было сотворено, по его мнению, божественным Провидением. Следуя за античными авторами и своими предшественниками И.Г. Гердером и др., Риттер приходит к выводу о том, что «Европа счастливым своим климатом и умеренностью времен года обязана ограниченности своего пространства».

Риттер разработал иерархическую систему регионального деления мира в рамках единого глобального пространства. Он разделил Землю на сухопутную (континентальную) полусферу и полусферу водную (морскую). Границу между

ними он представил в виде большого полукруга, проходящего в Южной Америке через Перу и затем через южную часть Азии. В рамках континентальной полусферы он выделил два больших региона: Старый Свет и Новый Свет. Первый, вследствие своего распространения с востока на запад, обладает заметным климатическим однообразием. Второй же, наоборот, по причине своего расположения с севера на юг отличается большим климатическим разнообразием. Это различие, по его мнению, оказало существенное воздействие на характер населяющих каждый регион народов и на их взаимоотношения, поскольку природа влияет не только на труд и стереотипы мышления (Бокль), не только на мораль человека (Гумбольдт), но и на каждый аспект человеческой жизни. Именно у Риттера были взяты схемы и конструкции, которыми оперировал впоследствии и Ратцель, развивая свою политическую географию.

В переведенном на русский язык «Выступлении Риттера на заседании Берлинской академии наук» ученый говорил уже не о двух сферах земной поверхности (суша и море), а о трех: воздушной, водяной и твердой, причем их «пространственные и физические отношения находятся в гармонии». Он подробно анализировал влияние каждой из этих сфер на природные условия и в конечном счете на развитие человеческих обществ. Риттер утверждал, что историческое разделение цивилизаций на восточные и западные, а также на северные и южные было предопределено группировкой масс земной поверхности, а культурные различия народов Востока и Запада определяются различиями климатов и «группировкою космического (мирового) положения главных масс, нашей планеты...». Риттер, сравнивая площади континентов, приходит к выводу о неравномерности распределения континентальных масс на поверхности Земли. В этой неравномерности, по его мнению, и заключается тайна планетарного устройства и его действия на развитие цивилизации.

Наряду с географическим детерминизмом в геополитических учениях имели место и военно-стратегические теории. Признанным автором таких теорий считаются Н.Макиавелли, которого мы рассмотрели выше, К.фон Клаузевиц, А.Мэхен и др.

Карл фон Клаузевиц (1780-1831) - известный военный теоретик и военный стратег. На политические взгляды Клаузевица большое влияние оказали либеральные идеи Великой французской революции. Но его либерализм имел сильный оттенок прусского национализма и военного авторитаризма. В своих военно-исторических трудах Клаузевиц применил диалектический метод Г. Гегеля, рассматривая военно-политические события в развитии и взаимосвязи. Наиболее известным трудом, вобравшим его геостратегические и военно-теоретические взгляды, является трехтомная работа «О войне», которая вышла в сборнике под общим названием в 1832-1837гг. в Берлине.

В этой работе Клаузевиц выдвинул постулат об обусловленности войны и боевых действий политикой, проводимой государством. В политике, утверждал он, заключены в скрытом виде основные очертания будущей войны, которая «есть продолжение войны иными средствами». При этом политика, по Клаузевицу, носит национальный характер, выражает общенациональные

интересы. Каждая эпоха ставит свои задачи перед нацией, которая выдвигает политику, соответствующую этим задачам. Следовательно, «всякая эпоха имеет свои собственные войны», вызванные изменением общественных отношений, прогрессом науки техники. Новые условия диктуют изменения в военной теории и стратегии. Но всегда именно политика определяет военную стратегию, именно геостратегия определяет количественные и качественные характеристики армии, именно геополитика диктует применение армии для решения тех или иных национальных

задач. Стратегия у Клаузевица среди прочих составляющих успеха в войне (моральных, физических, математических, статистических) обуславливается «географическим элементом», ведь каждая война проводится в определенных географических условиях, а боевые действия разворачиваются на определенном пространстве. Поэтому пространственно-географический фактор, вместе с политическим, оказывает существенное влияние на ход и исход войны и определяет ее геополитическое содержание.

Но все же главное внимание Клаузевиц сосредоточил на доказательстве единства политики и военной стратегии при ведущей роли первой. В каких бы войнах ни участвовало государство (в коалиции или единственном числе) способ их ведения, стратегия и даже порой тактика отдельных сражений всегда определяются «политическими поводами», политическими целями. Ход войны (агрессивный или нерешительный, наступательный или оборонительный) целиком вытекает из интересов политики. Войны могут вестись, например, только для создания видимости угрозы противнику или в подкрепление переговоров. Это еще раз доказывает, что войны «вызываются лишь политическими отношениями между правительствами и между народами», что «война есть орудие политики», что война принимает свойства политики, становясь то слабой и половинчатой, то грандиозной и мощной, что при составлении плана войны политическая позиция должна господствовать над военно-стратегической. Только с этой точки зрения можно составить единую доктрину, включающую политические цели и их достижение различными методами, в том числе военными.

Вывод К.Клаузевица о том, что «ведение войны в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч, но от этого не переставшая мыслить по своим собственным законам», можно смело назвать одной из главных парадигм военной стратегии и геополитики.

В XIX веке сторонники географической школы уже не ограничиваются исследованиями влияния только климата на общественное развитие. Сама жизнь, успехи науки и техники ставили под сомнение господствующие в то время взгляды прошлого. В общей системе географической школы формируется новое направление, представители которого пытаются установить значение не только климата, но и плодородия почв, влияние транспортных магистралей и т.п. на жизнь общества. Особенно яркое воплощение данное направление получило в трудах англичанина Генри Томаса Бокля (1821-1862).

Профессор географии Лондонского университета Бокль был разносторонним ученым. Работы Бокля дают право отнести его к сторонникам

географической школы, хотя он и не был типичным ее представителем. В своей книге «История цивилизации в Англии» Бокль, дополняя учение Монтескье о климате, выдвинул идею о совокупности условий географической среды, влияющей на жизнь общества. В результате он выделил четыре группы: «климат, пищу, почву и общий вид природы». По Боклю, коренная причина цивилизации в древнем мире - плодородие почвы, в Европе - климат. Однако он не ограничивался данными компонентами и признавал, например, влияние развитого человеческого разума на исторический процесс и т.п.

Бокль, в отличие от Монтескье, подчеркивал основное влияние не климата, а ландшафта. Уделяя первостепенную роль географическим условиям (климату, плодородию почвы, ландшафту) как стимулу общественного развития, вместе с тем, он подчеркивал, что достигнутый уровень экономического благосостояния «зависит не от благости природы, а от энергии человека», которая безгранична в сравнении с ограниченностью и стабильностью естественных ресурсов. От климата, пищи, почвы и ландшафта зависит первоначально «история богатства»: «почвой обуславливается вознаграждение, получаемое за данный итог труда, а климатом - энергия и постоянства самого труда». Плодородная почва через избыток продовольствия увеличивает народонаселение, а это, по Боклю, ведет к уменьшению заработной платы каждого работника. На юге пища более дешевая и требует меньших усилий для ее добывания. Отсюда - громадное население, нищета работников, невиданное богатство правителей.

Ландшафт, значение которого Бокль особенно подчеркивает, «действует на накопление и распределение умственного капитала». Бокль различает ландшафты, возбуждающие воображение (различные виды «грозной природы»), и ландшафты, способствующие развитию рассудка, логической деятельности. Первый тип характерен для тропиков и прилегающих к ним регионов. Это - места возникновения всех древнейших цивилизаций, в которых преобладающее воздействие имели силы природы. Одни из них вызвали неравное распределение богатства, другие - «неравномерное распределение умственной деятельности, сосредоточив все внимание людей на предметах, воспламеняющих воображение. ... Вот почему, принимая всемирную историю за одно целое, мы находим, что в Европе преобладающим направлением было подчинение природы человеку, а вне Европы - подчинение человека природе».

По мнению исследователей, основателем географической школы во французской социологии следует считать Фредерика Пьера Гийома Ле Пле (1806-1882). Ле Пле - экономист и социолог, с 1840г. - профессор Горной школы, сенатор при Наполеоне III (1867), организатор Международного общества практического изучения социальной экономики (1885), издатель газеты «Социальная реформа» (1881).

Французская социально-географическая школа получила столь широкое распространение, что оказала влияние даже на эстетику: историком Жаном Батистом Дюбо (1670-1742) была создана так называемая «теория среды». Дюбо основным фактором развития искусства считал климатические условия страны; Монтескье, который также придерживался этой теории, таковыми

считал экономические и социальные факторы, обусловленные, в свою очередь, географической средой и климатом; Ипполит Адольф Тэн (1828-1893) расширил понятие «среды», рассматривая ее как совокупность различных факторов. Это, с одной стороны, неизменные климатические и географические условия страны, с другой - характер расы, государственного устройства и «моральная температура», или «состояние умов и нравов» данной эпохи. Географическая среда определяет, например, характер живописи: «линейный» на юге и «колористический» на севере.

Французский социолог Эдмон Демолен (1852-1907) в 80-х гг. на основании изучения социальных условий жизни различных групп сельского населения, а также сравнительного исследования быта горняков и фабричных рабочих разных стран (например, Франции и России) выдвинул идею социографии (социальной географии) - ответвления социологии, которое изучает влияние местных условий жизни на образование «общественных типов».

Социогеография - социологическая дисциплина, которая анализирует географический аспект социальной жизни конкретных общественных групп: их территориальную дифференциацию, пространственное распространение, влияние деятельности человека на окружающую среду. Термин, близкий по смыслу, был введен в научный оборот в 1913г. Р. Штейнметцем, предложившим выделить в качестве особой социологической дисциплины социогеографию, или «социальную географию», которая в противоположность абстрактно-теоретической социологии должна дать полное описание жизни народа той или иной эпохи. Социогеография сформировалась под влиянием географического направления во французской социологии; один из первых представителей Видаль де ла Блаш усматривал цель социальной географии в анализе ландшафта, представляя его как «открытую книгу», которая позволяет выявить способ жизни тех или иных человеческих коллективов.

Большое значение для развития геополитических идей имело творчество великого английского философа и социолога Г. Спенсера (1820-1903). В 1851г. вышла в свет его «Социальная статика» - книга, написанная не без влияния позитивной философии О. Конта. Затем в течение 1862-1896гг. вышел его десяти томный труд «Система синтетической философии».

Принимая в общем контовский позитивный, т. е. строго научный, объективный, доказательный и проверяемый на практике метод, Спенсер привнес в социальную философию и социологию представление об обществе как об организме (органицизм) и учение об эволюции. Учение об эволюции, принесшее всемирную славу Г.Спенсеру, представляет эволюцию как перераспределение материи и движения, перераспределение, которое идет как во Вселенной в целом, так и во всех ее частях, включая человека и человеческое общество. Таким образом, эволюция становится не только всеобщим процессом, но и всеобщим философским законом. Эволюция проявляет себя как одновременное действие процессов дифференциации и интеграции, как переход от неопределенной, несвязной однородности к определенной и связной разнородности. Каждый агрегат, достигнув предела

своей эволюции, подвергается действию процесса разложения, который представляет собой закон, обратный эволюции.

Законы эволюции Спенсер в полной мере переносил на человеческое общество. Рассмотрев строение, динамику различных социумов и происходящие в них изменения, он определил основные черты, характеризующие общество как живой организм. Во-первых, это непрерывный рост. Во-вторых, усложнение строения, которое происходит самопроизвольно в процессе роста. При этом, по мнению Спенсера с прогрессивной дифференциацией социальных строений совершается прогрессивная дифференциация социальных процессов, все комбинируются таким образом, что все части социального агрегата являются взаимозависимыми. Эта взаимозависимость частей общества дает возможность представить их как аналог органов живого организма. Итак, взаимозависимость органов-частей есть третья черта общества как организма. Наконец, четвертая черта - наличие собственной жизни агрегата, отличной от жизни составляющих его единиц, продолжительность которой, как правило, меньше. В то же время жизнь определенного общества может быть нарушена без уничтожения жизней составляющих его людей.

Однако человеческое общество, социальный организм не является точной копией любого организма. Животная особь, по Спенсеру, конкретна, т. е. ее социальное поведение однозначно определено, предсказуемо и адекватно отражает действие факторов внешней среды. Следовательно, конкретные особи животных тесно и однозначно соединены между собой, образуют конкретное «сообщество». Человеческая особь обладает дискретностью, т. е. свободой воли, неоднозначностью поведения. Такие особи, как считал Спенсер, образуют «дискретные» общества. Далее он подробно рассматривает отмеченные свойства человеческого общества (рост, усложнение структуры, взаимозависимость отправления и частей-органов), выделяя в человеческом социуме такие «органы», как система питания, распределительная и регулятивные системы.

Подобно Огюсту Конту, Спенсер подразделял все общества на военные (где все течение жизни определяют военные, где «армия и народ имеют одинаковое строение») и промышленные, все социальные отношения в которых определяются свободным обменом услугами.

Взгляды Спенсера на общество как на живой организм не новы в истории социальной мысли, но вместе с учением об эволюции, с учетом огромного собранного и систематизированного им материала и эволюционно-позитивного метода представляют собой цельную научную систему, оказавшую сильное влияние на дальнейшее развитие социальной теории. Идеи Спенсера на общество как на живой организм оказали существенное влияние на формирование образов социума у представителей других научных дисциплин. В частности, представления «предтечи» геополитики К. Риттера, «отца» геополитики Ф. Ратцеля, геополитиков классического периода Р. Челлена, К. Хаусхофера, Г. Обста и других испытали влияние идей Спенсера.

Русская школа географического детерминизма в XVIII-XIX вв. представлена трудами известных ученых, таких как, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, А.П. Щапов и др. Русскими исследователями был дан анализ природных и географических факторов в их связи с социальным бытием русского человека и его историей.

Так, по мнению Б.Н. Чичерина, громадность территории России, ее малая заселенность, однообразие и простота занятий населения, постоянная угроза внешних нападений обусловили жизненную потребность в крепкой центральной власти.

Сергей Михайлович Соловьев (1820-1879) также в своих работах уделял особое внимание географическим условиям в развитии России. Он, как и Чичерин, отмечал географическую предопределенность зарождения русской государственности и наиболее интенсивного хозяйственного освоения земель в центре Среднерусской возвышенности. Соловьев показал, что возглавить объединение русских земель и создать крепкое централизованное государство суждено было именно Москве благодаря особенностям ее географии и природы. В природно-климатических условиях центрального пространства России Соловьев увидел и решающий фактор, повлиявший на характер деятельности и форму организации населения. «Скупая на дары», природа этих мест приучала жителей к упорству и твердости, не обещая скорой награды за вложенный труд. В сравнении со средой обитания западноевропейских народов суровую природу Центральной России Соловьев называл «мачехой», а не «матерью» для коренных ее жителей. В неравенстве изначальных условий развития он видел и естественные причины отставания России от Западной Европы. Русскому народу пришлось вести жестокую борьбу за выживание и в полном смысле слова отвоевывать жизненное пространство у природы. Это наложило особый отпечаток на весь уклад жизни русского народа.

Идеи географического детерминизма весьма заметны и в исследованиях другого известного русского исследователя Василия Осиповича Ключевского (1841-1911). «Начиная изучение истории какого-либо народа, - писал он, - встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, - природу его страны».

Большое значение для русской научной мысли имели работы Льва Ильича Мечникова (1838-1888) - географ, социолог, публицист и общественный деятель, брата известного биолога И.И. Мечникова. Главное произведение Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современного общества» было опубликовано посмертно в 1889 г. Именно в нем изложены геосоциологические идеи Мечникова. Ученый видел основу исторического развития, прежде всего в гидросфере. Водные пути, по Мечникову, являясь как бы синтезом географических условий, оказывают гораздо большее влияние на развитие общества, чем другие компоненты среды. В соответствии с тем, что именно составляет основу цивилизации - река, море или океан, - Мечников разделил историю человечества на три периода:

- 1) речной, охватывающий четыре древних цивилизации (Египет на Ниле, Месопотамия на Тигре и Евфрате, Индия на Инде и Ганге, Китай на Янцзы и Хуанхэ); отличительные черты этого периода - деспотизм и рабство;
- 2) средиземноморский, или средневековый (с основания Карфагена до Карла Великого), характеризующийся крепостничеством, подневольным трудом, олигархическими и феодальными федерациями;
- 3) океанический, охватывающий Новое время (с открытия Америки); этот период, по Мечникову, только начинается; в нем должны осуществиться свобода (уничтожение принуждения), равенство (ликвидация социальной дифференциации), братство (солидарность согласованных индивидуальных сил).

Теория развития цивилизаций от речных форм к морским и океаническим до сих пор сохраняет актуальность.

Ключевые слова: вульгарный географический детерминизм, естественные законы, географические факторы, государство как политический организм, национальный характер, телеология, естественное право, общественный договор, цивилизация, ландшафт, социография, социогеография, органицизм.

Контрольные вопросы:

1. Какие идеи Ш. Монтескье можно отнести к геополитическим?
2. Какие геополитические идеи высказал Ж.Ж.Руссо?
3. Почему, по мнению Ш. Монтескье социальное бытие людей обусловлено географическими, политическими и религиозными факторами?
4. Какие идеи изложены И.Кантом в трактате «К вечному миру»?
5. Какое значение имели концепции Гегеля по философии истории и социальной философии для последующей немецкой геополитической школы?
6. Что относил Гердер к внешним факторам общественного развития?
7. Каково содержание иерархической системы регионального деления мира Риттера?
8. Обоснуйте положение К Клаузевица, что пространственно-географический фактор, вместе с политическим, оказывает существенное влияние на ход и исход войны и определяет ее геополитическое содержание.
9. Какие факторы по Г.Боклю влияют на исторический процесс?
10. Что означают понятия «социография» и «социогеография»?
11. Как повлияли взгляды Г. Спенсера на общество на представления и позицию К. Риттера, Ф. Ратцеля, Р. Челлена, К. Хаусхофера?
12. Как объясняет С.М.Соловьев географическую предопределенность зарождения русской государственности?
13. Какие геополитические идеи высказал Л. И. Мечников в своих работах?

4. Основные классические геополитические теории

Изучение основных классических геополитических теорий следует начать с анализа научных воззрений немецкого мыслителя Фридриха Ратцеля (1844-1904). Многие исследователи считают, что своим возникновением классическая геополитика обязана именно этому ученому. Фридриха Ратцеля называют подлинным «отцом» геополитики, хотя сам Ратцель этого термина в своих трудах не использовал, а писал о «политической географии».

Ратцель закончил Политехнический университет в Карлсруэ, где прослушал курсы геологии, палеонтологии и зоологии. Свое образование он завершил в знаменитом Гейдельбергском университете. В 1870г. он добровольцем принимал участие во франко-прусской войне, отличился и был награжден железным крестом. После войны он продолжил свои академические занятия, уже в русле демографии. В 1876г. Ратцель защитил диссертацию об эмиграции в Китае. В этот период он предпринял ряд путешествий по Европе и Америке, результатом которых стали исследования по этнологии. Ратцель преподавал географию в техническом институте Мюнхена, а в 1886г. перешел на кафедру географии в Лейпциге. В 1886-1904гг. Ратцель - профессор географии Лейпцигского университета. Наряду с наукой Ратцель интересовался и политикой, занимая националистические позиции. В 1890г. он вступил в «Пангерманистскую лигу» Карла Петерса.

В Гейдельбергском университете Ф. Ратцель был учеником профессора Эрнста Геккеля (1834-1919), введшего в научный оборот термин «экология». Э. Геккель в свою очередь был последователем теории Чарльза Дарвина, поэтому неудивительно, что при разработке своего учения Ратцель использовал многие дарвиновские идеи, оказавшие, как известно, большое влияние на общественные науки, в частности в форме «социалдарвинизма». Под влиянием дарвиновских идей Ратцель рассматривал государство как живой организм, борющийся за свое существование.

Мировоззрением и методологией Ф. Ратцеля были идеи эволюционизма и дарвинизма (естественно-научный взгляд на исторический процесс). Оказали влияние идеи основателя социологии Огюста Конта: эволюционизм, признание влияния географической среды на развитие народа, государства, роль демографических и космических факторов на функционирование политических систем.

Развивая идеи географического детерминизма в духе Карла Риттера и английского социолога-позитивиста Герберта Спенсера, Ратцель переносил в социальную область закономерности развития животного и растительного мира. Многие идеи Ратцеля восходят к воззрениям Иммануила Канта, Александра фон Гумбольдта, Карла Риттера и других немецких мыслителей, которые уделяли значительное внимание физической среде и ее влиянию на общественно-историческое развитие. Например, по Гумбольдту, элементы ландшафта, повторяясь в бесконечных вариациях, оказывают немаловажное влияние на характер народов, живущих в тех или иных регионах земного шара. В соответствии с этими идеями Ратцель рассматривал земной шар как единое

целое, неразрывной частью которого является человек. Он считал, что человек должен приспосабливаться к своей среде точно так же, как это свойственно флоре и фауне.

Безусловно, на формирование научных взглядов Ф. Ратцеля оказали влияние в первую очередь научные разработки того времени, и, конечно, реальные исторические процессы происходившие у него на глазах - образование индустриальных национальных государств (Италии, Германии, завершение формирования территориального единства США).

Как уже говорилось, многие предшественники Ратцеля - и Монтескье, и Гердер, и Риттер - отмечали зависимость между размерами государства и его силой, но Ратцель первым пришел к выводу, что пространство есть наиболее важный политико-географический фактор. Главным, что отличало его концепцию от других, было убеждение, что пространство - это не просто территория, занимаемая государством и являющаяся одним из атрибутов его силы. Пространство - само есть политическая сила.

Таким образом, пространство в концепции Ратцеля есть нечто большее, чем физико-географическое понятие. Оно представляет собой те природные рамки, в которых происходит экспансия народов. Каждое государство и народ имеют свою «пространственную концепцию», то есть идею о возможных пределах своих территориальных владений. Упадок государства, считал Ратцель, есть результат слабеющей пространственной концепции и слабеющего пространственного чувства.

Пространство обуславливает не только физическую эволюцию народа, но также и его ментальное отношение к окружающему миру. Взгляд человека на мир зависит от пространства, в котором он живет.

На Ратцеля в значительной степени повлияло знакомство с Северной Америкой, которую он хорошо изучил и которой посвятил две книги: «Карты североамериканских городов и цивилизаций» (1874) и «Соединенные Штаты Северной Америки» (1878-1880). Ратцель заметил, что «чувство пространства» у американцев развито в высшей степени, так как они были поставлены перед задачей освоения «пустых» пространств, имея за плечами значительный «политико-географический» опыт европейской истории. Следовательно, американцы осмысленно осуществляли то, к чему Старый Свет приходит интуитивно и постепенно. Поэтому, по мнению исследователей, именно у Ратцеля дается первая формулировка важной геополитической концепции - концепции «мировой державы» (Weltmacht). Ратцель заметил, что большие страны в своем развитии имеют тенденцию к максимальной географической экспансии, выходящей постепенно на планетарный уровень. Следовательно, рано или поздно географическое развитие должно подойти к своей континентальной фазе. Применяя этот принцип, выведенный из американского опыта политического и стратегического объединения континентальных пространств, к Германии, Ратцель предрекал ей судьбу континентальной державы.

В 1882г. в Штуттгарте вышел фундаментальный труд Ратцеля «Антропогеография», в котором он сформулировал свои основные идеи: связь

эволюции народов и демографии с географическими данными, влияние рельефа местности на культурное и политическое становление народов и т.д.

При рассмотрении формирования геополитического учения значительный интерес представляет тот факт, что именно описательная политическая география, так сказать, натолкнула геополитиков на вопрос о географической обусловленности развития государства. Это положение было развито Ратцелем в его основном геополитическом тезисе о географической обусловленности не только становления и развития государства, но и всех политических явлений.

Для развернутой в «Антропогеографии» методологии Ратцеля характерно утверждение о непосредственных отношениях между человеком и географической средой, государством и землей. Политическая жизнь, по Ратцелю, обусловлена непосредственным воздействием географической среды, а государство «так же старо, как семья и общество» и представляет собой «единство народа с известным почвенным пространством» и особый биологический организм.

В следующей своей работе «Народоведение» (1893) Ратцель поставил в центр исследования географическую обусловленность политической жизни и проследил отношение внешней политики государства к географическому пространству. Он рассматривал государство как биологический организм в тесной и неразрывной связи со свойствами населяющего его этноса, частично - со свойствами земли и природными условиями в целом. Ратцель отмечал, что географическое воззрение, т.е. рассмотрение внешних условий и историческое разъяснение, а именно исследование факторов развития должны идти «рука об руку», только из такого соединения может получиться настоящая оценка исследуемого предмета. Он указывает на то, что существование человечества необходимо рассматривать, прежде всего, исходя из географических условий. Что касается исторического воззрения, - отмечает Ратцель, можно указать народы, которые тысячелетия оставались одинаковыми, не меняя ни место пребывания, ни языка, ни физического облика, ни образа жизни, и только поверхностно изменили свои верования и знания. Отсутствие динамики в развитии таких этносов Ратцель объясняет условиями их географического расположения на земном шаре, но отнюдь не психической или ментальной их отсталостью, что снимает с него обвинение в расизме, которое выдвигали многие из его оппонентов.

Наряду с местоположением народа большое значение для дальнейшего развития цивилизации имеет, по Ратцелю, плотность населения, также относящаяся к пространственному фактору. Ученый отмечает, что в большой плотности населения заключается не только прочность энергичного развития народа, но и непосредственный стимул к росту культуры.

Главный труд Ратцеля «Политическая география» увидел свет в 1897г. В этой работе Ратцель показывает, что почва является основополагающей неизменной данностью, вокруг которой вращаются интересы народов. Движение истории предопределено почвой и территорией. Ратцель исходил из того, что человеческая история - это история приспособления людей к окружающей их среде. Далее следует эволюционистский вывод о том, что

«государство является живым организмом», но организмом, «укорененным в почве».

В «Политической географии» Ратцель, так же как это делал в свое время Бокль, пытался рассматривать государство не с точки зрения такого известного и «разработанного» в прошлом географического фактора, как климат, а с позиции отношений государства и Земли. Отсюда его основной девиз: «Государство нуждается в земле, чтобы жить». Чтобы пояснить мысль Ратцеля, рассмотрим, как он понимает взаимодействие этих двух компонентов. Политическая организация территории, по мнению автора, превращает государство в организм, в который определенная часть земной поверхности входит так, что свойства государства оказываются составленными из свойств народа и территории. Важнейшими из этих свойств являются размеры, положение, границы, вид и форма территории с ее растительностью, водами и ее отношение к другим частям поверхности.

Таким образом, выдвигается строго географический фактор - Земля, или, точнее, - поверхность Земли, который определяет не только государство как таковое, но и его политическую организацию. Развитие государства и его форма без каких-либо промежуточных звеньев непосредственно зависит от территории, границ и пространственного отношения с другими государствами.

По мнению Ратцеля, государство совпадает с государственно организованным обществом, оно является выражением интересов всего общества. Государство возникло потому, что все общество нуждалось в нем для защиты своих общих интересов. Проявлением органического характера государства является то, что оно движется и растет как целое, как живой организм. Государство складывается из территориального рельефа и масштаба и из их осмысления народом. Таким образом, в государстве отражается объективная географическая данность и субъективное общенациональное осмысление этой данности, выраженное в политике. «Нормальным» государством Ратцель считает такое, которое наиболее органично сочетает географические, демографические и этнокультурные параметры нации. Он указывает, что государства на всех стадиях своего развития рассматриваются как организмы, которые с необходимостью сохраняют связь со своей почвой и поэтому должны изучаться с географической точки зрения. Как показывают этнография и история, государства развиваются на пространственной базе, все более и более сопрягаясь и сливаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством; и описывать, сравнивать, измерять их должна география.

Из такого органицистского подхода ясно видно, что пространственная экспансия государства понимается Ратцелем как естественный живой процесс, подобный росту живых организмов. Государство, рассматриваемое как биологический организм, подвержено тем же влияниям, что и все живое.

В «Политической географии» Ратцель обосновал тезис о том, что государство представляет собой биологический организм, действующий в соответствии с биологическими законами. Более того, Ратцель видел в

государстве продукт органической эволюции, укорененный в земле подобно дереву. Сущностные характеристики государства поэтому определяются его территорией и местоположением, и его процветание зависит от того, насколько успешно государство приспосабливается к условиям среды. Одним из основных путей наращивания мощи этого организма, считал Ратцель, является территориальная экспансия, или расширение жизненного пространства (Lebensraum). С помощью этого понятия он пытался обосновать мысль о том, что основные экономические и политические проблемы Германии вызваны несправедливыми, слишком тесными границами, стесняющими ее динамическое развитие.

Органицистский подход Ратцеля сказывается и в отношении к самому пространству. Это «пространство» переходит из количественной материальной категории в новое качество, становясь «жизненной сферой», «жизненным пространством», некоей «геобиосредой». Отсюда вытекают два других важных термина Ратцеля: «пространственный смысл», «чувство пространства» (sinn) и «Жизненная энергия» (Lebensenergie). Эти термины близки друг к другу и обозначают некое особое качество, присущее географическим системам и предопределяющее их политическое оформление в истории народов и государств.

Ф.Ратцель пришел к выводу, что пространство есть наиболее важный политико-географический фактор. Пространство – это не просто территория, занимаемая государством и являющаяся атрибутом его силы. Пространство само по себе есть политическая сила (объективная политическая реальность). «Пространство» в концепции Ф.Ратцеля нечто большее, чем физико-географическое понятие. Пространство – есть геобиосреда, дающая народу энергию, духовную и эмоциональную связь с государством и историей. Каждое государство и каждый народ имеют свою пространственную концепцию, то есть идею о возможных пределах своих территориальных владений. Упадок государства есть результат слабеющей пространственной концепции и слабеющего пространственного чувства. Пространство - это и политическая сила, влияющая на человека, определяющая его взгляды на окружающий мир и его поведение. Пространство обуславливает не только физическую эволюцию народа, но и его нравственное отношение к окружающему миру.

Все эти тезисы являются основополагающими принципами геополитики в той форме, в которой она разовьется несколько позднее у последователей Ратцеля. Более того, отношение к государству как к «живому пространственному, укорененному в почву организму» есть главная мысль и ось геополитической методики. Такой подход ориентирован на синтетическое исследование всего комплекса явлений независимо от того, принадлежат ли они человеческой или нечеловеческой сфере. Пространство рассматривается как конкретное выражение природы, окружающей среды, как непрерывное жизненное тело этноса, пространство населяющего.

В «Политической географии» Ратцель, рассматривая соотношения этноса и пространства, указывает, что государство складывается как организм, привязанный к определенной части поверхности земли, а его характеристики развиваются из характеристик народа и почвы. Наиболее важными

характеристиками являются размеры, местоположение и границы, типы почвы вместе с растительностью, ирригация и, наконец, соотношения с остальными конгломератами земной поверхности, в первую очередь, с прилегающими морями и незаселенными землями, которые, на первый взгляд, не представляют особого политического интереса. Совокупность всех этих характеристик составляет страну (Land). Но когда говорят о «нашей стране» - отмечает автор, к этому добавляется все то, что человек создал, и все связанные с землей воспоминания. Так, изначально чисто географическое понятие превращается в духовную и эмоциональную связь жителей страны и их истории.

По мнению Ратцеля государство с точки зрения географии можно определить по трем параметрам:

1. Государство – живой организм, укоренившийся в почве.
1. Государство есть осмысление народом природной данности.
3. Государство – это пространственное явление, управляемое и оживляемое этим пространством (Поэтому изучать его должна география).

Государство является организмом не только потому, что оно артикулирует жизнь народа на неподвижной почве, но и потому что эта связь взаимоукрепляется, становясь чем-то единым, невыразимым без одного из двух составляющих. Необитаемые пространства, неспособные вскормить государство, это историческое поле под паром. Обитаемое пространство, напротив, способствует развитию государства, особенно если это пространство окружено естественными границами. Если народ чувствует себя на своей территории естественно, он постоянно будет воспроизводить одни и те же характеристики, которые, исходя из почвы, будут вписаны в него.

Отношение к государству как к живому организму предполагало отказ от концепции «нерушимости границ». Государство рождается, растет, умирает, подобно живому существу. Следовательно, его пространственное расширение и сжатие являются естественными процессами, связанными с его внутренним жизненным циклом. Ратцель, конечно, понимал, что захват чужих территорий не может происходить гармонически, мирно, без военных столкновений. Поэтому он утверждал, что сущность государств такова, что они развиваются, соревнуясь с соседними государствами, причем наградой в борьбе в большинстве случаев являются части территории. Почему дело обстоит именно таким образом? Народ растет, увеличиваясь в числе, страна - увеличивая свою территорию. Так как растущий народ нуждается в новых землях для увеличения своей численности, то он выходит за пределы страны. Первоначально он ставит себе и государству на службу те земли внутри страны, которые до сих пор были не заняты: внутренняя колонизация. Если последней становится недостаточно, народ устремляется вовне, и тогда появляются все те формы пространственного роста, которые, в конце концов, неизбежно ведут к приобретению земли: внешняя колонизация, то есть военное продвижение, завоевание.

В работе «Земля и жизнь» Ф. Ратцель рассматривает землю как единое целое: твердая, жидкая и газообразная части земли, равно как жизнь, развивающаяся в них, - одно целое, элементы которого связаны между собой

исторически и находятся в непрерывном взаимодействии. Все это есть «органическое понимание земли». В данном случае «земля» выступает как новое понятие «органическое понимание земли», то есть определение единого социоприродного пространства. Ратцель выделяет следующие важные моменты:

- Твердая часть земли (суша) - есть дно воздушного и водного бассейнов. Человек как бы купается в пространстве.

- Анализ значения влияния естественно-природных факторов (давления, влажности, солнечной и природной радиации) на общество и личность. Влияния двоякого рода – на тело и психику человека; на переселение народов, на образ жизни. Температурные колебания благоприятствуют здоровью и культуре, обмену веществ и развитию ума (наиболее развитые государства мира расположены в северном полушарии между 30 и 60 параллелями). Тропический климат действует так удручающе и усыпляюще исключительно благодаря малым колебаниям температуры. Давление воздуха оказывает влияние на тело и психику человека. В высокогорье разреженный воздух отнимает меньше тепла у организма человека, сильнее солнечное излучение, меньше возможностей для заразных заболеваний. Таким образом, Ратцель делает следующий вывод: все физиологические и социальные процессы связаны с природно-климатическими условиями. Однако родовой признак человека – это его единство в планетарном масштабе. Человек, природа, Бог, земля – это одно и то же.

- Первый шаг человека к морю - это «начало всемирной истории человечества»; земледельческие, скотоводческие, кочевые, охотничьи культуры - это материковые полукультуры; морские народы являются двигателем вселенной. Морские народы образуют оригинальную группу, их распространение, жилища, деятельность совершенно своеобразны. Морские народы распространяются скачками с острова на остров, с одной береговой полосы на другую. Такая морская кочевая жизнь обусловлена избытком населения, повторяющимся через несколько поколений, что напоминает приливы и отливы морской волны. Для них характерны инициатива, предприимчивость, умение организовать деятельность коллектива по достижению общей цели. Мировыми державами могут быть только государства, владеющие морем (Римская империя, Испанское королевство периода открытия Америки, Великобритания).

Морская тематика была обоснована Ратцелем в работе «Море, источник могущества народов» (1900). По мнению исследователей, Ратцель, предвосхитил одну из важнейших тем геополитики - значение моря для развития цивилизации. В своей книге он указал на необходимость каждой мощной державы особенно развивать свои военно-морские силы, так как этого требует планетарный масштаб полноценной экспансии. То, что некоторые народы и государства (Англия, Испания, Голландия и т.д.) осуществляли спонтанно, сухопутные державы должны делать осмысленно: развитие флота является необходимым условием для приближения к статусу «мировой державы».

В работах Ратцеля берет начало ставшая затем с различными изменениями и дополнениями популярной геополитическая идея «океанического цикла». В ней особое значение придавалось бассейну Средиземного моря и Атлантике как важнейшим стратегическим районам мира.

Наибольший интерес с позиций сегодняшнего дня представляет его оценка значения бассейна Тихого океана. Ратцель называл его «океаном будущего». Этот огромный океанический район станет, по его мнению, местом активной деятельности и столкновения интересов многих ведущих держав мира, поскольку он имеет выгодное стратегическое положение, уникальные ресурсы и огромные размеры. Государства, имеющие первенство в Тихом океане, будут доминировать и в мире. Поэтому Ратцель не сомневался, что именно в зоне Тихого океана будут выясняться и решаться сложные силовые отношения пяти ведущих мировых держав: Англии, Соединенных Штатов, России, Китая и Японии. Ратцель и его ученики пришли к выводу, что решающий конфликт между морскими и континентальными державами произойдет не где-нибудь, а именно в зоне Тихого океана и завершит собой в катастрофическом финале циклическую эволюцию человеческой истории. В то же время в этом конфликте континентальные державы с их богатыми ресурсами имеют совершенно определенное преимущество перед державами морскими, не обладающими достаточным пространством в качестве своей геополитической базы.

В своей книге «О законах пространственного роста государств» (1901) Ратцель вывел семь законов экспансии, или «пространственного роста государств». Данный рост обусловлен тем, что растущий народ нуждается в новых землях для увеличения своей численности, и «высшим призванием» народа является улучшение своего географического положения. Законы эти таковы:

1. Пространство государств растет вместе с ростом их культуры.
2. Пространственный рост государства сопровождается иными симптомами развития: развитием идей, торговли, производства, миссионерством, повышенной активностью в различных сферах.
3. Рост государства осуществляется путем присоединения и поглощения меньших государств.
4. Граница есть периферийный орган государства и как таковой служит свидетельством его роста, силы или слабости и изменений в его организме.
5. В своем росте государство стремится вобрать в себя наиболее ценные элементы физического окружения: береговые линии, бассейны рек, равнины, районы, богатые ресурсами.
6. Исходный импульс к пространственному росту приходит к государствам извне - благодаря перепадам уровней цивилизации соседствующих территорий.
7. Общая тенденция к слиянию и поглощению более слабых наций, разветвляясь в ходе своего развития, переходит от государства к государству и по мере перехода набирает силу, то есть непрерывно подталкивает к еще большему увеличению территорий.

Таким образом, в своих работах Ратцель впервые поднимает проблемы территориального роста и могущества государства с точки зрения пространственной характеристики. Труды Ратцеля оказали влияние на последующее развитие геополитической мысли, стали необходимой базой для последующих теоретических исследований. На книгах Ратцеля основывали свои концепции Р.Челлен, К.Хаусхофер, Видал де ла Блаш и другие ученые.

Так, труды Ратцеля оказали огромное влияние на известного ученого-геополитика Р.Челлена, который ввел в научный оборот термин «геополитика».

Юхан Рудольф Челлен (1864-1922) - шведский геополитик, государствовед и политический деятель. После окончания школы изучал юриспруденцию в Уппсальском университете (1878-1888), там же защитил докторскую диссертацию (1890); преподавал в Гетеборгском (1901-1916) и Уппсальском (1916-1922) университетах. Специализировался на исследовании систем государственного управления, для чего ему понадобились обширные знания не только государствоведческих дисциплин, но и истории, политической географии, политологии.

Познакомившись с трудами Ратцеля, Челлен на всю жизнь стал его страстным почитателем, он развивал его геополитические идеи, определял «геополитику» как учение о государстве - географическом организме, воплощенном в пространстве. Впрочем, в отличие от своего учителя Челлен считал геополитику не самостоятельной научной дисциплиной, а лишь составной частью социально-политических наук.

В работах Челлена содержатся, по сути дела, все принципиальные положения геополитики. Как и Ратцель, он считал, что на основе всестороннего изучения индивидуального государства могут быть дедуцированы некоторые самые общие принципы и законы, подходящие для всех государств и для всех времен. Одним из них является сила государства. Государства возвышаются, потому что они сильны. Челлен считает, что сила - более важный фактор для поддержания существования государства, чем закон, поскольку сам закон может поддерживаться только силой. В силе Челлен находит дальнейшее доказательство своего главного тезиса, что государство есть живой организм. Если закон вводит нравственно-рациональный элемент в государство, то сила дает ему естественный органический импульс.

В 1910г. была издана его книга «Великие державы», в которой Челлен пытался доказать, что малые страны в силу своего географического положения «обречены» на подчинение «великим державам», которые, опять-таки в силу своей «географической судьбы», обязаны объединить их в большие географические и хозяйственные «комплексы». Челлен указывал, что отдельные «комплексы» такого рода - в частности, США, Британская империя, Российская империя - сложились еще в XVIII—XIX веках, тогда как образование большого европейского «комплекса», или единства, составляет задачу Германии.

Это последнее указание Челлена на «необходимость объединения Европы под эгидой Германии» и было, в сущности, основной идеей его геополитического учения. Челлен развил геополитические принципы Ратцеля

применительно к конкретной исторической ситуации в современной ему Европе. Он довел до логического конца идеи Ратцеля о «континентальном государстве» применительно к Германии и показал, что в контексте Европы Германия является тем пространством, которое обладает осевым динамизмом и которое призвано структурировать вокруг себя остальные европейские державы. Будучи германофилом и сознавая слабость скандинавских стран перед лицом потенциальной внешней угрозы, он предлагал создать германо-нордический союз во главе с Германской империей.

Первую мировую войну Челлен интерпретировал как естественный геополитический конфликт, возникший между динамической экспансией Германии (страны Оси) и противодействующими ей периферийными европейскими (и внеевропейскими) государствами (Антанта). Различие в геополитической динамике роста - нисходящей для Франции и Англии и восходящей для Германии - предопределило основной расклад сил. При этом, с его точки зрения, геополитическое отождествление Германии с Европой неизбежно и неотвратно, несмотря на временное поражение в первой мировой войне. Челлен закрепил намеченную Ратцелем геополитическую максиму: интересы Германии противопоставлены интересам западноевропейских держав (особенно Франции и Англии). Но Германия - государство «юное», а немцы - «юный народ». (Эта идея «юных народов», которыми считались русские и немцы, восходит к Ф.М. Достоевскому, не раз цитируемому Челленом.) «Юные» немцы, вдохновленные «среднеевропейским пространством», должны двигаться к континентальному государству планетарного масштаба за счет территорий, контролируемых «старыми народами» - французами и англичанами. При этом идеологический аспект геополитического противостояния считался Челленом второстепенным.

Впервые термин «геополитика» был введен Челленом в его работе «Государство как форма жизни», вышедшей в Стокгольме в 1916 г. Следуя Ратцелю, Челлен основное внимание сконцентрировал на природе государства. Название главной его работы служит своего рода отражением основной идеи Ратцеля, что государство есть живой организм.

В работе Челлен исследовал самые различные стороны жизни государства. Как единство форм жизни государство состоит из пяти жизненных сфер, форм:

- 1) государство как географическое пространство;
- 2) государство как народ;
- 3) государство как хозяйство;
- 4) государство как общество;
- 5) государство как управление.

Таким образом, помимо физико-географических черт, государство, по Челлену, выражает себя в четырех ипостасях: как определенная форма хозяйства со своей особой экономической активностью; как народ со своими этническими характеристиками; как социальное сообщество различных классов и профессий и, наконец, как форма государственного управления со своей конституционной и административной структурой. Взятые вместе, они, по выражению Челлена, образуют «пять элементов одной и той же силы, подобно

пяти пальцам на одной руке, которая трудится в мирное время и сражается в военное».

Вышеуказанные формы существуют в неразрывном единстве и образуют единый организм - государство, который в соответствии с составляющими его элементами призваны изучать пять научных дисциплин, представляющих основные разделы государственоведения или политической науки:

- геополитика - географические факторы существования и развития государства;
- демополитика - государство с точки зрения его народонаселения;
- эконополитика - государство как экономическая сила;
- социополитика - социальный аспект государства;
- кратополитика - формы правления.

Челлен понимал государство как интегрирующую сущность, включающую в себя территорию, население, экономическую, социальную и политическую жизнь общества. Но государство, по Челлену, не случайный «конгломерат различных сторон человеческой жизни», а живое существо, биологическое образование, развивающееся по биологическим законам самосохранения, роста, стремления к доминированию. Если слабые государства притягиваются, включаются в политическую и экономическую жизнь сильных, более жизнеспособных государств, то более мощные и живучие постоянно расширяют свое жизненное пространство. Для этого у них есть три пути: колонизация, слияние, завоевание. Государства, чтобы быть сильными и жизнеспособными, должны быть развиты и в аграрном, и в индустриальном отношении, т. е. быть самодостаточными, чтобы в случае необходимости (войны, агрессии) обеспечить себя всем нужным. В отличие от Ратцеля, который моделировал государство как низший организм, подобный водорослям, Челлен уподобляет государство человеку, поскольку оно чувствующее и мыслящее существо. Государства, аналогично людям (и животным), подчиняются законам борьбы за существование и естественного отбора. Подобно организмам, они рождаются и растут, достигают наивысшей силы, дряхлеют и умирают. Государства не только формы жизни, занимающие свое место в жизненном ряду, они наиболее важные и существенные («импозантные») формы жизни.

Как и в живой природе, большие, жизнеспособные государства растут за счет малых, слабых, не приспособленных к выживанию геополитических образований. Они захватывают их территории, разрастаясь, раздвигают свои границы, пока, наконец, не поглощают соседние малые страны. Такова, по мнению Челлена, политическая история всех империй. В современной истории (т. е. в начале XX в.) наиболее жизнеспособными и быстрорастущими державами являлись Германия и Япония. Такой ход событий Челлен считал «естественной необходимостью», которая проявляется объективно, независимо от воли людей. Политические руководители государств имеют возможность лишь «пролагать путь» этой естественной необходимости.

Как считают некоторые исследователи, концепция «Срединной Европы» в значительной мере также формировалась Р. Челленом. Он считал, что Германия

– это пространство, обладающее осевым динамизмом и призванное объединить вокруг себя другие европейские народы. Интересы Германии равны интересам соседних государств, но противоположны интересам Великобритании и Франции. Так называемый «юный нордический народ» должен овладеть среднеевропейским пространством и создать континентальное государство планетарного уровня в противовес вышеуказанным государствам и их составляющим народам.

Безусловно, для своего времени концепция Срединной Европы являлась самым амбициозным проектом, оказалась мало совместимой с реальностями той поры, однако в дальнейшем получила значительное развитие в трудах исследователей и политиков.

Следует отметить еще один важный момент, как указывают исследователи, Челленом была предпринята попытка создания теории великих держав. Будучи самым активным геополитическим субъектом, великие державы должны, по Челлену, логично стать главным предметом изучения геополитики. Все великие державы он подразделил на мировые державы и великие державы. В качестве мировых держав до Первой мировой войны он рассматривал Великобританию, США, Россию и Германию. К обычным великим державам он относил Францию, Японию, Австро-Венгрию и Италию.

В его работе «Современные великие державы» дается характеристика великих держав начала XX в. Так, характеризуя Германию, он отмечает, что она имела два выбора: либо создать с помощью дипломатии искусное равновесие, либо перейти в наступление. Промышленный подъем привел ее к необходимости в колониях как источниках сырья, поэтому она не могла пойти по пути создания системы равновесия. Германия вынуждена была вступить в конфликт с Великобританией - главной колониальной империей.

Что касается России, то она, по Челлену, также как и Германия, чувствовала себя «окруженной» из-за отсутствия выхода к теплым морям. В XVIII в. Россия получила выход в Балтийское и Черное моря, однако это были внутренние моря. Поэтому, считал Челлен, логическим продолжением стала борьба за выход в Мировой океан. Интересно, что Челлен считал Россию «центральной фигурой», поскольку она является сферой пересечения двух больших культурных миров - Западной Европы и Восточной Азии. В силу этого она более других стран, чем даже США, подходит для посреднической роли в межгосударственных отношениях.

Главной задачей того времени для США Челлен считал контроль за противостоящими им блоками государств как в Европе, так и в Азии.

Великобританию Челлен считал основным противником Германии. Борьба между этими морскими державами - это борьба за господство над океаническими путями и над мировой торговлей.

Франция начала XX в. преследовала, по Челлену, две цели: провести границу по Рейну и вызвать хаос в Центральной Европе.

Япония в то время уже вынашивала планы создания вокруг своего государства «пространства азиатского сопроцветания» в Тихоокеанском регионе, что привело к противоречиям с британскими интересами в

Малайзии, американскими — на Филиппинах и в Китае, с Германией — в Микронезии.

Затем на примерах разных стран Челлен анализирует «три пространственных фактора», играющих значительную роль в геополитических процессах, а именно: расширение, территориальная монолитность, свобода перемещения.

Так, Россия обладала большой территорией (осуществила расширение), территориальной монолитностью, но не свободой перемещения, так как ее доступ к теплым морям ограничен. Великобритания же с избытком обладала свободой перемещения благодаря своему приокеаническому положению, мощному флоту и господству на океанических путях; огромным расширением, благодаря своим заморским доминионам и колониям, но не территориальной монолитностью. Британская империя разорвана и разбросана на 24% поверхности суши земного шара (в 1914г. на британские колонии приходилось почти 70% населения колоний всех стран). В отсутствии территориальной монолитности состояла слабость Британской империи.

У Германии, согласно Челлену, нет ни протяженной территории, ни свободы перемещения (выход в открытые воды у нее был через Гамбург, Киль, однако Вестфальские договоры 1648г. после Тридцатилетней войны закрепили за голландцами и шведами владение устьями рек), но она, однако, обладала территориальной монолитностью и единым этносом.

Все три пространственных фактора были благоприятны для США: и протяженное пространство, и свобода перемещения, и территориальная монолитность.

У Японии имелась территориальная монолитность и свобода перемещения в зоне самого большого Тихого океана, но не было достаточной протяженности территории.

Таким образом, рассмотренные Челленом проблемы формирования и функционирования государства, как живого организма со сложной структурой, развивающегося в пространстве, было актуальным для своего времени и послужило толчком для дальнейшего развития геополитических теорий.

Примером может послужить концепция Срединной Европы, сформулированная Р.Челленом и получившая научное обоснование и развитие в трудах Ф. Науманна,

Фридрих Науманн (1860-1919) - известный немецкий политический деятель, публицист, геополитик. Он имел теологическое образование, но оставил службу лютеранского священника ради политической деятельности. В многочисленных статьях, брошюрах и книгах по вопросам веры, искусства, экономики, внутренней и внешней политики Науманн проводил идею христианского национального социализма, пытался совместить политическую систему демократии, социалистический идеал в рамках немецкой нации и идею объединенного германского государства.

В 1916 году была опубликована книга Ф.Науманна «Срединная Европа», которая содержала популярный и широко обсуждавшийся в немецкоговорящей среде геополитический проект союза германских и других, втянутых в орбиту

немецкого влияния центрально-европейских стран. С его точки зрения, для того, чтобы выдержать конкуренцию с такими организованными геополитическими образованиями, как Англия (и ее колонии), США и Россия, народы, населяющие Центральную Европу, должны объединиться и организовать новое интегрированное политико-экономическое пространство. Осью такого пространства будут, естественно, немцы.

Исходный пункт исследования Науманна - идея великих держав как вершителей мировой геополитики. Причем понятие «великая держава» с изменением масштабов политики тоже меняется, таковыми, по мнению Науманна, уже нельзя считать ни Германию, ни Австро-Венгрию, поэтому им следует объединиться, а для расширения «жизненного пространства» присоединить соседние страны или части их территории с немецким населением.

Проект Ф. Науманна выгодно отличался от предшествующих концепций всесторонней теоретической проработанностью (в религиозном, этническом, правовом, экономическом, военно-стратегическом и геополитическом аспектах), конкретностью и реалистичностью. В восьми главах своего произведения Науманн сумел рассмотреть вопросы состава Среднеевропейского союза государств (Германия, Австрия, Венгрия, центрально-европейские страны, которые существовали тогда или могли быть образованы путем отделения от Австро-Венгерской империи), его географического положения, соотношения сил в военной области и мировой экономике, решения национальных и конфессиональных проблем; таможенные и конституционные вопросы становления Средней Европы.

Кроме того, он высказывал интересные мысли по поводу послевоенного мироустройства и места Средней Европы в нем. Науманн считал, что человечество еще не созрело для того, чтобы «слиться» во всемирном государстве. Следовательно, в течение продолжительного времени отдельные крупные государства будут «бороться за право управления судьбой народов». Признанными «центрами сильного господства» он считал Британскую империю, США, Россию. К возможным мировым державам ближайшего будущего Науманн отнес Японию и Китай. Другие державы, даже обладающие большими территориями, например Индия, некоторые страны Южной Америки и Африки вряд ли в обозримом времени смогут стать «центрами первого разряда». Державы, ставшие центрами силы, или «планетные государства» (США, Великобритания, Россия), притягивают к себе «народы-спутники», которые, несмотря на то, что имеют собственную культуру, «служат усилением» великих держав и следуют по их пути развития.

Вместе с тем, «Средняя Европа» в отличие от чистых пангерманистских проектов была уже не национальным, но сугубо геополитическим понятием, в котором основное значение уделялось не этническому единству, а общности географической судьбы. Проект Науманна подразумевал интеграцию Германии, Австрии, придунайских государств и, в далекой перспективе, Франции.

Науманн доказывал, что вся эта территория имеет единую «географическую судьбу», не включает в себе никаких «естественных границ». По сути, как отмечают исследователи, концепция «Срединной Европы» закладывала основы европейской идентичности. В свете современных процессов, концепция Науманна имеет большое значение в рамках политически-ориентированного подхода к проблеме европейской интеграции, для обоснования роли срединной Европы в системе международных отношений в контексте общеевропейского процесса интеграции.

Крупнейшей фигурой среди ученых-геополитиков является англичанин Хэлфорд Джордж Макиндер (1861-1947).

Х. Макиндер известен, прежде всего, как ученый географ. В 1893г. Х. Макиндер учредил Британскую географическую ассоциацию, а в 1895г. стал ее президентом. В период с 1903 по 1908гг. он возглавлял Лондонскую школу экономических и политических наук. В период с 1900 по 1926гг. являлся профессором географии Лондонского университета. Одновременно с научной работой он занимался политической деятельностью, принимал активное участие в политической жизни Великобритании, был депутатом Британского парламента, являлся представителем Британского правительства на юге России (при генерале Деникине) в период Гражданской войны в ранге Британского Верховного комиссара. Однако мировую известность он приобрел как аналитик и стратег в области внешней политики.

Интерес к взаимосвязи географии и политики возник у Х. Макиндера практически с самого начала его научной деятельности. Работая преподавателем Оксфордского университета, он в 1890 году публикует статью «Физические основы политической географии». Для Х. Макиндера наличие предмета рассмотрения о взаимосвязи политики и географии было очевидным. Вся его научная деятельность, а впоследствии и политическая карьера были подчинены обоснованию этой взаимосвязи.

В 1901г. была опубликована книга Х. Макиндера «Британия и британские моря». Монография выдержала множество переизданий и стала хрестоматийным исследованием по политической географии Великобритании и взаимосвязи ее географического положения и ее истории. Детальный анализ британской географии и истории привел Макиндера к заключению, что ресурсы бережного или островного государства неизбежно ограничены. Другим важным выводом, сделанным в этой работе и сыгравшим большую роль в его геополитических концепциях, был вывод о том, что толчком к формированию британского государства послужили внешние причины, никак не связанные с данной географической островной территорией, и шли эти силы из глубин континента. Выводы, сделанные Х. Макиндером в его работе «Британия и британские моря», были оформлены в 1904г. в геополитическую концепцию, определившую стратегическое значение материковой сердцевины мирового острова.

25 января 1904г. Макиндер выступил на заседании Королевского географического общества с докладом «Географическая ось истории», опубликованным в «Географическом журнале». В этом докладе он излагает

свои взгляды уже в виде целостной концепции. Макиндер пришел к выводу, что существует вечная географическая ось истории, располагающаяся на материковой сердцевине «мирового острова». «Мировой остров» - это часть суши, искусственно, с точки зрения Х. Макиндера, разделенная на три континента – Азию, Африку, Европу. Сердцевиной «мирового острова», определяющего и направляющего развитие истории, является территория, на которой расположена Российская империя, а в последующий период времени СССР, включая территории современной России, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, частично территории Ирана и Пакистана. В 1943 году он включил и Восточную Европу. К материковой сердцевине примыкает внутренний пограничный полумесяц, куда входят территории Евразийского континента, не принадлежащие к материковой сердцевине. Все остальные территории Земли входят, по Макиндеру, во внешний, или островной полумесяц. Он рассматривал Австралию, Северную и Южную Америки как, по существу, островные территории. Как географ, Х. Макиндер считал, что все территории Земли тяготеют к мировому острову и, в конечном счете, к материковой сердцевине мирового острова.

Схема: «Географическая ось истории» - варианты 1919 и 1943 годов.

Содержание и основные идеи работы «Географическая ось истории»:

1. Физическая география имеет непосредственное влияние на политические процессы.
2. Политическая мощь каждого данного государства зависит от его географического расположения.
3. Развитие технологии меняет политическую расстановку сил, так как технология изменяет физическую среду.
4. Материковая сердцевина Земли оказывает стратегическое влияние на происходящие политические процессы.
5. Мир на рубеже XIX - XX веков превратился в закрытую политическую систему.

Вкладом Х. Макиндера в геополитическую науку является идея о predetermined разделении мира на отдельные географические зоны, каждая из которых играет в истории свою определенную роль. Он предлагает отказаться от евроцентрической точки зрения на историю и выдвигает гипотезу, согласно которой истинной пружиной исторических процессов и перемен в мире выступает человеческая масса, сгруппированная в центрально-северной части Евразийского континента, включая Средний Восток, так называемой «осевой зоне» («pivot area»), позже названной им «Сердцевиной» или «Срединной землей» («Heartland»).

Заглядывая вглубь веков, Х. Макиндер приходит к выводу, что единственной константой всемирной истории можно считать перманентное давление Срединной земли на ее периферию, которое ставит существование мира, в том числе Европы в зависимость от Евразии, подчиняет общую историю её импульсам. Х. Макиндер назвал Срединную землю географической осью истории: пребывая вне истории, закрытая для неё, остающаяся вне ее хода, эта земля инспирирует, провоцирует исторический процесс, который разворачивается вокруг условного евразийского полюса.

В 1919 году была издана его работа «Демократические идеалы и реальность». Анализируя ход исторических процессов, Х.Макиндер несколько корректирует свое видение движущих сил на Евразийском континенте. Он убеждается, что ключом к дверям «Срединной земли» является Восточная Европа, поэтому контроль над ней имеет абсолютное, безусловное геостратегическое значение.

Господство России в «Срединной земле» основывается на ее власти в Восточной Европе; поэтому логика борьбы за мировую гегемонию, делает столкновение интересов России и Германии в этом регионе фатально неизбежным. Как бы ни определились их отношения - через военный конфликт, или, наоборот, соединением сил - Европа, во имя сохранения идеалов демократии и прогресса, должна решительно противостоять всем формам германо-русских контактов.

Данная работа явилась некоторым подведением итогов развития глобального социума и обозначила неизбежность формирования новых геополитических конфигураций. С позиций геополитики необходимость и

неизбежность возникновения новых векторов в мировой истории диктовалась и географическими причинами.

Вслед за тезисом о необходимости прекращения линейной экспансионистской политики как бесперспективной с географической точки зрения Х. Макиндер отстаивает тезис о принципиальном и неизбежном неравенстве возможностей различных государств. Тезис о неравном распределении земных ресурсов и, как следствие этого, неравных возможностях разных государств Х. Макиндер рассматривал как аксиому в своем дедуктивном геополитическом построении. Центральный тезис своей геополитической концепции о роли материковой сердцевины («heartland») развивается Х. Макиндером в этой книге более детально. Он представляет части земной суши в виде планетарной системы, в центре которой находится мировой остров, а вокруг него Япония, Австралия, Малайя, Южная и Северная Америки, Великобритания. Х. Макиндер пишет, что эти так называемые новые континенты с территориальной точки зрения являются просто сателлитами старого континента – Мирового острова.

В работе «Демократические идеалы и реальность» Х. Макиндер ввел термин «материковая сердцевина» вместо термина «историческая осевая территория», которым до этого обозначал стратегически важную часть суши Земли. Он значительно расширил ее территорию, включив часть Восточной Европы и Дальний Восток. В той же книге он сформулировал постулат: «Кто управляет Восточной Европой, управляет материковой сердцевиной. Кто управляет материковой сердцевиной, управляет Мировым островом. Кто управляет Мировым островом, управляет миром».

На основе геополитической концепции Х. Макиндер подробно излагает историческую концепцию, стараясь выявить геополитические закономерности исторического развития. Он определил основные геополитические и исторические эпохи:

1. Доколумбова эпоха. В ней народы, принадлежащие к периферии мирового острова, живут под угрозой завоевания со стороны «хартленда».
2. Колумбова эпоха. Представители внутреннего полумесяца (береговых зон), направляются на завоевание неизвестных территорий планеты, фактически не встречая сопротивления.
3. Постколумбовая эпоха. Земной шар освоен. Динамические пульсации обрекают цивилизации на столкновение. Вселенская перманентная гражданская война. Война всех против всех.

На примере исторического развития Европы он приходит к выводу, что само развитие индустриальных держав стало возможно лишь в результате мощного движения людских потоков из глубин материковой сердцевины (Евразии) на территорию Европы, что привело к возникновению целой цепочки побережных государств, базирующих свое могущество на контроле над морскими путями. С величайшими событиями IV-VIII веков нашей эры, обозначенными в истории как «Великое переселение народов», связывает Х. Макиндер развитие государственности на британских островах, в северо-западной части континентальной Европы и Средиземноморья. По его мнению,

вторжение гуннов в центральную Европу было одним из факторов определивших внутреннее содержание и географию современных европейских государств. Как в последующем вторжение монголо-татар в Восточную Европу определило развитие Московии, Литвы и Польши.

В этот период, по мнению Х. Макиндера, формируется стереотип жителя морской державы и жителя континентальной державы, которые противостоят друг другу. Чрезвычайно подробно излагает Х. Макиндер, как складывается мироощущение жителя морской державы и жителя континентальной державы. Интерес к этому вопросу с позиций геополитики объясняется тем, что среди специалистов, разрабатывавших политическую стратегию в конце XIX в., бытовало убеждение, что морская держава априори имеет значительные преимущества над континентальной. Это убеждение не изжито многими политиками, и к концу XX в. Х. Макиндер был первым теоретиком, который здраво взвешивал шансы и тех и других держав.

Важно проследить эволюцию географических пределов хартленда в трудах Макиндера. Если в 1904 и 1919гг. (соответственно в статье «Географическая ось истории» и в книге «Демократические идеалы и реальность») очертания хартленда совпадали в общих чертах с границами Российской Империи, а позже СССР, то в 1943г. он пересмотрел свои прежние взгляды и изъял из хартленда советские территории Восточной Сибири, расположенные за Енисеем. Он назвал эту малозаселенную советскую территорию «Lenaland» по названию реки Лена. Выведение так называемого Леналенда из географических границ хартленда означало возможность рассмотрения этой территории как зоны «внутреннего полумесяца», то есть как берегового пространства, которое может быть использовано «островными» державами для борьбы против «географической оси истории». Макиндер, активно участвовавший в организации интервенции Антанты и белом движении, видимо, посчитал исторический прецедент Колчака, сопротивлявшегося евразийскому центру, достаточным основанием для рассмотрения подконтрольных ему территорий в качестве потенциальной «береговой зоны».

После второй мировой войны Макиндер утверждал, что Россия во время войны против фашистской Германии была «спасена» благодаря трем природным барьерам: 1) арктическому побережью, 2) дикой области Лены и Енисея и 3) горной цепи от Алтая до Гиндукуша плюс пустыня Гоби, пустынные области Тибета и Ирана.

В целом идеи Макиндера не были приняты научным сообществом, несмотря на его высокое положение не только в политике, но и в самой научной среде. Даже тот факт, что почти полвека он активно и успешно участвовал в создании английской стратегии в международных вопросах на основании своей интерпретации политической и географической истории мира, не мог заставить скептиков признать ценность и эффективность геополитики как дисциплины.

Вместе с тем концепция Макиндера оказала исключительно сильное влияние на дальнейшее развитие самой геополитики. Макиндер пользовался широкой известностью, правда, не столько в Англии, где его концепция не

получила широкого распространения, сколько в США, где она была взята на вооружение американскими геополитиками. Концепция Макиндера, по сути дела, послужила одним из теоретических краеугольных камней при основании знаменитой Мюнхенской школы геополитики, созданной Карлом Хаусхофером.

Известным представителем американской геополитической школы является Альфред Мэхэн (1840-1914) - историк, кадровый военный, офицер американских Union Navy, адмирал морского флота. В 1861-1865гг. участвовал в Гражданской войне на стороне законного правительства. По окончании боевых действий Мэхэн учился в Великобритании (Оксфорд, Кембридж); вернувшись на родину, служил на действующем флоте. В 1885-1889гг. - преподаватель истории военного флота в военно-морском колледже в Ньюпорте (Род-Айленд), а с 1886г. - его президент.

Во время испано-американской войны (1898) Мэхэн работал в составе Морского комитета по стратегии. Внимательно следя за ходом боевых действий на море, он анализировал стратегию и тактику американского и испанского флотов, в результате им были сделаны выводы о влиянии геостратегии («причин войны») на военную стратегию и тактику.

Главным достижением теоретической деятельности А. Мэхэна стало создание им теории «морской силы», согласно которой военно-морским флотам морских океанических держав (в отличие от держав сухопутных) принадлежит решающая роль в обеспечении мощи государства.

Признавая первостепенное влияние морских вооруженных сил на историю войн и судьбы государств, Мэхэн попытался установить непосредственную связь между географическим положением государства, «характером народа» и «морской силой». Для Мэхэна главным инструментом политики является торговля. Военные действия должны лишь обеспечить наиболее благоприятные условия для создания планетарной торговой цивилизации. Мэхэн рассматривает экономический цикл в трех аспектах:

- 1) производство (обмен товаров и услуг через водные пути);
- 2) навигация (которая реализует этот обмен);
- 3) колонии (которые производят циркуляцию товарообмена на мировом уровне).

Мэхэн считает, что анализировать позицию и геополитический статус государства следует на основании шести критериев:

1. Географическое положение государства, его открытость морям, возможность морских коммуникаций с другими странами. Протяженность сухопутных границ, способность контролировать стратегически важные регионы. Способность угрожать своим флотом территории противника.
2. «Физическая конфигурация» государства, то есть конфигурация морских побережий и количество портов, на них расположенных. От этого зависит процветание торговли и стратегическая защищенность.
3. Протяженность территории. Она равна протяженности береговой линии.
4. Статистическое количество населения. Оно важно для оценки способности государства строить корабли и их обслуживать.

5. Национальный характер. Способность народа к занятию торговлей, так как морская сила основывается на мирной и широкой торговле.
6. Политический характер правления. От этого зависит переориентация лучших природных и человеческих ресурсов на созидание морской силы.

Из вышперечисленного видно, что Мэхэн строит свою геополитическую теорию исходя исключительно из «морской силы» и ее интересов. Для Мэхэна образцом «морской силы» был древний Карфаген, а ближе к нам по времени - Британия XVII и XIX веков. Понятие «морская сила» основывается для него на свободе «морской торговли», а военно-морской флот служит лишь гарантом обеспечения этой торговли. Мэхэн идет еще дальше, считая «морскую силу» особым типом цивилизации - наилучшим и наиболее эффективным, а потому предназначенным к мировому господству.

В 1890г. Мэхэн опубликовал свою первую книгу, ставшую почти сразу же классическим трудом по военной стратегии - «Влияние морской силы на историю. 1660-1783». Мэхэн выступил со своим трудом в США в период аннексии Гавайских островов и войны против Испании, повлекшей за собой аннексию Соединенными Штатами Кубы и Филиппин. Тогда Мэхэн был еще капитаном военно-морского флота США. Далее последовали с небольшим промежутком другие работы: «Влияние морской силы на Французскую Революцию и Империю (1793-1812)», «Заинтересованность Америки в морской силе в настоящем и будущем», «Проблема Азии и ее воздействие на международную политику» и «Морская сила и ее отношение к войне». Первые две книги сложились из лекций по истории морских войн.

В книге «Влияние морской силы на историю» Мэхэн попытался доказать, что история Европы и Америки была обусловлена прежде всего развитием военно-морского флота. Он писал, что политика изменялась как с духом века, так и с характером и проницательностью правителей; а вот история прибрежных наций определялась условиями положения, протяженности, очертаний береговой линии, численностью и характером народа, то есть, по Мэхэну, так называемыми «естественными условиями».

Эти «естественные условия» требуют создания сильного военно-морского флота, который в свою очередь имеет решающее значение с точки зрения «национальной судьбы». Суть главной идеи Мэхэна, настойчиво проводимой во всех его работах, состояла в том, что морская сила в значительной мере определяет исторические судьбы стран и народов.

Мэхэн выделял условия, определяющие основные параметры морской силы: географическое положение страны, ее природные ресурсы и климат, протяженность территории, численность населения, национальный характер и государственный строй. При благоприятном сочетании этих факторов, считал Мэхэн, в действие вступает формула: $N+MM+NB=SP$, то есть военный флот + торговый флот + военно-морские базы = морская сила. Исходя из подобных постулатов Мэхэн обосновывал мысль о необходимости превращения США в могущественную военно-морскую державу, способную соперничать наравне с самыми крупными и сильными государствами того периода.

В книге «Заинтересованность Америки в морской силе» Мэхэн утверждал, что для того, чтобы Америка стала мировой державой, она должна:

- 1) активно сотрудничать с британской морской державой;
- 2) препятствовать германским морским претензиям;
- 3) бдительно следить за экспансией Японии в Тихом океане и противодействовать ей;
- 4) координировать вместе с европейцами совместные действия против народов Азии.

Мэхэн также определяет главную опасность для «морской цивилизации». Эту опасность представляют континентальные государства Евразии - в первую очередь Россия и Китай, а во вторую - Германия.

Мэхэн перенес на планетарный уровень принцип «анаконды», примененный американским генералом Мак-Клеелланом в североамериканской гражданской войне 1861 -1865гг. Этот принцип заключается в блокировании вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что приводит постепенно к стратегическому истощению противника. Так как Мэхэн считал, что мощь государства определяется его потенциями становления «морской силой», то в случае противостояния стратегической задачей номер один является недопущение этого становления в лагере противника. Следовательно, задачей исторического противостояния Америки является усиление своих позиций по шести основным пунктам (перечисленным выше) и ослабление противника по тем же пунктам. Свои береговые просторы должны быть под контролем, а соответствующие зоны противника нужно стараться любыми способами оторвать от континентальной массы. По Мэхэну, евразийские державы (Россия, Китай, Германия) следует удушать в кольцах «анаконды», сдавливая континентальную массу за счет выведенных из-под ее контроля береговых зон и перекрывая по возможности выходы к морским пространствам.

Мэхэн хорошо понимал, что северная континентальная полусфера является ключевой в мировой политике и борьбе за влияние. Внутри Евразии в качестве наиболее важного компонента северной полусферы он признавал позицию России - этой доминантной азиатской континентальной державы. Зону между 30- и 40-й параллелями в Азии он рассматривал как зону конфликта между сухопутной мощью России и морской мощью Англии. Доминирование в этом регионе, по его мнению, могло бы удерживаться с помощью цепи ключевых баз на суше вдоль периферии Евразии. Мэхэн выдвинул предположение, что однажды Соединенные Штаты, Великобритания, Германия и Япония объединятся против России и Китая - предположение, делающее честь проницательности американского адмирала. В целом же Мэхэн рассматривал Соединенные Штаты как продвинутый далеко на запад аванпост европейской цивилизации и силы. Считая США мировой державой будущего, он неустанно и с энтузиазмом призывал к укреплению военно-морской мощи США, которая соответствовала бы американскому имперскому предназначению.

Книга Мэхэна «Влияние морской силы на историю. 1660-1783гг.», опубликованная в 1890г., имела огромный успех. Только в США и Англии она выдержала 32 издания и была переведена почти на все европейские языки, в

том числе и на русский (1895). В первой мировой войне мэхэновская стратегия «анаконды» реализовалась в поддержке Антанты белому движению по периферии Евразии (как ответ на заключение большевиками мира с Германией), во второй мировой войне она также была обращена против «Срединной Европы» и, в частности, через военно-морские операции против стран Оси и Японии. Но особенно четко она видна в эпоху холодной войны, когда противостояние США и СССР достигло тех глобальных, планетарных пропорций, с которыми на теоретическом уровне геополитики оперировали уже начиная с конца XIX века. Фактически основные линии стратегии НАТО, а также других блоков, направленных на сдерживание СССР (концепция «сдерживания» тождественна стратегической и геополитической концепции «анаконды») - АСЕАН, АНЗЮС, СЕНТО - являются прямым развитием основных тезисов адмирала Мэхэна, которого на этом основании вполне можно назвать «отцом» современного атлантизма.

Наиболее известным представителем французской геополитической школы является П. Видаль де ла Блаш. Поль Видаль де ла Блаш (1845-1918) - признанный французский географ и геополитик, классик школы географии человека и глава французской классической школы геополитики. Профессиональным географом он стал, окончив Эколь Нормаль - один из лучших парижских университетов, кроме того, Видаль де ла Блаш некоторое время совершенствовал свои познания в географии во Французской школе в Афинах. Преподавательскую деятельность молодой ученый начал в Университете города Нанси. В 1898г. он был приглашен на кафедру географии Сорбонны, которую он возглавлял затем в течение двадцати лет до самой смерти.

Зарождение и становление геополитики во Франции проходило в обстановке франко-германского противостояния, поражения Франции в войне 1870-1871гг. Соответственно французская геополитика развивалась как антитеза немецкой. В частности, Видаль де ла Блаш построил свои геополитические теории на критике Ратцеля и его последователей.

Первой геополитической работой Видаля де ла Блаша стала «Картина географии Франции» (1903), в ней автор обращался к отношениям почвы и человека. Он отмечал, что в тех странах, где люди селятся с незапамятных пор, эти отношения приобретают постоянный, устойчивый и непрерывный характер. Человек становится верным учеником почвы, которая оказывает определенное влияние на характер, нравы, предпочтения населения. Таким образом, культура формируется под воздействием географического фактора, и в этом Видаль де ла Блаш всецело согласен с Ратцелем, но последний, по мнению французского геополитика, явно переоценил влияние географической среды и недооценил человеческий фактор. Человек, по Видаля де ла Блашу, тоже является географическим фактором, но при этом он наделен инициативой и предприимчивостью.

С точки зрения Видаля де ла Блаша, культура, вырастающая на определенной почве, имеет две ипостаси: пространственную и временную (у Ратцеля - географическую и историческую), и в этом ученый согласен с первым

немецким геополитиком. Но временная составляющая культуры, т. е. история общества, отражена в самом человеке, она делает его таковым, каков он есть. Считая пространство и рельеф главными объективными детерминантами культуры, утверждал Видаль де ла Блаш, германские геополитики принижают субъективный фактор человеческой свободы и историчности. Но без воздействия последнего, т. е. без активной деятельности «проводника», объективное влияние природной среды дает только возможность географическому положению актуализироваться, стать политическим фактором. Итак, только через человека и посредством человека действует географический детерминизм, только человек создает или не создает возможность проявить себя внешней среде. Эта концепция в геополитике получила название «поссибилизм».

В 1917г. Видаль де ла Блаш издал вторую фундаментальную геополитическую работу «Восточная Франция», посвященную одному из самых спорных европейских вопросов того времени - проблеме Эльзаса и Лотарингии. Эти земли (точнее, большая часть их, включающая значительные запасы железной руды и каменного угля) в результате Франко-прусской войны 1870-1871гг. были отторгнуты от Франции. Видаль де ла Блаш, используя свой геополитический подход, т. е. обусловленность культуры не только пространственно-географическим, но и человеческим фактором, доказывал историческую принадлежность Эльзас-Лоррена Франции. По его концепции, население этих исторических областей вместе со всей французской нацией привязано к французской почве посредством идей либерализма, позволивших получить эту землю в частную собственность, провозгласивших для всех демократию, свободу, равенство и братство. В то же время стало свершившимся фактом отторжение Эльзас-Лоррена Германской империей. Население этих провинций говорит на немецком языке, но оно входило ранее в состав Франции и может быть включено в нее вновь (в конце концов, так и случилось). Это «воссоединение» сможет решить важную геополитическую задачу - провести границу между Францией и Германией по естественному рубежу - Рейну. Следовательно, следует решить, как инкорпорировать немецкое население Эльзаса и Лотарингии во французскую культурную жизнь. Видаль де ла Блаш предлагал совместное освоение этих земель немцами и французами, считая, что граница в данном случае должна стать не разделяющей, а объединяющей линией.

После смерти Видаля де ла Блаша его коллега, профессор Сорбонны Эммануэль де Мортонн собрал и опубликовал заметки и статьи выдающегося географа и геополитика в книге под названием «Принципы человеческой географии» (1922). Человеческая география, по мнению ла Блаша, есть одна из ветвей «старого дерева географии». Эта географическая дисциплина выдвигает на первый план человеческий фактор, значение человека в развитии жизни на Земле. Общая картина эволюции человечества представляется в ней как мировой цивилизационный процесс, локализующийся в самых различных ячейках, образующихся под воздействием различных географических сред. При своем развитии и расширении ячейки взаимодействовали между собой. Порой

такие взаимодействия приводили к качественным трансформациям, образующим крупные цивилизации. Цивилизационный процесс шел в основном в Северном полушарии (Средиземноморье, Ближний Восток, Китай, Индия, Европа). Перенесение центра цивилизационного процесса в Европу обусловлено стимулирующими природными условиями (не очень суровые, но и не очень расслабляющие) и разнообразием природных зон, что детерминировало многообразие ячеек цивилизации. Разраставшееся множество очагов цивилизации способствовало, в свою очередь, увеличению числа контактов между ними, заимствованию передовых достижений. Способность к творческому восприятию и усвоению внешних влияний, динамизм стали основой европейской цивилизации. Дальнейшее расширение контактов, особенно торговых, служило стимулом опережающего развития, освоения новых (колониальных) территорий. В дальнейшем этот процесс может привести к созданию мирового государства. При этом континентальные пространства, все более насыщаемые коммуникациями, преодолевают оторванность от морских портов, центров торговли, включаются в ускоренный цивилизационный процесс. Морские державы не могут жить только морем, ибо его просторы также связаны с берегом. Кроме того, открытое море, океанские акватории не являются принадлежностью какой-либо одной страны; о том, что море есть вещь всеобщая, утверждалось еще в римском праве. В этом Видал де ла Блаш (в отличие от Ратцеля) видел возможность преодоления противоречий между Сушей и Морем, континентальными и морскими державами, которые, по его мнению, не столько противостоят, сколько взаимодействуют. Преодоление противоречий между морскими и континентальными государствами будет происходить, по мнению де ла Блаша, за счет складывания принципиально новых отношений между землей и морем: континентальные пространства становятся более проницаемыми, разветвленная сеть коммуникаций ориентирует их в сторону морских путей, море в свою очередь все больше становится зависимым от связей с континентальными зонами. Это «взаимопроникновение» земли и моря есть универсальный процесс - таков вывод Видал де ла Блаша.

Поссибилизм де ла Блаша был воспринят большинством геополитических школ как коррекция жесткого географического детерминизма предшествующих геополитиков. Во Франции, как уже отмечалось, он стал основателем национальной географической школы, представителями которой стали Л. Февр, А. Деманжон, Ж. Готтман, Ж. Брюн, Э. Мартонн и др. Подход де ла Блаша был учтен и немецкими геополитиками школы Хаусхофера, которые считали критику Видал де ла Блаша вполне обоснованной и важной.

Представителем американской геополитической школы является Н. Спикмен (1893-1943). Николас Спикмен - известный ученый, родился в Амстердаме, а с 1920г. жил в США. С 1923г. Спикмен - профессор международных отношений Йельского университета, организатор и первый директор Йельского института по изучению международных проблем. Свою сознательную жизнь он посвятил научно-исследовательской и преподавательской деятельности в области внешней политики. Спикмен

утверждал, что термин геополитика является подходящим названием для анализа и упорядочения данных, которые необходимы для принятия решений по определенным вопросам внешней политики.

Для Спикмена, в отличие от первых геополитиков, сама география не представляла большого интереса, а еще меньше волновали его проблемы связи народа с почвой, влияние рельефа на национальный характер и т.д. Спикмен рассматривал геополитику как важнейший инструмент конкретной международной политики, как аналитический метод и систему формул, позволяющих выработать наиболее эффективную стратегию. Он писал, что в мире международной анархии внешняя политика должна иметь своей целью, прежде всего улучшение или, по крайней мере, сохранение сравнительной силовой позиции государства, так как сила, в конечном счете, составляет способность вести успешную войну, и в географии лежат ключи к проблемам военной и политической стратегии. Территория государства - это база, с которой оно действует во время войны, и стратегическая позиция, которую оно занимает во время временного перемирия, называемого миром. География является самым фундаментальным фактором во внешней политике государства потому, что этот фактор - самый постоянный.

Вначале он критиковал немецкую школу геополитики за необъективность и излишнюю пристрастность к потенциальным противникам Германии, отрицал претензии геополитики встать в один ряд с известными политическими научными дисциплинами и тем более возглавить этот ряд, как это случилось в фашистской Германии. С другой стороны, он признавал влияние географических, исторических, демографических и других факторов на принятие внешнеполитических решений. С начала Второй мировой войны и вплоть до своей смерти (1943), Спикмен немало сделал для того, чтобы геополитика не была вычеркнута из человеческой культуры вместе с фашистской идеологией.

Как теоретик международных отношений в дискуссии «реалистов» и «идеалистов» Спикмен занимал позицию первых - этим вызвано внимание к проблемам силовой политики, мощи государства, политической и военной стратегии. Как геополитик Спикмен - типичный представитель англо-американской школы, он продолжал линию Мэхэна-Коломба, которые видели путь к доминированию в мире через укрепление морской мощи государства. Он также развивал теорию Маккиндера, несколько видоизменив ее.

Несмотря на свои «силовые» пристрастия, Спикмен не был империалистом и никогда в отличие от европейских геополитиков-классиков не оправдывал создание колониальных империй. Он писал преимущественно о контроле (а не о завоевании) над территорией, о международной безопасности, а не о разделении «сфер влияния». Основные концепции и теории Спикмена изложены в его главных произведениях: «Стратегия Америки в мировой политике» (1942) и «География мира» (1944), которые представляют собой не столько самостоятельные и оригинальные разработки, сколько продолжение и развитие ранее предложенных идей.

Во-первых, он развил концепцию Мэхэна, сформулировав десять критериев мощи государства:

- 1) величина площади территории;
- 2) качество (естественные, искусственные, сухопутные, морские и т. д.) границ;
- 3) количество населения;
- 4) потенциал полезных ископаемых;
- 5) экономическое развитие страны;
- 6) финансовая мощь государства;
- 7) этническая однородность общества;
- 8) уровень его интеграции, социальной сплоченности;
- 9) политическая стабильность;
- 10) мощь национального духа.

Эти критерии определяют, является та или иная страна самостоятельной геополитической силой или она должна следовать в фарватере другой более мощной державы. При этом Соединенные Штаты, несомненно, имеют статус мировой геополитической державы.

Во-вторых, Спикмен трансформировал теорию Маккиндера. Он был согласен с общей картиной мира, разделенного на три части. В центральной части (в хартленде) исторический процесс практически заморожен, во «внутреннем полумесяце», окаймляющем хартленд, исторический процесс наиболее интенсивен, наконец, во «внешнем полумесяце», где расположены Новый Свет, Африка, Австралия, острова теплых морей, история разворачивается с меньшей интенсивностью. Но если английский геополитик из противостояния морских и континентальных сил выводил преимущества хартленда, то американский обратил внимание на «внутренний полумесяц», включающий морские государства Европы, бассейн Средиземного моря, Ближний и Средний Восток, Индию, Китай, страны Юго-Восточной Азии, который он назвал римлендом (береговой зоной). Через римленд, по Спикмену, проходит «великий морской путь» от окраинных и внутренних морей Европы (Атлантика, Бискайский залив, Северное море, Балтийское море) через Средиземное, Красное моря и Индийский океан к морям Дальнего Востока (Восточно-Китайскому, Японскому, Охотскому). В римленде географическая история, по Спикмену, интенсивно протекает не под давлением «разбойников суши» (как у Маккиндера) и вообще не обусловливается внешним воздействием, исторический процесс там вызывается исключительно внутренними причинами. Отсюда следует не только самодостаточность римленда, но и его доминирование в мире. Придя к такому выводу, Спикмен видоизменил геополитическую формулу Маккиндера, записав ее так: «Кто контролирует римленд, доминирует над Евразией, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках». Эта новая формула мирового господства (по Спикмену - «мирового контроля») меняет «господина мира», точнее потенциальную возможность стать таковым. Если в формуле Маккиндера преимущество в борьбе за мировое первенство имел СССР, то у Спикмена преимущество получали Великобритания и США.

В-третьих, Спикмен выделил в мире три крупнейших центра могущества. Это Атлантическое побережье Северной Америки, Европейское побережье (т. е. Западная Европа) и Дальний Восток. В дальнейшем, допускал он, возможно появление и четвертого центра силы - Индии. Победа Германии и Японии привела бы к установлению их полного контроля над всеми мировыми центрами силы. В случае же победы англо-американской коалиции в Америке и в дальнейшем следует укреплять союз с Великобританией, который обеспечит контроль над Северной Атлантикой - жизненно важной геополитической зоной для Америки.

В-четвертых, Спикмен по-новому обозначил место и роль США в мире. Америка занимает очень выгодные центральные позиции как по отношению к римленду (обращена и Атлантическим, и Тихоокеанским побережьями), так и по отношению к хартленду (может контролировать его через Северный полюс). Следует отметить, что, когда Спикмен писал свои геополитические работы, союзниками США были Великобритания и СССР. Поэтому выгоды геополитического положения США, по его мнению, следовало использовать для контроля над послевоенным миром всеми союзниками при лидирующей роли Америки.

В-пятых, он ввел понятие «Срединного океана» - Атлантики. Действительно, роль Атлантического океана в новейшей истории аналогична роли Средиземного моря в истории Древнего мира и Средних веков. Именно на берегах этих акваторий вызревала передовая культура, распространявшаяся затем в глубь этих ареалов. Разница лишь в масштабах: как Америка является увеличенной проекцией Англии, так и Атлантика представляется увеличенной проекцией Средиземноморья. Как Средиземное море, так и Атлантический океан более объединяют, чем разъединяют страны и цивилизации.

Итак, самое важное, что сделал Спикмен в геополитике, - это, несомненно, развитие теории морской мощи Мэхэна и ревизия теории Маккиндера, особенно формулирование понятия «римленда» и исследование его роли в мировой истории и послевоенном мировом порядке. Последняя концепция Спикмена получила в мировой геополитике название теория «хартленда - римленда».

Многие идеи Спикмена были поддержаны некоторыми европейскими геополитиками, увидевшими в его высокой стратегической оценке «береговых территорий» возможность заново вывести Европу в число тех стран, которые решают судьбы мира. Но для этого пришлось отбросить концепцию «Срединного Океана». Несмотря на этот теоретический ход некоторых европейских геополитиков, Спикмен принадлежит, без всяких сомнений, к самым ярким и последовательным «атлантистам». Более того, он, наряду с адмиралом Мэхэном, может быть назван «отцом атлантизма» и «идейным вдохновителем» НАТО.

Центральной фигурой немецкой геополитики по праву считается К. Хаусхофер (1869-1946). Карл Хаусхофер родился в Мюнхене в профессорской семье. Он решил стать профессиональным военным и прослужил в армии офицером более двадцати лет. В 1908-1910 гг. он служил в

Японии и Манчжурии в качестве германского военного атташе. Здесь он познакомился с семьей японского императора и был принят высшей аристократией страны. В 1911г. Хаусхофер вернулся в Германию. Во время войны 1914-1918гг. он командовал полевой артиллерийской бригадой в ранге генерал-майора.

Карьеру ученого Хаусхофер начал в 1919г. в Мюнхенском университете в качестве преподавателя географии. В 1921г. ему уже было присвоено звание профессора географии. С этого времени Хаусхофер регулярно публикует книги, посвященные геополитике, в частности геополитике тихоокеанского региона. За годы своей научной деятельности К. Хаусхофер написал более 400 книг, в которых сформулировал и развил свои геополитические идеи. В течении 20 лет (с 1924г.) совместно с О.Обстом, О.Мауллем, К.Вовинкелем он издавал геополитический журнал «Geopolitik» (затем переименованный в «Zeitschrift für Geopolitik»), что оказало значительное влияние на развитие геополитических идей в разных странах мира.

Хаусхофер неоднократно высказывал мнение, что возрождения Германии можно достигнуть при условии, если «нация будет геополитически мыслить, а вожди - геополитически действовать». Германия слишком долго выполняла роль младшего брата старых европейских империй. Мощь и величие Британской империи заставляли германцев пристально изучать британские политические традиции. Наследие Х. Макиндера оказало воздействие на становление К. Хаусхофера. Точность аналитических прогнозов произвели на него большое впечатление, в частности его рассуждения о роли географического мышления в формировании национального самосознания и необходимость союза с Россией как основы германского могущества в Европе.

Другим источником формирования геополитических взглядов К. Хаусхофера стала служба в Японии. Его поразило тот факт, что Япония удвоила свою территорию за счет колониальных захватов, но сделала это достаточно незаметно, не вызывая активного сопротивления более могущественных держав. Таким образом, японские политики дали ответ на главный вопрос: как государство может достичь предела «жизненного пространства»?

Итоги первой мировой войны показали несостоятельность германской внешней политики, Версальская система не ослабила и не уничтожила существовавшие между государствами противоречия, а, напротив, усилила их. К. Хаусхофер выдвинул своего рода программу геополитического воспитания немецкого народа, поставил задачу создать германскую школу геополитики, отвечающую интересам Германии.

Как известно, в послевоенные годы в политической жизни Веймарской республики постепенно набирала силу идея о «перенаселенности» Германии. Немалый вклад в ее обоснование внесли и немецкие ученые-геополитики. Хаусхофер в этой связи отмечал, что в Германии на 1 кв.км находятся 130 человек, а в других богатых странах - от 7 до 25 человек, поэтому сам Бог оправдывает стремление немцев к справедливому расширению «жизненного пространства». По его мнению, именно плотность населения явилась одним из

важнейших факторов в психологической подготовке населения ко второй мировой войне.

После прихода нацистов к власти К. Хаусхофер занимает высшие посты на нацистской иерархической лестнице. Созданный им при Мюнхенском университете семинар по геополитике был преобразован в 1933г. в Институт геополитики, директором которого был назначен К. Хаусхофер. С 1934 по 1939г. К. Хаусхофер был президентом Германской академии по изучению и сохранению германизма.

До 1936г. нацистское руководство, очевидно, благоволило к К. Хаусхоферу (особенно сказывалась протекция Гесса – одного из идеологов нацизма). Однако после отъезда Гесса в Англию (1939) Хаусхофер впал в немилость, в 1944г. был заключен на некоторое время в концентрационный лагерь Дахау и считался почти «врагом народа».

Несмотря на двусмысленность его положения, он был причислен союзниками к «видным нацистам». К. Хаусхофер был арестован в американской зоне оккупации Германии. Допросить его было поручено одному из основателей американской геополитики - директору дипломатической школы Джорджтаунского университета, профессору Эдмунду А. Уолшу. Хаусхофер изложил точку зрения, согласно которой нацизм использовал геополитику, независимо от геополитиков, вульгаризируя и извращая основные положения этой дисциплины. Уолш убедил Хаусхофера обосновать данную позицию теоретически и написать произведение, в котором бы давалось «правильное толкование» его учения. 2 ноября 1945 года К. Хаусхофер вручил ему свою «исповедь» под названием «Апология немецкой геополитики». Содержание последней работы можно охарактеризовать следующими главными положениями:

- отрицание нацизма;
- цели немецкой научной геополитической школы не противоречат общепризнанным идеям;
- задача геополитики состоит в том, чтобы понять возможности развития народа и его культуры на его земле и в пределах его жизненного пространства и таким образом предотвратить конфликты между народами.

В ранний период своей творческой деятельности Хаусхофер изучал теорию становления государств Дальнего Востока, прежде всего Японии, в духе планетарного дуализма Моря и Суши. В одной из первых крупных работ - «Дай Нягон. Наблюдения о вооруженной силе великой Японии. Положение в мире и будущее», вышедшей в 1913г., Хаусхофер утверждает, что формирование «нового мирового порядка» потребует от Германии геополитической самоидентификации: на стороне континентальных или морских держав. Уже тогда Хаусхофер начинает обосновывать положение о том, что нахождение Германии в центре континентальной Европы делает ее естественным противником Англии, Франции и США – «сил моря». Так рождается знаменитая идея «континентального блока» по оси Берлин-Москва-Токио.

Континентальный блок во многом определил геополитический вектор Хаусхофера как «ориентацию на Восток». Но такая ориентация не означала в то время идеи оккупации славянских земель, напротив – Хаусхофер писал о «совместном цивилизационном» усилии двух континентальных держав, России и Германии, которые должны были установить «Новый Евразийский Порядок» и переструктурировать континентальное пространство Мирового Острова с тем, чтобы полностью вывести его из-под влияния «Морской Силы». Германия должна была освоить гигантские незаселенные пространства Азии, сделать их своим «жизненным пространством».

Хаусхофер рассматривал создание континентального блока как «самый крупный и самый важный поворот в современной мировой политике», в результате которого «политика анаконды» должна была дать осечку. Но идеи Хаусхофера, нацеленные на континентальный блок с Москвой, противоречили широко распространенным в Германии расистским теориям, на которые опиралось нацистское движение и сам Гитлер. Известно, что расистский подход закладывал в основу геополитики, прежде всего этнический фактор, то есть англо-саксонские страны выступали союзниками немцев, а славяне и евразийские народы – расовыми врагами. При этом идеологический антикоммунизм усиливал расовую теорию, превращая СССР в главного врага Германии.

Поэтому национал-социалистический расизм лидеров фашистской Германии «скорректировал» на практике идею «континентального блока»: вместо оси Берлин-Москва-Токио реальностью стала другая ось: Берлин-Рим-Токио. Хаусхофер как геополитик хорошо понимал, что замена Москвы, центра хартленда, на Рим, делает континентальный блок слабым.

Хаусхофер предвидел неминуемый конец господства морских держав, поскольку континентальные страны обладают решающими геополитическими преимуществами. Предвестниками этого геополитического поворота он считал упадок Великобритании и малых морских держав, что создаст новую мировую систему, основанную на «панцелях»: панамериканской, панрусской, паназиатской, панпрусской, пантихоокеанской, панисламской, панъевропейской. Панидеи Хаусхофера охватывают целые народы, интересно, что эта концепция Хаусхофера в целом соответствует делению мира на основные цивилизации. По существу, как считают исследователи, геополитические панидеи Хаусхофера – это геополитическая интерпретация цивилизационных идей в пяти основных регионах мира. Причем Хаусхофер признавал панидеями только те, которые возвысились над откровенно завоевательским мышлением и выступали носителями культурных миссий. Таким образом, он одним из первых глубоко обосновал значение социокультурных факторов в геополитической борьбе.

Так же, как отцы-основатели геополитики Маккиндер и Челлен, Хаусхофер был убежден в том, что месторасположение и территориальные характеристики государства составляют главные детерминанты его политической и исторической судьбы. Главной движущей силой государства К. Хаусхофер считал обеспечение и расширение жизненного пространства.

Расширяя свое жизненное пространство, утверждал он, динамическое государство обеспечивает себе большую экономическую автаркию, или независимость от своих соседей. Завоевание такой свободы рассматривалось как показатель истинной великой державы. Важным способом территориального расширения такой державы, по его мнению, является поглощение более мелких государств. В этом отношении Хаусхофер был солидарен с отцами-основателями геополитики в их приверженности установкам социал-дарвинизма.

Одним из направлений германской геополитической школы является «Геоюриспруденция» К.Шмитта. По своему концептуальному содержанию геоюриспруденция стала развитием учения Челлена, согласно которому «политическая целесообразность, а не право» должна быть «действительным принципом государства».

Главный представитель геоюриспруденции Карл Шмитт (1888-1985) - немецкий юрист, политолог, философ, историк. Отношения Шмитта с национал-социалистическим режимом были двойственными. С одной стороны, его теории, безусловно, повлияли на нацистскую идеологию. Особенным успехом пользовались его политологические книги «Политическая теология» и «Понятие политического», в которых Шмитт дал развернутую критику либерального права и идеи «правового государства». Вместе с тем вся концепция Шмитта была основана на фундаментальной идее «прав народа», которые он противопоставлял либеральной теории «прав человека». В его понимании всякий народ имел право на культурную суверенность, на сохранение своей духовной, исторической и политической идентичности. Такой же подход был характерен для некоторых национал-социалистов, считающих эту идеологию универсальной и применимой для всех народов земли. На Нюрнбергском процессе против Карла Шмитта было выдвинуто обвинение, причисляющее его к «военным преступникам» на основании фактов сотрудничества с гитлеровским режимом. После детального знакомства судей с сутью дела обвинение было снято.

Идейное формирование Шмитта происходило в той же атмосфере идей «органицистской социологии», что и у Ратцеля и Челлена, но на него повлияли также романтические теории «Света Севера», согласно которым социально-политические формы и государственные образования коренятся не в механическом функционировании атомарных личностей, но в мифологии, в сакральном мире «стихий и духов». В теориях Шмитта повсюду наличествует парадоксальное сочетание «политического романтизма» и «строного рационализма».

Практически все идеи Шмитта неразрывно связаны с геополитическими концепциями, и основные его работы - «Номос Земли», «Земля и Море» (1942), «Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Суши и Моря» (1959) и другие - посвящены именно осмыслению геополитических факторов и их влияния на цивилизацию и политическую историю, разработке двух основополагающих дихотомий: восток-запад, суша-море.

Шмитт, совершенно в духе геополитического подхода, утверждал изначальную связь политической культуры с пространством. Не только государство, но вся социальная реальность и особенно право проистекают из качественной организации пространства. Отсюда Шмитт вывел концепцию «номоса». Этот греческий термин обозначает «нечто взятое, оформленное, упорядоченное, организованное» в смысле пространства. Термин близок к понятиям «рельеф» у Ратцеля и «месторазвитие» у русских евразийцев. Шмитт показывает, что «номос» есть такая форма организации бытия, которая устанавливает наиболее гармоничные соотношения как внутри социального ансамбля, так и между этими ансамблями. «Номос» - выражение особого синтетического сочетания субъективных и объективных факторов, органически проявляющихся в создании политической и юридической систем. В «номосе» проявляются природные и культурные особенности человеческого коллектива в сочетании с окружающей средой.

В книге «Номос Земли» Шмитт показывает, каким образом специфика того или иного земного пространства влияла на развившиеся в нем культуры и государства. Он сопоставляет между собой различные исторические «номосы», особенно подчеркивая фундаментальный дуализм между отношением к пространству кочевников и оседлых народов. Но самый важный вывод из анализа «Номоса Земли» заключается в том, что Шмитт вплотную подошел к понятию глобального исторического и цивилизованного противостояния между цивилизациями суши и цивилизациями моря. Исследуя «номос» Земли, он столкнулся с его качественной, сущностной противоположностью «номосу» Моря. Это привело к созданию особой геополитической методологии для осмысления политической истории мира. «Суша - Море» - с помощью этой пары противоположностей Шмитт надеялся внушить необходимость перейти от «планетарного мышления категориями силы» к «мышлению законами организации пространства», с тем чтобы осуществилась «глобальная организация пространства», соответствующая «планетарному пространственному сознанию».

В 1942г. Шмитт выпустил труд - «Земля и Море», который вместе с более поздней работой «Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Суши и Моря» (1959) составляет важнейший документ геополитической науки.

Смысл противопоставления суши и моря у Шмитта сводится к тому, что речь идет о двух совершенно различных, несводимых друг к другу и враждебных цивилизациях, а не о вариантах единого цивилизационного комплекса. Это деление почти точно совпадает с картиной, нарисованной Маккиндером, но Шмитт дает основным ее элементам - талассократии (морская сила) и теллуократии (сухопутная сила) - углубленное философское толкование, связанное с базовыми юридическими и этическими системами. Интересно, что Шмитт использует применительно к «силам суши» имя «Бегемот», а к «силам моря» - «Левиафан», как напоминание о двух ветхозаветных чудовищах, одно из которых воплощает в себе всех сухопутных тварей, а другое - всех водных, морских.

«Номос» Земли существует безальтернативно на протяжении большей части человеческой истории. Все разновидности этого «номоса» характеризуются наличием строгой и устойчивой моральной и правовой формы, в которой отражается неподвижность и фиксированность суши, Земли. Эта связь с Землей, пространство которой легко поддается структуризации (фиксированность границ, постоянство коммуникационных путей, неизменность географических и рельефных особенностей), порождает сущностный консерватизм в социальной, культурной и технической сферах. Совокупность версий «номоса» Земли составляет то, что принято называть историей «традиционного общества». В такой ситуации море, вода являются лишь периферийными цивилизационными явлениями, не вторгаясь в сферу «этического» (или вторгаясь эпизодически). Лишь с открытием Мирового океана в конце XVI века ситуация меняется радикальным образом. Человечество (и в первую очередь остров Англия) начинает привыкать к «морскому существованию», начинает осознавать себя островом посреди вод, кораблем.

Но водное пространство резко отлично от сухопутного. По мнению Шмита, оно непостоянно, враждебно, отчуждено, подвержено постоянному изменению. В нем не фиксированы пути, не очевидны различия ориентации. «Номос» Моря влечет за собой глобальную трансформацию сознания. Социальные, юридические и этические нормативы становятся «текучими». Рождается новая цивилизация. Шмитт считает, что Новое время и технический рывок, открывший эру индустриализации, обязаны своим существованием геополитическому феномену — переходу человечества к «номосу» Моря. Так, геополитическое противостояние англосаксонского мира «внешнего полумесяца» приобретает у Шмитта социально-политическую дефиницию. «Номос» Моря есть реальность, враждебная традиционному обществу. Геополитическое противостояние сухопутных держав с морскими обретает важнейший исторический, идеологический и философский смысл.

Шмитт разработал еще одну важнейшую геополитическую теорию - теорию «Большого пространства», рассматривающую процесс развития государств как стремление к обретению наибольшего территориального объема. Принцип имперской интеграции является выражением логического и естественного человеческого стремления к синтезу. Этапы территориального расширения государства, таким образом, соответствуют этапам движения человеческого духа к универсализму.

Этот геополитический закон распространяется и на техническую, и на экономическую сферу. Шмитт показывает, что, начиная с некоторого момента, техническое и экономическое развитие государства требует количественного и качественного увеличения его территорий.

По Шмитту, развитие «номоса» Земли должно привести к появлению государства-континента. Этапы движения к государству-континенту проходят от городов-государств через государства-территории. Появление сухопутного государства-континента, материкового большого "пространства является исторической и геополитической необходимостью.

В работе 1940г. «Пространство и большое пространство в праве народов» Шмитт анализирует понятие «большое пространство». В отличие от унификационной пангерманистской модели и от советского интернационализма «Большое пространство» Шмитта основывается на культурном и этническом плюрализме, на широкой автономии, ограниченной лишь стратегическим централизмом и тотальной лояльностью к высшей властной инстанции. При этом Шмитт подчеркивал, что создание нового большого пространства не зависит ни от научной ценности самой доктрины, ни от культурной компетентности, ни от экономического развития составляющих частей или даже территориального и этнического центра, давшего импульс к интеграции. Все зависит только от политической воли, распознающей историческую необходимость такого геополитического шага.

Геополитические мотивы различимы у Шмитта практически во всех темах, которые он рассматривает. В частности, он исследовал связь трех концепций — «тотальный враг, тотальная война, тотальное государство». Согласно учению Шмитта, людям суждено в силу происхождения, расовых особенностей и географических связей относиться друг к другу дружественно или враждебно.

С его точки зрения, «тотальное государство» - это самая совершенная форма государства традиционного типа, то есть пик развития сухопутного «номоса». Несмотря на возможности исторической эволюции такого государства вплоть до масштабов большого пространства, в нем сохраняется неизменным сущностное качество. «Тотальное государство» исключает принцип «тотального врага» и «тотальной войны», так как представление о противнике, «враге» (а Шмитт придавал огромное значение формулировке понятий «друг/враг») оно выстраивает на основании себя самого, а, следовательно, выдвигает концепцию «войны форм», в которой действует «закон войны» и участвуют только ограниченные контингенты профессиональных военных. Мирное население и частная собственность, в свою очередь, находятся под охраной закона и устранены из хода военных действий.

В конце жизни Шмитт сосредоточил свое внимание на фигуре «партизана». Эта фигура, по Шмитту, является последним представителем «номоса» Земли, остающимся верным своему изначальному призванию вопреки «разжижению цивилизации» и растворению ее юридически культурных основ. «Партизан» связан с родной землей неформальными узами, и исторический характер этой связи диктует ему основы этики войны, резко отличающиеся от более общих и абстрактных нормативов. По мере универсализации «морской модели» и «торговой этики», которые, естественно, охватывают и сферу военных действий, фигура «партизана» приобретает все большее цивилизационное значение, так как «партизан» остается последним действующим лицом истории, которое защищает всеми средствами «сухопутный порядок» перед лицом тотального наступления талассократии. Исходя из этого, некоторые исследователи отмечают, Шмитт предвидел, что терроризм фундаменталистских групп станет в XXI веке той реальной силой, которая заставит по-новому взглянуть на все существовавшие способы

геополитического передела мира. Таким образом, геополитические интуиции Шмита были весьма пророческими, он сумел предсказать многие ключевые измерения в геополитике XX века.

Ключевые слова: социалдарвинизм, антропогеография, геобиосфера, расширение жизненного пространства (Lebensraum), хартленд, демополитика, экополитика, социополитика, кратополитика, концепция «Срединной Европы», «Мировой остров», принцип «анаконды», «поссибилизм», континентальный блок, панидея, номос.

Контрольные вопросы:

1. Какой вклад в развитие геополитики внес Ф.Ратцель?
2. Охарактеризуйте семь законов пространственного роста государств Ратцеля.
3. Какие стороны жизни государства и соответствующие им научные дисциплины Челлен выделил в своей работе «Государство как форма жизни»?
4. В чем отличие концепций государства Ратцеля и Челлена?
5. Какова политическая позиция Ф. Науманна и как она отразилась в его геополитических трудах?
6. В чем сущность проекта Срединной Европы Науманна?
7. Охарактеризуйте геополитическую картину мира, изложенную Х.Маккиндером в статье «Географическая ось истории»?
8. Что означают понятия «хартленд» и «римленд»?
9. Как Маккиндер видоизменил свою концепцию в статье «Демократические идеалы и реальность»?
10. Какие критерии выделяет Мэхэн, анализируя позицию и геополитический статус государства?
11. Расскажите о теории «морской силы» А. Мэхэна.
12. Почему П. Видаля де ла Блаша называют основателем и главой французской школы геополитики? Перечислите его основные геополитические труды.
13. Какая концепция Видаля де ла Блаша получила название «поссибилизм»?
14. Какие критерии мощи государства были сформулированы Н. Спикменом?
15. Какая геостратегия изложена в работе К.Хаусхофера «Континентальный блок: Берлин - Москва - Токио»?
16. Что нового привнес Шмитт в геополитическую концепцию противостояния Земли и Моря?

5. Современные геополитические школы и концепции

Многие современные геополитические направления основываются на идеях англо-американской геополитической школы, которая характеризуется ярко выраженным прагматизмом и реализмом мышления, четко обозначенной стратегической определенностью целей. Англо-американская традиция всегда была ориентирована на максимальное сближение теории и практики, она

неизменно стремилась избегать разрыва между стратегической мыслью и стратегическими возможностями государства.

С самого начала своего возникновения и распространения в Великобритании и США геополитика как наука получила прикладное направление развития. Во многом это было связано с тем, что отцы-основатели англо-американской школы – А.Мэхэн, Х.Макиндер, Н.Спикмен – были практиками, занимались реальной политикой и размышляли, прежде всего, о том, как изменить расстановку сил на геополитической карте мира в пользу своих стран.

Более глубокое объяснение прикладной направленности англо-американской геополитической традиции основано на анализе общей политической культуры и науки англо-саксонских стран. Известно, что вся группа политических наук имеет прикладную ориентацию, что, в свою очередь, объясняется социокультурными причинами. Англо-саксонский научный менталитет со времен эпохи Просвещения получил устойчивую рационалистическую доминанту, выраженный позитивистский уклон, который воспринимался научной общественностью как преимущество практической англо-саксонской расы.

Еще одной важной особенностью англо-американской геополитики является ее атлантистская или талласократическая ориентация, направленная на развитие концепции «морской силы». Во многом это объясняется географическими особенностями англо-саксонского мира, господствующего на морях и опирающегося на силу морского флота. «Морская сила» рассматривается здесь как особый тип цивилизации – наилучший и наиболее эффективный, а потому предназначенный к мировому господству.

Весьма характерной чертой англо-американской геополитической традиции следует назвать доминирование бихевиористской парадигмы – ориентацию на создание поведенческих и статистических моделей распространения геополитических конфликтов и войн.

Наконец, еще одной особенностью англо-американской геополитики является решительность и глобальность стратегических целей, мессианский характер притязаний на мировое лидерство и даже глобальную гегемонию.

Во второй половине XX века развитие геополитических теорий шло в русле, определенным основоположниками англо-саксонской школы: Макиндером, Мэхэном, Спикменом.

Ведущими направлениями англо-американской геополитики остается атлантизм и новое направление - неоатлантизм. Идея единства Запада на геополитической карте мира всесторонне обосновывается атлантистами как центральное положение геополитики. В своих геополитических концепциях исследователи продолжают развивать тезисы Спикмена о ведущей роли римленда в геополитической борьбе. Так, его ученик Д.Мэйниг в своей работе «Хартленд и римленд в евразийской истории» (1956) предлагает разделить евразийское побережье на три типа по своей геополитической ориентации:

- страны, ориентирующиеся на хартленд: Китай, Монголия, Северный Вьетнам, Бангладеш, Афганистан, Восточная Европа (включая Пруссию), Прибалтика и Карелия;

- геополитически нейтральные территории: Южная Корея, Бирма, Индия, Ирак, Сирия, Югославия;

- страны, ориентирующиеся на Атлантику: Западная Европа, Греция, Турция, Иран, Пакистан, Таиланд.

В дальнейшем этот геополитический прогноз Мэйнига относительно ориентации большинства стран римленда не оправдался: Восточная Европа, Прибалтика, Иран, Ирак, Югославия, Пакистан не раз меняли свой геополитический вектор. Римленд оказался весьма проблемной и неустойчивой геополитической зоной. По мнению российских исследователей, несмотря на множество попыток неоатлантистов создать геополитическую модель этой территории, ни одна из них пока не была подтверждена в ходе развития современной геополитики.

Представляет определенный интерес книга другого последователя Спикмена У.Кирка «Географическая ось истории» (1965), в которой выдвинута гипотеза о главной роли в структуре римленда высших культурных секторов внутреннего полумесяца, имеющих атлантическую ориентацию: Западная Европа, Пакистан и Турция. От них культурные импульсы смогут поступать внутрь континента, создавая мощные геополитические притяжения, с помощью которых можно объяснить динамику геополитической ситуации в Евразии. Но, ни один из выше перечисленных акторов во второй половине XX века не стал генератором геополитической динамики. Как отмечают исследователи, США действительно сделали ставку на Турцию и Пакистан в планах вестернизации Азии, но эти страны так и не смогли стабилизировать свои политические системы и сами без существенной поддержки США не смогли бы удержаться в зоне атлантического влияния.

Американский исследователь Сол Коен в книге «География и Политика в разделенном мире» (1963) предложил ввести в геополитический метод дополнительную классификацию, основанную на делении основных геополитических реальностей на «ядра» (nucleus) и «дисконтинуальные пояса». С его точки зрения, каждый конкретный регион планеты может быть разделен на 4 геополитических составляющие:

- 1) внешняя морская (водная среда), зависящая от торгового флота и портов;
- 2) континентальное ядро (nucleus), тождественное «Hinterland» (геополитическому термину, означающему «удаленные от побережья внутренние регионы»);
- 3) дисконтинуальный пояс («береговые сектора», ориентированные либо внутрь континента, либо от него);
- 4) регионы, геополитически независимые от этого ансамбля.

Концепция «дисконтинуальных поясов» была подхвачена такими ведущими американскими стратегами, как Генри Киссинджер, который считал, что политическая стратегия США относительно «дисконтинуальных» береговых зон состоит в том, чтобы соединить фрагменты в одно целое и

обеспечить тем самым атлантизму полный контроль над Советской Евразией. Эта доктрина получила название «Linkage» от английского «link» - связь, звено. Чтобы стратегия «анаконды» была до конца успешной, необходимо было обратить особое внимание на те «береговые сектора» Евразии, которые либо сохраняли нейтралитет, либо тяготели к внутренним пространствам континента. На практике эта политика осуществлялась через вьетнамскую войну, активизацию американо-китайских отношений, поддержку США проамериканского режима в Иране, поддержку националистов-диссидентов Украины и Прибалтики и т.д. Как и в предшествующие эпохи послевоенная американская атлантистская геополитическая школа постоянно поддерживала обратную связь с властью.

Развитие геополитических взглядов применительно к «ядерной эпохе» мы встречаем у другого представителя той же американской школы Колина Грэя. В своей книге «Геополитика ядерной эры»(1977) он дает очерк военной стратегии США и НАТО, в котором ставит планетарное месторасположение ядерных объектов в зависимость от географических и геополитических особенностей регионов. В середине 70-х гг. Грэй назвал геополитику наукой о «взаимосвязи между физической средой в том виде, как она воспринимается, изменяется и используется людьми и мировой политикой». Как считал Грэй, геополитика касается взаимосвязи международной политической мощи и географического фактора. Под ней подразумевается «высокая политика» безопасности и международного порядка; влияние длительных пространственных отношений на возвышение и упадок силовых центров; то, как технологические, политико-организационные и демографические процессы сказываются на весе и влиянии соответствующих стран.

При всем сохранившемся влиянии традиционных идей и концепций возникли новые разработки и конструкции, построенные на понимании того, что с появлением авиации и особенно ядерного оружия и средств его доставки традиционные модели, в основе которых лежал географическо-пространственный детерминизм, устарели и нуждаются в серьезной корректировке. Наиболее обоснованные аргументы в пользу этой точки зрения выдвинул А.П. Северски.

В геополитическом построении А.П. Северски мир разделен на два огромных круга воздушной мощи, сконцентрированных соответственно на индустриальных центрах США и Советского Союза. Американский круг покрывал большую часть Западного полушария, а советский - большую часть Мирового Острова. Оба они обладали приблизительно равной силой над Северной Америкой и Северной Евразией, которые, по мнению автора, в совокупности составляют ключ к мировому господству.

Технологические нововведения в военной области продиктовали необходимость применять глобальный подход к проблемам безопасности. Его использование дало повод ряду ученых по-новому трактовать геополитику. Американский исследователь Д. Дедни, уделяя главное внимание роли технического фактора в отношениях между географической средой и политическими процессами, отмечает, что геополитическая действительность

служит фоном для географии и технологии; он придает форму, прокладывает русло и предполагает осуществление политической власти во многом тем же самым образом, как горные хребты, мосты и фортификационные сооружения воздействуют на армию во время сражения.

Они не полностью определяют результат, но благоприятствуют различным стратегиям. Автор далее указывает, география планеты, конечно, не изменяется, но значение естественных особенностей планеты в борьбе за военное превосходство и безопасность изменяется с технологическими изменениями в человеческой возможности разрушать, перевозить и сообщать. Без сильного чувства технологии геополитика вырождается в земной мистицизм.

Таким образом, развитие техники привело к освоению воздушного пространства, что сделало актуальной разработку так называемой «геополитики воздуха». Как считают некоторые исследователи, геополитика помимо Суши и Моря вынуждена учитывать еще две стихии воздух и эфир (космическое пространство). Этим стихиям на военном уровне соответствуют ядерное оружие (воздух) и программа «звездных войн» (космос). По аналогии с теллурократией (власть Суши) и талассократией (власть Моря) эти две новейшие модификации геополитических систем могут быть названы аэрократией (власть Воздуха) и эфирократией (власть Эфира).

Карл Шмитт дал эскизный набросок этих двух новых сфер. При этом самым важным и принципиальным его замечанием является то, что и «аэрократия» и «эфирократия» представляют собой дальнейшее развитие именно «номоса» Моря, продвинутые фазы именно «талассократии», так как весь технический процесс освоения новых сфер ведется в сторону «разжижения» среды, что, по Шмитту, сопровождается соответствующими культурными и цивилизационными процессами прогрессивным отходом от «номоса» Суши не только в стратегическом, но и в этическом, духовном, социально-политическом смысле.

Иными словами, освоение воздушной и космической сред есть продолжение сугубо талассократических тенденций, а, следовательно, может рассматриваться как высшая стадия сугубо атлантической стратегии.

В данном ракурсе ядерное противостояние блоков в холодной войне представляется как конкуренция в условиях, навязанных «морской силой» хартленду, вынужденному принимать условия стратегической позиционной дуэли, диктуемые противоположной стороной. Такой процесс активного «разжижения стихий», сопряженный с логикой развития западного мира в технологическом и стратегическом смысле, параллелен наступательной позиции атлантистов в их политике отрыва береговых зон от континентального центра в обоих случаях налицо наступательная инициатива одного геополитического лагеря и оборонительная реакция другого.

Как считают российские исследователи, если в случае ядерного оружия и авиации (в сфере аэрокрации) СССР смог ценой напряжения всех внутренних ресурсов добиться относительного паритета, то на следующем этапе, в области эфирократии произошел структурный надлом, и конкуренция в области

технологий, связанных со «звездными войнами», привела к окончательному геополитическому проигрышу и к поражению в холодной войне.

Победа атлантистов над СССР (хартлендом) означала вступление в радикально новую эпоху, которая требовала оригинальных геополитических моделей. Геополитический статус всех традиционных территорий, регионов, государств и союзов резко менялся. Осмысление планетарной реальности после окончания холодной войны привело атлантистских геополитиков к двум принципиальным схемам.

Одна из них может быть названа «пессимистической» (для атлантизма). Она наследует традиционную для атлантизма линию конфронтации с хартлендом, которая считается не законченной и не снятой с повестки дня вместе с падением СССР, и предрекает образование новых евразийских блоков, основанных на цивилизационных традициях и устойчивых этнических архетипах. Этот вариант можно назвать «неоатлантизмом», его сущность сводится, в конечном итоге, к продолжению рассмотрения геополитической картины мира в ракурсе основополагающего дуализма, что лишь нюансируется выделением дополнительных геополитических зон (кроме Евразии), которые также могут в дальнейшем стать очагами противостояния с Западом. Наиболее ярким представителем такого неоатлантистского подхода является Самуил Хантингтон.

Вторая схема, основанная на той же изначальной геополитической картине, напротив, оптимистична (для атлантизма) в том смысле, что рассматривает ситуацию, сложившуюся в результате победы Запада в холодной войне, как окончательную и бесповоротную. На этом строится теория мондиализма, концепция конца истории и единого мира, которая утверждает, что все формы геополитической дифференциации - культурные, национальные, религиозные, идеологические, государственные и т.д. - вот-вот будут окончательно преодолены и наступит эра единой общечеловеческой цивилизации, основанной на принципах либеральной демократии. История закончится вместе с геополитическим противостоянием, дававшим изначальную главный импульс истории. Этот геополитический проект ассоциируется с именем американского геополитика Фрэнсиса Фукуямы, написавшего программную статью с выразительным названием «Конец истории».

Концепцию Сэмюэла П. Хантингтона - директора Института стратегических исследований им. Джона Олина при Гарвардском университете - можно считать ультрасовременным развитием традиционной для Запада атлантистской геополитики. Важно, что Хантингтон строит свою программную статью «Столкновение цивилизаций» (которая появилась как резюме большого геополитического проекта «Изменения в глобальной безопасности и американские национальные интересы») как ответ на тезис Фукуямы о конце истории. Показательно, что на политическом уровне эта полемика соответствует двум ведущим политическим партиям США: Фукуяма выражает глобальную стратегическую позицию демократов, тогда как Хантингтон является рупором республиканцев. Это достаточно точно выражает сущность двух новейших геополитических проектов - неоатлантизм следует

консервативной линии, а мондиализм предпочитает совершенно новый подход, в котором все геополитические реальности подлежат полному пересмотру.

Смысл теории Хантингтона, сформулированный им в статье «Столкновение цивилизаций», сводится к следующему. Видимая геополитическая победа атлантизма на всей планете - с падением СССР исчез последний оплот континентальных сил - на самом деле затрагивает лишь поверхностный срез действительности. Стратегический успех НАТО, сопровождающийся идеологическим оформлением, - отказ от главной конкурентной коммунистической идеологии - не затрагивает глубинных цивилизационных пластов. Хантингтон вопреки Фукуяме утверждает, что стратегическая победа не есть цивилизационная победа; западная идеология - либерал-демократия, рынок и т.д. - стала безальтернативной лишь временно, так как уже скоро у незападных народов начнут проступать цивилизационные и геополитические особенности.

Отказ от идеологии коммунизма и сдвиги в структуре традиционных государств - распад одних образований, появление других и т.д. - не приведут к автоматическому равнению всего человечества на универсальную систему атлантистских ценностей, но, напротив, сделают вновь актуальными более глубокие культурные пласты, освобожденные от поверхностных идеологических клише.

Хантингтон утверждает, что наряду с западной (атлантистской) цивилизацией, включающей в себя Северную Америку и Западную Европу, можно предвидеть геополитическую фиксацию еще семи потенциальных цивилизаций:

- 1) славяно-православная,
- 2) конфуцианская (китайская),
- 3) японская,
- 4) исламская,
- 5) индуистская,
- 6) латиноамериканская и, возможно,
- 7) африканская.

Конечно, эти потенциальные цивилизации отнюдь не равнозначны. Но все они едины в том, что вектор их развития и становления будет ориентирован в направлении, отличном от траектории атлантизма и цивилизации Запада. Так, Запад снова окажется в ситуации противостояния. Хантингтон считает, что это практически неизбежно и что уже сейчас, несмотря на эйфорию мондиалистских кругов, надо принять за основу реалистическую формулу: «The West and The Rest» («Запад и все остальные»).

По мнению С. Хантингтона, в нарождающемся мире источником конфликтов станет уже не идеология и не экономика, а важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой.

Означает ли это, что нация-государство перестанет быть главным действующим лицом в международных делах? Нет, Хантингтон так не считает. Но, по его словам, наиболее значимые конфликты глобальной политики будут

разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Он говорит о том, что «линии разлома» между цивилизациями - это и есть линии «будущих фронтов».

Идентичность на уровне цивилизации, по мнению Хантингтона, будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций.

Что же из этого следует? Во-первых, различия между цивилизациями не просто реальны. Они наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и обществом, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязательно предполагает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями.

Во-вторых, мир становится более тесным. Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к тому, что глубоко осознаются различия между цивилизациями и то, что их объединяет. Взаимодействие между цивилизациями укрепляет их цивилизационное самосознание, а это, в свою очередь, обостряет уходящие в глубь истории или, по крайней мере, воспринимаемые таким образом разногласия и враждебность.

В-третьих, процессы экономической модернизации и политических изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевает и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений. Подобные движения сложились не только в исламе, но и в западном христианстве, иудаизме, буддизме, индуизме. В большинстве стран и конфессий фундаментализм поддерживают образованные молодые люди, высококвалифицированные специалисты из средних классов, лига свободных профессий, бизнесмены. Возрождение религии создает основу для идентификации и сопричастности с общностью, выходящей за рамки национальных границ, для объединения цивилизаций.

В-четвертых, рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой - происходит возврат к собственным корням. Все чаще приходится слышать о «возврате в Азию» Японии, о конце влияния идей Неру и «индуизации Индии», о провале западных идей социализма и национализма и «реисламизации» Ближнего Востока. На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли

и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик. В прошлом элита незападных стран обычно состояла из людей, в наибольшей степени связанных с Западом, получивших образование в Оксфорде, Сорбонне или Сандхерсте и усвоивших западные ценности и стиль жизни. Население же этих стран, как правило, сохраняло неразрывную связь со своей исконной культурой. Но сейчас все перевернулось. Во многих незападных странах идет интенсивный процесс девестернизации элиты и возврата к собственным культурным корням. И одновременно с этим западные, главным образом американские, обычаи, стиль жизни и культура приобретают популярность среди широких слоев населения.

В-пятых, культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого основанные на них противоречия сложнее разрешить или свести к компромиссу. В бывшем Советском Союзе коммунисты могли стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки - в богачей, но русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы - армянами. Судя по всему, роль региональных экономических связей будет усиливаться. С одной стороны, успех экономического регионализма укрепляет сознание принадлежности к одной цивилизации. А с другой - экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится в общности цивилизации. С окончанием холодной войны общность культуры быстро вытесняет идеологические различия.

Своей концепцией «столкновения цивилизаций» Хантингтон бросил вызов многим устоявшимся представлениям о характере происходящих и потенциальных глобальных противостояний, а также предложил новую парадигму для теоретического исследования и прогнозирования миропорядка на рубеже XX и XXI веков. Это едва ли не самая крупная из представленных за последнее десятилетие научная концепция, в которой дана общая картина мира. Хантингтон - один из наиболее авторитетных политологов мира - и сам понимает, что полемизировать с его концепцией убедительнее всего было бы с помощью иной целостной теории, альтернативной не только его идеям, но и устаревшей парадигме холодной войны, которую, по его мнению, «драматические события последнего пятилетия превратили в достояние интеллектуальной истории».

Геополитические выводы из подхода Хантингтона очевидны: он считает, что атлантисты должны всемерно укреплять стратегические позиции своей собственной цивилизации, готовиться к противостоянию, консолидировать стратегические усилия, сдерживать антиатлантистские тенденции в других геополитических образованиях, не допускать их соединения в опасный для Запада континентальный альянс.

Он дает такие рекомендации:

«Западу следует

1) обеспечивать более тесное сотрудничество и единение в рамках собственной цивилизации, особенно между ее европейской и североамериканской частями;

- 2) интегрировать в западную цивилизацию те общества в Восточной Европе и Латинской Америке, чьи культуры близки к западной;
- 3) обеспечить более тесные взаимоотношения с Японией и Россией;
- 4) предотвратить перерастание локальных конфликтов между цивилизациями и глобальные войны;
- 5) ограничить военную экспансию конфуцианских и исламских государств;
- 6) приостановить свертывание западной военной мощи и обеспечить военное превосходство на Дальнем Востоке и в Юго-Западной Азии;
- 7) использовать трудности и конфликты во взаимоотношениях исламских и конфуцианских стран;
- 8) поддерживать группы, ориентирующиеся на западные ценности и интересы в других цивилизациях;
- 9) усилить международные институты, отражающие западные интересы и ценности и узаконивающие их, и обеспечить вовлечение незападных государств в эти институты».

Данные рекомендации являются, по сути, краткой и емкой формулировкой доктрины неоатлантизма. С точки зрения чистой геополитики это означает точное следование принципам Мэхэна и Спикмена, причем акцент, который Хантингтон ставит на культуре и цивилизационных различиях как важнейших геополитических факторах, указывает на его причастность к классической школе геополитики, восходящей к органицистской философии, для которой изначально было свойственно рассматривать социальные структуры и государства не как механические или чисто идеологические образования, но как «формы жизни».

В качестве наиболее вероятных противников Запада Хантингтон указывает Китай и исламские государства (Иран, Ирак, Ливия и т.д.). В этом сказывается прямое влияние доктрин Мейнига и Кирка, считавших, что ориентация стран «береговых зон» - а «конфуцианская» и исламская цивилизации геополитически принадлежат преимущественно именно к этим зонам - важнее, чем позиция хартленда. Поэтому в отличие от других представителей неоатлантизма, Хантингтон видит главную угрозу отнюдь не в геополитическом возрождении России-Евразии, хартленда или какого-то нового евразийского континентального образования.

Становление США сверхдержавой и выход на последний этап, предшествующий окончательной «планетарной гегемонии талассократии», заставил американских геополитиков рассматривать совершенно новую геополитическую модель, в которой участвовали не две основные силы, а только одна. Причем в принципе существовало два варианта развития событий - либо окончательный выигрыш Западом геополитической дуэли с Востоком, либо конвергенция двух идеологических лагерей в нечто единое и установление «мирового правительства» (этот проект получил название «мондиализм» - от французского monde - мир). В обоих случаях требовалось новое геополитическое осмысление этого возможного исхода истории. Такая ситуация вызвала к жизни особое направление в геополитике - геополитику мондиализма. Иначе эта теория известна как доктрина «нового мирового

порядка». Она разрабатывалась американскими геополитиками начиная с 70-х гг., а впервые во всеуслышание о ней было заявлено президентом США Джорджем Бушем во время войны в Персидском заливе в 1991г.

Концепция мондиализма возникла задолго до окончательной победы Запада в холодной войне. Смысл мондиализма сводится к постулированию неизбежности полной планетарной интеграции, перехода от множественности государств, народов, наций и культур к «униформному миру».

Истоки этой идеи можно разглядеть в некоторых утопических и хилиастических движениях, восходящих к средневековью и далее к глубокой древности. В ее основе лежит представление, что в какой-то кульминационный момент истории все народы земли соберутся в едином Царстве, которое не будет более знать противоречий, трагедий, конфликтов и проблем, свойственных обычной земной истории. Помимо чисто мистической версии мондиалистской утопии существовали и ее рационалистические версии, одной из которых можно считать учение о «Третьей эре» позитивиста Огюста Конта или гуманистическую эсхатологию Готхольда Эфраима Лессинга.

Мондиалистские идеи были свойственны чаще всего умеренным европейским и особенно английским социалистам, о едином мировом государстве говорили и коммунисты. С другой стороны, аналогичные мондиалистские организации создавались, начиная с конца XIX века и крупными фигурами в мировом бизнесе - например, сэром Сесилом Роудсом, организовавшим группу «Круглый Стол», члены которой должны были способствовать установлению системы беспрепятственной торговли во всем мире и созданию единого Мирового Правительства.

Показательно, что такие известные организации, как Лига Наций, позже ООН и ЮНЕСКО, были продолжением именно мондиалистских кругов, имевших большое влияние на мировую политику. В течение XX века эти мондиалистские организации, избегавшие излишней рекламы и часто даже носившие секретный характер, переменяли много названий. Существовало «Универсальное движение за мировую конфедерацию» Гарри Дэвиса, «Федеральный Союз» и даже «Крестовый поход за Мировое Правительство» (организованный английским парламентарием Генри Асборном в 1946г.).

По мере сосредоточения всей концептуальной и стратегической власти над Западом в США именно это государство стало главным штабом мондиализма, представители которого образовали параллельную власти структуру, состоящую из советников, аналитиков, центров стратегических исследований.

Так сложились три основные мондиалистские организации, о самом существовании которых общественность Запада узнала лишь относительно недавно. В отличие от официальных структур эти группы пользовались значительно большей свободой проектирования и исследований, так как они были освобождены от фиксированных и формальных процедур, регламентирующих деятельность комиссий ООН и т.д.

Первая структура - «Совет по международным отношениям» (Council on Foreign Relations, C.F.R.). Ее создателем был крупнейший американский банкир Морган. Эта неофициальная организация занималась выработкой американской

стратегии в планетарном масштабе, причем конечной целью считалась полная унификация планеты и создание «мирового правительства». Эта организация возникла еще в 1921 г. как филиация «Фонда Карнеги за вселенский мир», и все состоявшие в ней высокопоставленные политики приобщались мондиалистским взглядам на будущее планеты. Так как большинство членов С.Ф.Р. были одновременно и высокопоставленными дигнитариями шотландского масонства, то можно предположить, что их геополитические проекты имели и какое-то гуманистически-мистическое измерение.

В 1954г. была создана вторая мондиалистская структура - Бильдербергский клуб, или Бильдербергская группа. Она объединяла уже не только американских аналитиков, политиков, финансистов и интеллектуалов, но и их европейских коллег. С американской стороны она была представлена исключительно членами С.Ф.Р. и рассматривалась как ее международное продолжение.

В 1973г. активистами Бильдербергской группы была создана третья важнейшая мондиалистская структура - «Трехсторонняя комиссия», или «Трилатераль» (Trilateral). Она возглавлялась американцами, входящими в состав С.Ф.Р. и Бильдербергской группы, и имела помимо США, где расположена ее штаб-квартира (Нью-Йорк), еще две штаб-квартиры - в Европе и Японии. «Трехсторонней» комиссия названа по фундаментальным геополитическим основаниям. Она призвана объединять под эгидой атлантизма и США три «Больших пространства», лидирующих в техническом развитии и рыночной экономике:

1. Американское пространство, включающее в себя Северную и Южную Америку.
2. Европейское пространство.
3. Тихоокеанское пространство, контролируемое Японией.

Главой важнейших мондиалистских групп - Бильдерберга и Трилатералья - является высокопоставленный член С.Ф.Р., крупнейший банкир Дэвид Рокфеллер, владелец «Чэйз Манхэттен бэнк».

Кроме него в самом центре всех мондиалистских проектов стоят неизменные аналитики, геополитики и стратеги атлантизма Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер, Джордж Болл.

Основная линия всех мондиалистских проектов заключалась в переходе к единой мировой системе, под стратегической доминацией Запада и «прогрессивных», «гуманистических», «демократических» ценностей. Для этого вырабатывались параллельные структуры, состоящие из политиков, журналистов, интеллектуалов, финансистов, аналитиков и т.д., которые должны были подготовить почву для широкого обнародования этого мондиалистского проекта «мирового правительства», так как без подготовки он натолкнулся бы на мощное психологическое сопротивление народов и государств, не желающих растворять свою самобытность в планетарном melting pot.

Мондиалистский проект, разрабатываемый и проводимый этими организациями, не был однороден. Существовали две его основные версии,

которые, различаясь по методам, должны были теоретически привести к одной и той же цели.

Первая, наиболее пацифистская и «примиренческая» версия мондиализма, известна как «теория конвергенции». Разработанная в 70-е гг. в недрах С.Ф.Р. группой «левых» аналитиков под руководством Збигнева Бжезинского, эта теория предполагала возможность преодоления идеологического и геополитического дуализма холодной войны через создание нового культурно-идеологического типа цивилизации, который был бы промежуточным между социализмом и капитализмом, между чистым атлантизмом и чистым континентализмом.

Известнейший социолог, политолог и геополитик, профессор Колумбийского университета, советник Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета (Вашингтон) Збигнев Бжезинский, бывший в 1977-1981 гг. помощником президента США по национальной безопасности, в своей книге «План игры. Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР» (Нью-Йорк, 1986) доказывает исторически закономерный и глобальный характер противостояния между СССР и США. Однако еще в работе «Кризис мировой системы» Бжезинский развивает идею необходимости создания универсальной мировой системы под эгидой США. Советский марксизм рассматривался как преграда, которую можно преодолеть, перейдя к его умеренной, социал-демократической, ревизионистской версии - через отказ от тезисов «диктатуры пролетариата», «классовой борьбы», «национализации средств производства» и «отмены частной собственности». В свою очередь, капиталистический Запад должен был бы ограничить свободу рынка, ввести частичное государственное регулирование экономики и т.д. Общность же культурной ориентации могла бы быть найдена в традициях Просвещения и гуманизма, к которым возводимы и западные демократические режимы, и социальная этика коммунизма (в его смягченных социал-демократических версиях). «Мировое правительство», которое могло бы появиться на основе теории конвергенции, мыслилось как допущение Москвы до атлантического управления планетой совместно с Вашингтоном. В этом случае начиналась эпоха всеобщего мира, холодная война заканчивалась, народы сбрасывали тяжесть геополитического напряжения.

После распада СССР и победы Запада, атлантизма мондиалистские проекты должны были либо отмереть, либо изменить свою логику. Новой версией мондиализма в постсоветскую эпоху стала доктрина Фрэнсиса Фукуямы, опубликовавшего в начале 90-х программную статью - «Конец истории». Ее можно рассматривать как идейную базу неомондиализма. Фукуяма предлагает следующую версию исторического процесса.

Человечество от темной эпохи «закона силы», «мракобесия» и «нерационального менеджирования социальной реальности» двигалось к наиболее разумному строю, воплотившемуся в капитализме, современной западной цивилизации, рыночной экономике и либерально-демократической идеологии. История и ее развитие длились только за счет нерациональных фак-

торов, которые мало-помалу уступали место законам разума, общего денежного эквивалента всех ценностей и т.д. Падение СССР знаменует собой падение последнего бастиона иррационализма. С этим связано окончание истории и начало особого планетарного существования, которое будет проходить под знаком рынка и демократии, которые объединят мир в слаженную рационально функционирующую машину. Такой новый порядок, хотя и основанный на универсализации чисто атлантической системы, выходит за рамки атлантизма, и все регионы мира начинают переорганизовываться по новой модели, вокруг его наиболее экономически развитых центров.

Аналог теории Фукуямы есть и среди европейских авторов. Так, Жак Аттали, бывший долгие годы личным советником президента Франции Франсуа Миттерана, а также некоторое время директором Европейского Банка Реконструкции и Развития, разработал сходную теорию в своей книге «Линии Горизонта».

Аттали считает, что в настоящий момент наступает третья эра «эра денег», которые являются универсальным эквивалентом ценности, так как, приравнивая все вещи к материальному цифровому выражению, с ними предельно просто управляться наиболее рациональным образом. Такой подход сам Аттали связывает с наступлением мессианской эры, понятой в иудейско-каббалистическом контексте (подробнее этот аспект он развивает в другой книге, специально посвященной мессианству «Он придет»). Это отличает его от Фукуямы, который остается в рамках строгого прагматизма и утилитаризма.

Жак Аттали предлагает свою версию будущего, которое «уже наступило». Доминанция на всей планете единой либерально-демократической идеологии и рыночной системы вместе с развитием информационных технологий приводит к тому, что мир становится единым и однородным, геополитические реальности, доминировавшие на протяжении всей истории, в «третьей эре» отступают на задний план. Геополитический дуализм отменяется.

Но единый мир получает все же новую геополитическую структурализацию, основанную на сей раз на принципах «геоэкономики». Впервые концепции «геоэкономики» предложил развивать историк Фритц Рериг, а популяризировал ее Фернан Бродель.

«Геоэкономика» это особая версия мондиалистской геополитики, которая рассматривает приоритетно не географические, культурные, идеологические, этнические, религиозные и т.д. факторы, составляющие суть собственно геополитического подхода, но чисто экономическую реальность в ее отношении к пространству. Для «геоэкономики» совершенно не важно, какой народ проживает там-то и там-то, какова его история, культурные традиции и т.д. Все сводится к тому, где располагаются центры мировых бирж, полезные ископаемые, информационные центры, крупные производства. «Геоэкономика» подходит к политической реальности так, как если бы Мировое Правительство и единое планетарное государство уже существовали.

Геоэкономический подход Аттали приводит к выделению трех важнейших регионов, которые в Едином Мире станут центрами новых экономических пространств:

- 1) Американское пространство, объединившее окончательно обе Америки в единую финансово-промышленную зону.
- 2) Европейское пространство, возникшее после экономического объединения Европы.
- 3) Тихоокеанский регион, зона «нового процветания», имеющая несколько конкурирующих центров Токио, Тайвань, Сингапур и т.д.

Между этими тремя мондиалистскими пространствами, по мнению Аттали, не будет существовать никаких особых различий или противоречий, так как и экономический и идеологический тип будет во всех случаях строго тождественным. Единственной разницей будет чисто географическое месторасположение наиболее развитых центров, которые будут концентрически структурировать вокруг себя менее развитые регионы, расположенные в пространственной близости.

Такая концентрическая переструктуризация сможет осуществиться только в «конце Истории» или, в иных терминах, при отмене традиционных реальностей, диктуемых геополитикой. Цивилизационно-геополитический дуализм отменяется. Отсутствие противоположного атлантизму полюса ведет к кардинальному переосмыслению пространства. Наступает эра геοэкономики. В модели Аттали нашли свое законченное выражение те идеи, которые лежали в основании «Трехсторонней комиссии», которая и является концептуально-политическим инструментом, разрабатывающим и осуществляющим подобные проекты.

По мнению исследователей, неомондиализм не является прямым продолжением мондиализма исторического, который изначально предполагал присутствие в конечной модели левых социалистических элементов. Это промежуточный вариант между собственно мондиализмом и атлантизмом.

Существуют более детальные версии неомондиализма. Одной из наиболее ярких является футурологическая геополитическая концепция, разработанная миланским Институтом Международных Политических Исследований (ISPI) под руководством профессора Карло Санторо.

Согласно модели Санторо, в настоящий момент человечество пребывает в переходной стадии от биполярного мира к мондиалистской версии многополярности (понятой геοэкономически, как у Аттали). Международные институты (ООН и т.д.), которые для оптимистического мондиализма Фукуямы представляются достаточно развитыми, чтобы стать ядром «Мирового Правительства», Санторо представляются, напротив, недейственными и отражающими устаревшую логику двухполярной геополитики. Более того, весь мир несет на себе устойчивый отпечаток «холодной войны», геополитическая логика которой остается доминирующей. Санторо предвидит, что такая ситуация не может не кончиться периодом цивилизационных катастроф. Далее он излагает предполагаемый сценарий этих катастроф:

- 1) Дальнейшее ослабление роли международных институтов
- 2) Нарастание националистических тенденций среди стран, входивших в Варшавский Договор, и в третьем мире. Это приводит к хаотическим процессам.

- 3) Дезинтеграция традиционных блоков (это не затрагивает Европы) и прогрессирующий распад существующих государств.
- 4) Начало эпохи войн малой и средней интенсивности, в результате которых складываются новые геополитические образования.
- 5) Угроза планетарного хаоса заставляет различные блоки признать необходимость создания новых международных институтов, обладающих огромными полномочиями, что фактически означает установление Мирового Правительства.
- 6) Окончательное создание планетарного государства под эгидой новых международных инстанций (Мировое Правительство).

Эта модель является промежуточной между мондиалистским оптимизмом Фрэнсиса Фукуямы и атлантистским пессимизмом Самуила Хантингтона.

Геополитический ренессанс в Европе связан с деятельностью географа Ива Лакоста, который в 1976 году основал журнал «Геродот», где впервые в послевоенной Европе стали регулярно публиковаться геополитические тексты. Особо следует подчеркнуть, что во главе стоял человек близкий к левым политическим кругам, тогда как до этого момента геополитикой в Европе занимались лишь довольно маргинальные правые, националистические круги.

В 1983 году журнал «Геродот» вводит в название подзаголовок «журнал географии и геополитики», и с этого момента начинается вторая жизнь геополитики, отныне признанной официально в качестве особой политологической дисциплины, помогающей в комплексном анализе ситуации.

Ив Лакост стремится адаптировать геополитические принципы к современной ситуации. Сам Лакост не разделяет ни «органицистского подхода», свойственного континенталистской школе, ни чисто прагматического и механицистского геополитического утилитаризма идеологов Sea Power. С его точки зрения, геополитические соображения служат лишь для «оправдания сопернических устремлений властных инстанций относительно определенных территорий и населяющих их людей». Это может касаться как международных отношений, так и узко региональных проблем. У Лакоста геополитика становится лишь инструментом анализа конкретной ситуации, а все глобальные теории, лежащие в основе этой дисциплины, низводятся до относительных, исторически обусловленных понятий.

Таким образом, Лакост предлагает совершенно новое определение геополитики, фактически новую дисциплину. Это более не континентальное мышление, основанное на фундаментальном планетарном цивилизационно-географическом дуализме и сопряженное с глобальными идеологическими системами, но использование некоторых методологических моделей, существовавших у традиционных геополитиков в общем контексте, но взятых в данном случае как нечто самостоятельное. Это «деглобализация» геополитики, сведение ее к узкому аналитическому методу. Такая геополитика получила название «внутренней геополитики», так как она сплошь и рядом занимается локальными проблемами.

Разновидностью такой внутренней геополитики является специальная методика, разработанная для изучения связи политических симпатий населения

и территории, на которой данное население проживает. Провозвестником такого подхода был француз Андре Зигфрид (1875-1959), политический деятель и географ. Ему принадлежат первые попытки исследовать «внутреннюю геополитику» применительно к политическим симпатиям тех или иных регионов. К нему восходят первые формулировки закономерностей, которые легли в основу «электоральной геополитики» новой школы Ива Лакоста.

Ив Лакост поставил своей задачей привести в геополитику новейшие критерии, свойственные информационному обществу. Наибольшим значением среди информационных систем, прямо влияющих на геополитические процессы, обладают средства массовой информации, особенно телевидение (медиакратия). В современном обществе доминирует не концептуально-рациональный подход, но яркость «образа» («имиджа»). Политические, идеологические и геополитические воззрения формируются у значительной части общества исключительно на основании телекоммуникаций. Медиатический «образ» является атомарным синтезом, в котором сосредоточены сразу несколько подходов - этнический, культурный, идеологический, политический. Синтетическое качество «имиджа» сближает его с теми категориями, которыми традиционно оперирует геополитика.

Прикладная или «внутренняя геополитика», развиваемая Ивом Лакостом, а также другими крупными специалистами, Мишелем Коренманном, Поль-Мари де ля Горс и т.д., характерна для современной европейской политологии и сознательно избегает концептуальных обобщений и футурологических разработок. В этом принципиальное отличие всего этого направления, особенно развитого во Франции и Италии, от собственно атлантистских и мондиалистских школ, находящихся в США и Англии.

По мнению российских исследователей, прикладная геополитика сохраняет с исторической, довоенной геополитикой гораздо меньше связей, нежели атлантизм и мондиализм, не говоря уже о «континенталистской» традиции. Это чисто аналитическая, политологическая, социологическая методика и не более того. Поэтому между ней и планетарными глобальными проектами собственно геополитиков следует делать различие. В сущности, речь идет о двух дисциплинах, которые сближает только терминология и некоторые методы. Игнорируя геополитический дуализм, считая его либо преодоленным, либо несущественным, либо просто выходящим за кадры основного предмета изучения, прикладная геополитика перестает быть геополитикой в собственном смысле этого слова и становится лишь разновидностью статистико-социологической методики.

Одной из немногих европейских геополитических школ, сохранивших непрерывную связь с идеями довоенных немецких геополитиков-континенталистов, являются «новые правые». Это направление возникло во Франции в конце 60-х годов и связано с фигурой лидера этого движения философа и публициста Алена де Бенуа.

«Новые правые» резко отличаются от традиционных французских правых - монархистов, католиков, германофобов, шовинистов, антикоммунистов, консерваторов и т.д. - практически по всем пунктам. «Новые правые» -

сторонники «органической демократии», язычники, германофилы, социалисты, модернисты и т.д. Вначале «левый лагерь», традиционно крайне влиятельный во Франции, посчитал это «тактическим маневром» обычных правых, но со временем серьезность эволюции была доказана и признана всеми.

Одним из фундаментальных принципов идеологии «новых правых», аналоги которых в скором времени появились и в других европейских странах, был принцип «континентальной геополитики». В отличие от «старых правых» и классических националистов де Бенуа считал, что принцип централистского «государства-нации» исторически исчерпан и что будущее принадлежит только «Большим пространствам». Причем основой таких «Больших пространств» должны стать не только объединение разных Государств в прагматический политический блок, но вхождение этнических групп разных масштабов в единую «Федеральную Империю» на равных основаниях. Такая «Федеральная Империя» должна быть стратегически единой, а этнически дифференцированной. При этом стратегическое единство должно подкрепляться единством изначальной культуры.

«Большое пространство», которое больше всего интересовало де Бенуа, это - Европа. «Новые правые» считали, что народы Европы имеют общее индоевропейское происхождение, единый исток. Это принцип «общего прошлого». Но обстоятельства современной эпохи, в которой активны тенденции стратегической и экономической интеграции, необходимой для обладания подлинным геополитическим суверенитетом, диктуют необходимость объединения и в чисто прагматическом смысле. Таким образом, народы Европы обречены на «общее будущее». Из этого де Бенуа делает вывод, что основным геополитическим принципом должен стать тезис «Единая Европа ста флагов». В такой перспективе, как и во всех концепциях «новых правых», явно прослеживается стремление сочетать «консервативные» и «модернистские» элементы, как «правое» и «левое». В последние годы «новые правые» отказались от такого определения, считая, что они «правые» в такой же степени, в какой и «левые».

Геополитические тезисы де Бенуа основываются на утверждении «континентальной судьбы Европы». В этом он полностью следует концепциям школы Хаусхофера. Из этого вытекает характерное для «новых правых» противопоставление «Европы» и «Запада». «Европа» для них это континентальное геополитическое образование, основанное на этническом ансамбле индоевропейского происхождения и имеющее общие культурные корни. Это понятие традиционное. «Запад», напротив, геополитическое и историческое понятие, связанное с современным миром, отрицающее этнические и духовные традиции, выдвигающие чисто материальные и количественные критерии существования; это утилитарная и рационалистическая, механицистская буржуазная цивилизация. Самым законченным воплощением Запада и его цивилизации являются США.

Из этого складывается конкретный проект «новых правых». Европа должна интегрироваться в «Федеральную Империю», противопоставленную Западу и США, причем особенно следует поощрять регионалистские

тенденции, так как регионы и этнические меньшинства сохранили больше традиционных черт, чем мегаполисы и культурные центры, пораженные «духом Запада». Франция при этом должна ориентироваться на Германию и Среднюю Европу. Отсюда интерес «новых правых» к де Голлю и Фридриху Науманну. На уровне практической политики начиная с 70-х гг. «новые правые» выступают за строгий стратегический нейтралитет Европы, за выход из НАТО, за развитие самодостаточного европейского ядерного потенциала.

Относительно СССР (затем России) позиция «новых правых» эволюционировала. Начав с классического тезиса «Ни Запад, ни Восток, ни Европа», они постепенно эволюционировали к тезису «Прежде всего Европа, но лучше даже с Востоком, чем с Западом». На практическом уровне изначальный интерес к Китаю и проекты организации стратегического альянса Европы с Китаем для противодействия как «американскому, так и советскому империализмам» сменились умеренной «советофилией» и идеей союза Европы с Россией.

Геополитика «новых правых» ориентирована радикально антиатлантистски и антимондиалистски. Они видят судьбу Европы как антитезу атлантических и мондиалистских проектов. Надо заметить, что в условиях тотального стратегического и политического доминирования атлантизма в Европе в период холодной войны геополитическая позиция де Бенуа настолько контрастировала с «нормами политического мышления», что никакого широкого распространения получить просто не могла.

Одна из главных тем геополитики «новых правых» - восстановление баланса сил в мире. Под балансом сил в геополитике подразумевается состояние не статического, а динамического равновесия, где допустимы непрерывные колебания в воздействии противостоящих центров политической динамики на стратегическую и геополитическую конфигурацию мировой политики. Речь идет о недопущении роста политической энергии какого-либо центра, когда он начинает угрожать всем остальным. Если взять «осевую линию истории» на востоке Евразии, то по отношению к этому региону есть два глобальных проекта, по которым Урал, Сибирь и Дальний Восток: 1) становятся «продолжением» «Большого пространства» Европы, противостоящего США, и с точностью до наоборот; 2) эти же регионы становятся при наличии туннеля под проливом Беринга «продолжением» «Большого пространства» США, противостоящего Европе.

Первый проект, выдвинутый бельгийцем Жаном Тириаром (1922-1992), известен с 60-х гг. и называется «Европа до Владивостока» с осью Дублин - Владивосток. Вторым проектом опубликован в 1992г. американским политологом Уолтером Мидом, который сделал расчеты по условиям продажи Сибири за 2-3 трлн. дол. Соединенным Штатам. По первому проекту русским предлагается европейское гражданство, политическая и финансовая стабильность, реванш над США. Во втором утверждается, что продажа Сибири Соединенным Штатам является наилучшим способом решения российских проблем, равно как и американских. В этом проекте так же идет речь о принятии сибиряками

гражданства США, о праве пользоваться национальными языками в официальном бизнесе и др.

Тириар с начала 60-х гг. был вождем общеевропейского радикального движения «Юная Европа» и считал геополитику главной политологической дисциплиной, без которой невозможно строить рациональную и дальновидную политическую и государственную стратегию. Последователь Хаусхофера и Никиша, он считал себя «европейским национал-большевиком» и строителем «Европейской Империи». Именно его идеи предвосхитили более развитые и изощренные проекты «новых правых».

Жан Тириар строил свою политическую теорию на принципе «автаркии больших пространств». Развита в середине XIX века немецким экономистом Фридрихом Листом, эта теория утверждала, что полноценное стратегическое и экономическое развитие государства возможно только в том случае, если оно обладает достаточным геополитическим масштабом и большими территориальными возможностями. Тириар применил этот принцип к актуальной ситуации и пришел к выводу, что мировое значение государств Европы будет окончательно утрачено, если они не объединятся в единую Империю, противостоящую США. При этом Тириар считал, что такая Империя должна быть не «федеральной» и «регионально ориентированной», но предельно унифицированной, централистской, соответствующей якобинской модели. Это должно стать мощным единым континентальным государством-нацией. В этом состоит основное различие между воззрениями де Бенуа и Тириара.

В конце 70-х гг. взгляды Тириара претерпели некоторое изменение. Анализ геополитической ситуации привел его к выводу, что масштаб Европы уже не достаточен для того, чтобы освободиться от американской талассократии. Следовательно, главным условием «европейского освобождения» является объединение Европы с СССР. От геополитической схемы, включающей три основные зоны - Запад, Европа, Россия (СССР), - он перешел к схеме только с двумя составляющими - Запад и Евразийский континент. При этом Тириар пришел к радикальному выводу о том, что для Европы лучше выбрать советский социализм, чем англосаксонский капитализм.

Так появился проект «Евро-советской Империи от Владивостока до Дублина». В нем почти пророчески описаны причины, которые должны привести СССР к краху, если он не предпримет в самое ближайшее время активных геополитических шагов в Европе и на Юге. Тириар считал, что идеи Хаусхофера относительно «континентального блока Берлин - Москва - Токио» актуальны в высшей степени и до сих пор. Важно, что эти тезисы Тириар изложил за 15 лет до распада СССР, абсолютно точно предсказав его логику и причины. Тириар предпринимал попытки довести свои взгляды до советских руководителей. Но это ему сделать не удалось, хотя в 60-е гг. у него были личные встречи с Насером, Чжоу Эньлаем и югославскими руководителями. Показательно, что Москва отвергла его проект организации в Европе подпольных «отрядов европейского освобождения» для террористической борьбы с «агентами атлантизма».

Взгляды Жана Тириара лежат в основе ныне активизирующегося неконформистского движения европейских национал-большевиков («Фронт европейского освобождения»). Они вплотную подходят к проектам современного русского неоевразийства.

Очень близок к Тириару австрийский генерал Йордис фон Лохаузен. В отличие от Тириара или де Бенуа он не участвует в прямой политической деятельности и не строит конкретных социальных проектов, а ограничивается чисто геополитическим анализом. Его изначальная позиция - та же, что и у национал-большевиков и «новых правых», он - континенталист и последователь Хаусхофера.

Лохаузен считает, что политическая власть только тогда имеет шансы стать долговечной и устойчивой, когда властители мыслят не сиюминутными и локальными категориями, но «тысячелетиями и континентами». Его главная книга так и называется «Мужество властвовать. Мыслить континентами». Глобальные территориальные, цивилизационные, культурные и социальные процессы, по мнению Лохаузена, становятся понятными только в том случае, если они видятся в «дальнозоркой» перспективе, которую он противопоставляет исторической «близорукости». Власть в человеческом обществе, от которой зависит выбор исторического пути и важнейшие решения, должна руководствоваться очень общими схемами, позволяющими найти место тому или иному государству или народу в огромной исторической перспективе. Поэтому основной дисциплиной, необходимой для определения стратегии власти, является геополитика в ее традиционном смысле - оперирование глобальными категориями, отвлекаясь от аналитических частных (а не «внутренняя» прикладная геополитика школы Лакоста). Современные идеологии, новейшие технологические и цивилизационные сдвиги, безусловно, меняют рельеф мира, но не могут отменить некоторых базовых закономерностей, связанных с природными и культурными циклами, исчисляемыми тысячелетиями. Такими глобальными категориями являются пространство, язык, этнос, ресурсы и т.д.

Лохаузен предлагает такую формулу власти: «Могущество = сила x местоположение». Он уточняет: так как могущество есть сила, помноженная на местоположение, получается - только благоприятное географическое положение дает возможность для полного развития внутренних сил. Таким образом, власть (политическая, интеллектуальная и т.д.) напрямую связывается с пространством.

Лохаузен отделяет судьбу Европы от судьбы Запада, считая Европу континентальным образованием, временно подпавшим под контроль талассократии. Но для политического освобождения Европе необходим пространственный (позиционный) минимум. Такой минимум обретается только через объединение Германии, интеграционные процессы в Средней Европе, воссоздание территориального единства Пруссии (разорванной между Польшей, СССР и ГДР) и дальнейшее складывание европейских держав в новый самостоятельный блок, независимый от атлантизма. Важно отметить роль Пруссии. Лохаузен (вслед за Никишем и Шпенглером) считает, что Прус-

сия является наиболее континентальной, «евразийской» частью Германии и что, если бы столицей Германии был не Берлин, а Кенигсберг, европейская история пошла бы в ином, более правильном русле, ориентируясь на союз с Россией против англосаксонских талассократий. Лохаузен полагает, что будущее Европы в стратегической перспективе немыслимо без России, и наоборот, России (СССР) Европа необходима, так как без нее геополитически она незакончена и уязвима для Америки, чье местоположение намного лучше, а, следовательно, чья мощь рано или поздно намного опередит СССР. Лохаузен подчеркивал, что СССР мог иметь на Западе четыре Европы: «Европу враждебную, Европу подчиненную, Европу опустошенную и Европу союзную». Первые три варианта неизбежны при сохранении того курса европейской политики, которую СССР вел на протяжении холодной войны. Только стремление любой ценой сделать Европу «союзной и дружественной» может исправить фатальную геополитическую ситуацию СССР и стать началом нового этапа геополитической истории - этапа евразийского.

Позиция Лохаузена сознательно ограничивается чисто геополитическими констатациями. Идеологические вопросы он опускает. Например, геополитика Руси боярской, России царской или Советского Союза представляет для него единый непрерывный процесс, не зависящий от смены правящего строя или идеологии. Россия геополитически - это хартленд, а следовательно, какой бы в ней ни был режим, ее судьба предопределена ее землями. Лохаузен, как и Тириар, предвидел геополитический крах СССР, бывший, по его мнению, неизбежным при условии сохранения обычного курса. Если у атлантистских геополитиков такой исход рассматривался как победа, Лохаузен видел в этом скорее поражение континентальных сил, но с тем нюансом, что новые возможности, которые откроются после падения советской системы, могут создать благоприятные предпосылки для создания в будущем нового евразийского блока, континентальной империи, так как определенные ограничения, диктуемые марксистской идеологией, были бы в этом случае сняты.

Романтическую версию геополитики излагает известный французский писатель Жан Парвулеско. Впервые геополитические темы в литературе возникают уже у Джорджа Оруэлла, который в антиутопии «1984» описал футурологически деление планеты на три огромных континентальных блока - «Остазия, Евразия, Океания». Сходные темы встречаются у Артура Кестлера, Олдоса Хаксли, Раймона Абеллио и т.д. Парвулеско делает геополитические темы центральными во всех своих произведениях, открывая этим новый жанр - «геополитическую беллетристику».

Концепция Парвулеско вкратце такова: история человечества есть история могущества, власти. За доступ к центральным позициям в цивилизации, то есть к самому могуществу, стремятся различные полусекретные организации, циклы существования которых намного превышают длительность обычных политических идеологий, правящих династий, религиозных институтов, государств и народов. Эти организации, выступающие в истории под разными именами, Парвулеско определяет как «орден атлантистов» и «орден

евразийцев». Между ними идет многовековая борьба, в которой участвуют папы, патриархи, короли, дипломаты, крупные финансисты, революционеры, мистики, генералы, ученые, художники и т.д. Все социально-культурные проявления, таким образом, сводимы к изначальным, хотя и чрезвычайно сложным, геополитическим архетипам. Это доведенная до логического предела геополитическая линия, предпосылки которой ясно прослеживаются уже у вполне рациональных и чуждых мистицизму основателей геополитики как таковой.

Центральную роль в сюжетах Парвулеско играет генерал де Голль и основанная им геополитическая структура, после конца его президентства оставшаяся в тени. Парвулеско называет это «геополитическим голлизмом». Такой «геополитический голлизм» - это французский аналог континентализма школы Хаусхофера. Основной задачей сторонников этой линии является организация европейского континентального блока «Париж - Берлин - Москва». В этом аспекте теории Парвулеско смыкаются с тезисами «новых правых» и «национал-большевиков».

Парвулеско считает, что нынешний исторический этап является кульминацией многовекового геополитического противостояния, когда драматическая история континентально-цивилизационной дуэли подходит к развязке. Он предвидит скорое возникновение гигантской континентальной конструкции - «Евразийской Империи конца», а затем - финальное столкновение с «Империей Атлантики». Этот эсхатологический поединок, описываемый им в апокалиптических тонах, он называет «Endkampf» («финальная битва»). Любопытно, что в текстах Парвулеско вымышленные персонажи соседствуют с реальными историческими личностями, со многими из которых автор поддерживал (а с некоторыми поддерживает до сих пор) дружеские отношения. Среди них - политики из близкого окружения де Голля, английские и американские дипломаты, философы, писатели и т.д.

Несмотря на беллетристическую форму, тексты Парвулеско имеют огромную собственно геополитическую ценность, так как ряд его статей, опубликованных в конце 70-х, до странности точно описывает ситуацию, сложившуюся в мире лишь к середине 90-х.

Полной противоположностью «геополитическому визионеру» Парвулеско является бельгийский геополитик и публицист Робер Стойкерс, издатель двух престижных журналов «Ориентасьон» и «Вулуар». Стойкерс подходит к геополитике с сугубо научных, рационалистических позиций, стремясь освободить эту дисциплину от всех «случайных» напластований. Но, следуя логике «новых правых» в академическом направлении, он приходит к выводам, поразительно близким «пророчествам» Парвулеско.

Стойкерс также считает, что социально-политические и особенно дипломатические проекты различных государств и блоков, в какую бы идеологическую форму они ни были облечены, представляют собой косвенное и подчас завуалированное выражение глобальных геополитических проектов. В этом он видит влияние фактора «Земли» на человеческую историю. Человек - существо земное (создан для земли). Следовательно, земля, пространство

предопределяют человека в наиболее значительных его проявлениях. Это предпосылка для «геоистории».

Континенталистская ориентация является приоритетной для Стойкера; он считает атлантизм враждебным Европе, а судьбу европейского благосостояния связывает с Германией и Срединной Европой. Стойкерс - сторонник активного сотрудничества Европы со странами третьего мира и, особенно с арабским миром.

Вместе с тем он подчеркивает огромную значимость Индийского океана для будущей геополитической структуры планеты. Он определяет Индийский океан как «Срединный Океан», расположенный между Атлантическим и Тихим. Индийский океан находится строго посередине между восточным побережьем Африки и тихоокеанской зоной, в которой расположены Новая Зеландия, Австралия, Новая Гвинея, Малайзия, Индонезия, Филиппины и Индокитай. Морской контроль над Индийским океаном является ключевой позицией для геополитического влияния сразу на три важнейших «Больших пространства» - Африку, южно-евразийский римленд и тихоокеанский регион. Отсюда вытекает стратегический приоритет некоторых небольших островов в Индийском океане - особенно Диего-Гарсия, равноудаленного от всех береговых зон.

Стойкерс утверждает, что Индийский океан является той территорией, на которой должна сосредоточиться вся европейская стратегия, так как через эту зону Европа сможет влиять и на США, и на Евразию, и на Японию. С его точки зрения, решающее геополитическое противостояние, которое должно предопределить картину будущего XXI века, будет разворачиваться именно на этом пространстве.

Стойкерс активно занимается историей геополитики, ему принадлежат статьи об основателях этой науки в новом издании Брюссельской энциклопедии.

Активный геополитический центр континенталистской ориентации существует и в Италии. В Италии после Второй мировой войны больше чем в других европейских странах получили распространение идеи Карла Шмитта, и благодаря этому геополитический образ мышления стал там весьма распространенным. Кроме того, именно в Италии более всего было развито движение «Юная Европа» Жана Тириара, и соответственно, идеи континентального национал-большевизма.

Среди многочисленных политологических и социологических «новых правых» журналов и центров, занимающихся геополитикой, особый интерес представляет миланский «Орион», где в течение последних 10 лет регулярно публикуются геополитические анализы доктора Карло Террачано. Террачано выражает наиболее крайнюю позицию европейского континентализма, вплотную примыкающую к евразийству.

Террачано полностью принимает картину Маккиндера и Мэхэна и соглашается с выделенным ими строгим цивилизационным и географическим дуализмом. При этом он однозначно встает на сторону хартленда, считая, что судьба Европы целиком и полностью зависит от судьбы России и Евразии, от

Востока. Континентальный Восток - это позитив, атлантический Запад - негатив. Столь радикальный подход со стороны европейца является исключением даже среди геополитиков континентальной ориентации, так как Террачано даже не акцентирует особо специальный статус Европы, считая, что это является второстепенным моментом перед лицом планетарного противостояния талассократии и теллутократии. Он полностью разделяет идею единого евразийского государства, «Евро-советской Империи от Владивостока до Дублина», что сближает его с Тириаром, но при этом он не разделяет свойственного Тириару «якобинства» и «универсализма», настаивая на этнокультурной дифференциации и регионализме, что сближает его, в свою очередь, с Аденом де Бенуа.

Акцентирование русского фактора сочетается у Террачано с другим любопытным моментом: он считает, что важнейшая роль в борьбе с атлантизмом принадлежит исламскому миру, особенно явно антиамериканским режимам: иранскому, ливийскому, иракскому и т.д. Это приводит его к выводу, что исламский мир является в высшей степени выразителем континентальных геополитических интересов. При этом он рассматривает в качестве позитивной именно фундаменталистскую версию ислама.

Окончательная формула, которая резюмирует геополитические взгляды доктора Террачано, такова: Россия и исламский мир против США. Европу Террачано видит как плацдарм русско-исламского антимондиалистского блока. С его точки зрения, только такая радикальная постановка вопроса может объективно привести к подлинному европейскому возрождению.

Изучение идей евразийства уместно начать с краткого экскурса в историю русской геополитики. Уже в XIX веке в России существовала традиция географического детерминизма, представленная, прежде всего трудами Л.И. Мечникова. В XX столетии эта традиция раскололась, как раскололась вся русская культура. Одна ветвь геополитической мысли стала развиваться в Советской России, другая - в Русском Зарубежье.

Можно считать, что единственным автором, развивавшим геополитический подход в Советской России, был профессор страноведения географического факультета Ленинградского государственного университета 20-30-х гг. В.П. Семенов-Тян-Шанский, который, как и Ратцель, использовал термин «антропогеография», создал целостную глобальную концепцию геополитики. Теория В.П. Семенова-Тян-Шанского в отличие от аналогичных западных концепций не абсолютизировала природно-географический, биологический, исторический, расовый, этнический или иные факторы геопространства либо их сочетания (вроде «жизненного пространства») в качестве причин развития территориально-политических систем. Антропогеографизм русского ученого требовал рассматривать их в единстве, в том числе с факторами экономического и социокультурного характера, и в первую очередь - как результаты человеческой деятельности «в сфере материальной и духовной».

Одним из первых, кто обратился к геополитической проблематике в Русском Зарубежье, был русский историк, социолог и публицист крайне

монархического толка И.Л.Солоневич (1891-1953). Среди русских геополитиков следует назвать и группу ученых-эмигрантов, известных как «евразийцы»: Н.С.Трубецкой, И.А.Ильин, П.Н.Савицкий, Г.В.Вернадский, Г.Ф.Флоровский, Л.П.Карсавин и др. Их объединяла идея о России как особом мире, на развитие которого оказал сильное влияние материк Евразия. Концепция развивалась на основе почвенной теории, и ими был введен геополитический термин «месторазвитие». Под ним понималась неповторимая географическая среда, в которой происходит становление как отдельного человека, так и крупных человеческих сообществ.

По мнению современных российских исследователей, экономист, географ и философ Петр Николаевич Савицкий (1895-1968) - пожалуй, первый и единственный русский автор, которого в полном смысле слова можно назвать геополитиком. Основная идея Савицкого заключается в том, что Россия представляет собой особое цивилизационное образование, определяемое через качество «срединности». «Срединность» России для Савицкого является основой ее исторической идентичности - она не часть Европы и не продолжение Азии. Она - самостоятельный мир, самостоятельная и особая духовно-историческая геополитическая реальность, которую Савицкий называет «Евразией». Это понятие обозначает не материк и не континент, но идею, отраженную в русском пространстве и русской культуре, историческую парадигму, особую цивилизацию.

Россию Савицкий понимает геополитически, не как национальное государство, но как особый тип цивилизации, сложившейся на основе нескольких составляющих - арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества, православной традиции. Все вместе создает некое уникальное, «срединное» образование, представляющее собой синтез мировой истории.

Самым ярким учеником евразийца Савицкого был знаменитый русский ученый историк Лев Николаевич Гумилев ((1912-1992). Собственно геополитические темы он в своих трудах не затрагивал, но его теория этногенеза и этнических циклов явно продолжает линию «органицистского» подхода и отчасти «географического детерминизма», которые составляют сущность геополитики уже у Ратцеля, Челлена, Хаусхофера и т.д.

Особенно важны исследования Гумилева в отношении древних периодов этнической карты Евразии, степи, кочевых народов и их цивилизаций. Из его трудов складывается совершенно новое видение политической истории, в которой евразийский Восток выступает не просто как варварские земли на периферии цивилизации (приравненной к западной цивилизации), но как самостоятельный и динамичный центр этногенеза, культуры, политической истории, государственного и технического развития. Запад и его история релятивизируются, евразийская культура и созвездие евразийских этносов обнаруживаются как многомерный и совершенно не изученный мир со своими шкалой ценностей, религиозными проблемами, историческими закономерностями и т.д.

Гумилев развивает общевразийскую идею о том, что этнически великороссы представляют собой не просто ветвь восточных славян, но особый

этнос, сложившийся на основе тюркско-славянского слияния. Отсюда косвенно вытекает обоснованность русского контроля над теми евразийскими землями, которые населены тюркскими этносами. Великорусская цивилизация сложилась на основе тюркско-славянского этногенеза, который реализовался на географическом плане как исторический альянс Леса и Степи. Именно геополитическое сочетание Леса и Степи составляет историческую сущность России, предопределяя характер ее культуры, цивилизации, идеологии, политической судьбы.

Гумилев, вслед за Шпенглером и Тойнби, выделяет циклы цивилизаций и культур, а также соответствующих этносов. С его точки зрения, этнокультурные образования нации, государства, религиозные общины во всем подобны живым организмам. Они проходят периоды рождения, юности, зрелости и старения, а потом исчезают или превращаются в т.н. «реликты». В этом снова явно заметно влияние «органицистской философии», общей для всех континенталистских геополитических школ.

Интересны теории Гумилева относительно причин этногенеза, т.е. рождения народа или государства. Для описания этого процесса он вводит термин «пассионарности» или «пассионарного толчка». Это необъяснимый синхронный всплеск биологической и духовной энергии, который внезапно приводит в движение вялотекущее историческое существование «старых» народов и культур, захватывая различные сложившиеся этнические и религиозные группы в динамическом порыве пространственной, духовной и технической экспансии, что приводит к завоеваниям и сплавлению разнородных остаточных этносов в новые активные и жизнеспособные формы. Высокая и полноценная пассионарность и динамический процесс этногенеза ведут в нормальном случае к возникновению особого суперэтноса, который соответствует не столько национально-государственной форме политической организации, сколько империи.

Пассионарность постепенно убывает. На смену «пассеизму» (для Гумилева это позитивная категория, которую он приравнивает к «героизму», к этическому стремлению к бескорыстному созиданию во имя верности национальной традиции) приходит «актуализм», т.е. озабоченность лишь настоящим моментом в отрыве от традиции и без оглядки на судьбу будущих поколений. В этой фазе происходит «пассионарный надлом» и этногенез входит в отрицательную стадию консервации и начала распада. Далее следует «футуристическая» фаза, в которой доминирует тип бессильных «мечтателей», «фантазеров», «религиозных эскапистов», которые утрачивают веру в окружающее бытие и стремятся уйти в «потустороннее». Гумилев считает это признаком окончательного упадка. Этнос деградирует, суперэтносы распадаются на составляющие, империи рушатся.

Такая ситуация продолжается вплоть до нового «пассионарного толчка», когда появляется новый свежий этнос и провоцирует новый этногенез, в котором переплавляются остатки старых конструкций. Причем некоторые этносы сохраняются в «реликтовом» состоянии (Гумилев называет их «химерами»), а другие исчезают в динамике нового этногенетического

процесса. Важно утверждение Гумилева относительно того, что великороссы являются относительно «свежим» и «молодым» этносом, сплотившим вокруг себя «суперэтнос» России-Евразии или евразийской Империи.

Исходя из анализа идей евразийства Гумилева, российские исследователи делают следующие геополитические выводы:

1) Евразия представляет собой полноценное «месторазвитие», плодородную богатейшую почву этногенеза и культуругенеза. Следовательно, надо научиться рассматривать мировую историю не в однополярной оптике «Запад и все остальные» (как это свойственно атлантистской историографии), а в многополярной, причем северная и восточная Евразия представляют собой особый интерес, так как являются альтернативным Западу источником важнейших планетарных цивилизационных процессов.

2) Геополитический синтез Леса и Степи, лежащий в основе великоросской государственности, является ключевой реальностью для культурно-стратегического контроля над Азией и Восточной Европой.

3) Западная цивилизация находится в последней нисходящей стадии этногенеза, являясь конгломератом «химерических» этносов. Следовательно, центр тяжести обязательно переместится к более молодым народам.

4) Возможно также, что в скором будущем произойдет какой-то непредсказуемый и непредвиденный «пассионарный толчок», который резко изменит политическую и культурную карту планеты, так как доминанция «реликтовых» этносов долго длиться не может.

Сам Гумилев не формулировал геополитических выводов на основании своей картины мира. Это сделали его последователи в период ослабления (а потом и отмены) марксистской идеологической цензуры. Такое направление в целом получило название «неоевразийства», которое имеет, в свою очередь, несколько разновидностей. Не все они наследуют идеи Гумилева, но в целом его влияние на эту геополитическую идеологию колоссально.

По мнению известного российского геополитика А.Г.Дугина, неоевразийство имеет несколько разновидностей. Первое представляет собой законченную и многомерную идеологию, которую сформулировали некоторые политические круги национальной оппозиции в России, противостоящие либеральным реформам в период 1990-1994 годов. Речь идет о группе интеллектуалов, объединившихся вокруг газеты «День» (позже «Завтра») и журнала «Элементы». Это неоевразийство основывается на идеях П.Савицкого, Г.Вернадского, Н.Трубецкого, Н. Устрялова. Тезис национальной идеократии имперского континентального масштаба противопоставляется одновременно и либеральному западничеству, и узкоэтническому национализму. Россия видится как ось геополитического «большого пространства», ее этническая миссия однозначно отождествляется с имперостроительством. На социально-политическом уровне это направление однозначно тяготеет к евразийскому социализму, считая либеральную экономику характерным признаком атлантистского лагеря. Советский период российской истории рассматривается в сменовеховской перспективе как модернистическая форма традиционного русского национального стремления к планетарной экспансии и «евразийскому

антиатлантистскому универсализму». Отсюда «прокоммунистические» тенденции этой версии неоевразийства.

Другой особенностью неоевразийства является выбор исламских стран (особенно континентального Ирана) в качестве важнейшего стратегического союзника. Идея континентального русско-исламского альянса лежит в основе антиатлантической стратегии на юго-западном побережье евразийского материка. На доктринальном уровне этот альянс обосновывается традиционным характером русской и исламской цивилизаций, что объединяет их в противостоянии антитрадиционному, светско-прагматическому Западу. В этом направлении неоевразийства картина всех геополитических проектов применительно к актуальной ситуации достраивается до своей полноты, так как и идеологически, и стратегически, и политически, и позиционно, неоевразийский проект представляет собой наиболее полную, непротиворечивую, законченную и исторически обоснованную противоположность всем разновидностям западных геополитических проектов (как атлантистских, так и мондиалистских).

Мондиализм и атлантизм выражают две разновидности геополитической идеологии крайнего Запада. Европеизм и умеренный континентализм европейских геополитиков представляет собой промежуточную реальность. И наконец, неоевразийство «Дня» и особенно «Элементов» выражает радикально антизападную точку зрения, смыкающуюся со всеми остальными альтернативными геополитическими проектами от европейского национал-большевизма до исламского фундаментализма (или исламского «социализма») вплоть до национально-освободительных движений во всех уголках Третьего мира.

Другие разновидности неоевразийства, по мнению А.Г.Дугина, менее последовательны и представляют собой адаптацию всего комплекса вышеназванных идей к меняющейся политической действительности.

Неоевразийство, помимо своего интеллектуального наследия и общих принципов континентальной геополитики, стоит перед лицом новейших проблем, поставленных в форме последних геополитических проектов Запада. Более того, это геополитическое направление приобретает значение именно в той мере, в какой оно способно не просто объяснить геополитически логику происходящих исторических событий, но выработать связный футурологический проект, способный противостоять проектам Запада.

Победа Запада в «холодной войне» концептуально означает окончание биполярного и начало однополярного мира. При этом если чистые атлантисты (Хантингтон) предполагают, что эта однополярность будет относительной, выигравший Запад будет вынужден постоянно улаживать нарастающие межцивилизационные конфликты со «всеми остальным миром» (The Rest), то мондиалисты (Фукуяма, Аттали) видят беспроблемную доминацию Запада над всей планетой как нечто уже случившееся. Даже самый конфликтный вариант профессора Санторо предполагает, в конце концов, установление Мирового Правительства.

Это проекты геополитических победителей, обладающих сегодня неоспоримыми преимуществами и стратегической инициативой, с которыми необходимо считаться в высшей степени. Все они сходятся в одном: на планете рано или поздно должен восторжествовать универсализм западного типа, т.е. атлантистская, талассократическая система ценностей должна стать доминирующей повсеместно. Двухполюсный мир времен холодной войны считается полностью преодоленным. Евразии и евразийству в такой картине просто нет места. Все это логично и вытекает напрямую из работ первых англосаксонских геополитиков, стремившихся всемерно ослабить силы Суши, подорвав их могущество и сдерживая их развитие разнообразными стратегическими методами особенно стратегией «анаконды», т.е. жестким контролем над все большими и большими секторами римленда (rimland). Неоевразийство не может, оставаясь самим собой, признать правомочности такого положения дел и обречено на то, чтобы искать возможности обратить все эти процессы вспять. И начинает оно с самого центрального вопроса с вопроса об однополярности. Однополярность (доминанция атлантизма в любых формах как в чистом виде, так и через мондиализм) обрекает Евразию как хартленд (heartland) на историческое небытие.

Неоевразийство настаивает на том, что этой однополярности следует противостоять. Осуществить это можно только через новую биполярность.

Это требует пояснения. Есть точка зрения, что после окончания противостояния США-СССР мир сам по себе перейдет к многополярному устройству: возвысится Китай, демографические процессы выведут исламские страны в разряд геополитически центральных, тихоокеанский регион заявит о своей конкурентоспособности с Европой и Америкой и т.д. Все это возможно, но здесь не учитывается, что такая новая многополярность будет проходить под знаком «атлантистской системы ценностей», т.е. будет представлять собой лишь территориальные разновидности талассократической системы, и никак не подлинную геополитическую альтернативу. Вызов Запада, рынка и либерал-демократии универсален. После победы хартленда все попытки народов и государств следовать каким-то иным путем, кроме западного, лишились основной опоры. И просоветские режимы, и все «неприсоединившиеся» страны, настаивавшие на «третьем пути», существовали лишь за счет биполярности, за счет зазора, существовавшего между Западом и Востоком в их позиционной геополитической борьбе. Современный победивший Запад отныне будет диктовать идеологические и экономические условия всем, кто станет претендовать на роль развитого региона. Поэтому любая многополярность при сохранении статус-кво будет фиктивной и мондиалистской.

Это неплохо осознают западные стратеги, прекрасно понимающие, что главной геополитической задачей Запада на данном этапе является недопущение самой возможности формирования масштабного геополитического блока континентального объема, который мог бы быть по тем или иным параметрам сопоставим с силами атлантизма. Это является главным принципом военно-политической доктрины США. Иными словами,

Запад более всего не хочет возврата к биполярности. Это было бы для него смертельно опасно.

Неоевразийство, исходя из интересов «географической оси истории», утверждает прямо противоположное Западу. Единственным выходом из сложившейся ситуации может стать лишь новый биполяризм, так как только в этом направлении Евразия смогла бы обрести перспективу подлинной геополитической суверенности. Только новая биполярность сможет впоследствии открыть путь такой многополярности, которая выходила бы за рамки талассократической либерал-демократической системы, т.е. истинной многополярности мира, где каждый народ и каждый геополитический блок смог бы выбирать собственную систему ценностей, имеет шанс осуществиться только после освобождения от глобальной атлантистской доминации через новое планетарное противостояние.

При этом важно, что евразийский континентальный блок не может стать простым воссозданием Варшавского пакта. Распад прежней геополитической континентальной конструкции необратим и коренится в самой его структуре. Новый континентальный альянс должен либо включить в себя всю Европу до Атлантики и несколько важнейших секторов южного побережья Евразии - Индию, Иран, Индокитай и т.д., либо обеспечить дружественный нейтралитет этих же пространств, т.е. вывести их из-под контроля атлантизма. Возврат к старому биполяризму невозможен по многим причинам, в том числе и по идеологическим. Новый евразийский биполяризм должен исходить из совершенно иных идеологических предпосылок и основываться на совершенно иных методиках.

Эта теория «нового биполяризма» достаточно развита в неоевразийских проектах, являясь теоретическим обоснованием для всех нонконформистских геополитических теорий Европы и Третьего мира. Как хартленд (heartland) объективно является единственной точкой, способной быть плацдармом планетарной альтернативы талассократии, так неоевразийство представляет собой единственную теоретическую платформу, на основе которой может быть разработан целый веер планетарных стратегий, отрицающих мировую доминацию атлантизма и его цивилизационной системы ценностей: рынка, либеральной демократии, светской культуры, философии индивидуализма и т.д.

Ключевые слова: бихевиористская парадигма, неоатлантизм, дисконтинуальный пояс, мондиализм, реисламизация, модернизация, идентификация, континентальный альянс, «береговая зона», «Мировое правительство», унификация, «геополитическая беллетристика», однополярность, биполярность.

Контрольные вопросы:

1. Что является важной особенностью англо-американской геополитики?
2. На какие три типа по своей геополитической ориентации делит Д.Мэйниг евразийское побережье?

3. Что согласно С.Коену означают понятия «ядра» и «дисконтинуальные пояса»?
4. В чем суть доктрины «Linkage»?
5. Что означают понятия аэрократия и эфирократия?
6. По мнению С.Хантингтона что станет в мире источником конфликтов?
7. Охарактеризуйте основные мондиалистские организации, какие цели и задачи они поставили перед собой?
8. Что такое «геоэкономика»?
9. Какие основные идеи выдвигает в своих работах Ж.Аттали?
10. Каковы достижения в развитии геополитики И. Лакоста?
11. С именем какого исследователя связано направление в геополитике - «геополитическая беллетристика», в чем его суть?
12. Какие основные идеи были изложены Р.Стойкерсом?
13. В чем сходны и различны основные положения атлантизма и неоатлантизма?
14. Какие идеи Л.Гумилева носят геополитический характер?
15. Что означает концепция «новой биполярности»?

6. Тестовые задания

1. Автор работы «Восточная Франция»:

- A) Х. Макиндер
- B) В. де ла Бланш
- C) А. Мэхен
- D) Ф. Ратцель
- E) К. Хаусхофер

2. Автор категории «геополитика»:

- A) Р. Челлен
- B) В. де ла Бланш
- C) Т. Мэхен
- D) Ф. Ратцель
- E) К. Хаусхофер

3. По мнению этого ученого государство проявляет свою суть в четырех формах: эконополитика, демополитика, социополитика, кратополитика:

- A) Х. Макиндер
- B) Р. Челлен
- C) А. Мэхен
- D) Ф. Ратцель
- E) К. Хаусхофер

4. Автор работы «Государство как форма жизни»:

- A) Х. Макиндер
- B) В. де ла Бланш
- C) А. Мэхен

D) Ф.Ратцель

E) Р.Челлен

5. «Государства, как мы их наблюдали в истории... являются, подобно людям, чувствующими и мыслящими существами» - считал:

A) Х. Макиндер

B) Р.Челлен

C) А. Мэхен

D) Ф.Ратцель

E) К.Хаусхофер

6. Кто автор доклада «Географическая ось истории», который был изложен в Королевском географическом обществе 25 января 1904 года:

A) Х. Макиндер

B) В.де ла Бланш

C) А. Мэхен

D) Ф.Ратцель

E) К.Хаусхофер

7. Автор понятий «хартленд», «мировой остров», «осевой регион», «страны внешнего полумесяца», «зоны внутреннего океана» и др.:

A) Х. Макиндер

B) В.де ла Бланш

C) А. Мэхен

D) Ф.Ратцель

E) К.Хаусхофер

8. Автор теории «континентального блока» или «жизненного пространства»:

A) Х. Макиндер

B) В.де ла Бланш

C) А. Мэхен

D) Ф.Ратцель

E) К.Хаусхофер

9. Геополитика этого ученого стала официальной доктриной немецкого фашизма:

A) К.Хаусхофер

B) К.Шмитт

C) А. Мэхен

D) Ф.Науман

E) Й.Парч

10. «Геополитика есть наука об отношениях земли и политических процессов, ... геополитика – это географический разум государства», - считал:

A) К.Хаусхофер

B) К.Шмитт

C) А. Мэхен

D) Ф.Науман

E) Й.Парч

11. Автор теории «морского могущества»:

- A) К.Хаусхофер
- B) К.Шмитт
- C) А. Мэхен
- D) Ф.Науман
- E) Й.Парч

12. Автор концепции «Rimland»:

- A) К.Хаусхофер
- B) К.Шмитт
- C) Т. Мэхен
- D) Н.Спайкмен
- E) Х. Макиндер

13. Этот ученый ввел понятия «Срединный океан», внутреннее море», «атлантический контингент», предельно развил идею «анаконды»:

- A) К.Хаусхофер
- B) К.Шмитт
- C) Т. Мэхен
- D) Н.Спайкмен
- E) Х. Макиндер

14. Геополитическая структура мира (международных отношений), отражающая сложившийся баланс сил:

- A) этноцентризм
- B) мир-система
- C) доктрина национальной безопасности
- D) геополитика
- E) мировой порядок

15. Военно-политическое, экономическое, культурное, религиозное продвижение от центров силы к периферии:

- A) атлантизм
- B) интеграция
- C) экстремизм
- D) экспансия
- E) колонизация

16. Переход от традиционного общества к современному, представляющий совокупность процессов качественного преобразования социальной, экономической, политической и культурной систем общества:

- A) интеграция
- B) глобализация
- C) демократизация
- D) модернизация
- E) социализация

17. Геополитика с позиций экономической мощи государства или блока, достижение внешнеполитических целей, мирового или регионального могущества преимущественно экономическим путем:

- A) экономическая геополитика

- В) экономический детерминизм
- С) стратегия национальной безопасности
- Д) эгоцентризм
- Е) экономополистика

18. Автор работы «Heartland и Rimland в евразийской истории»:

- А) Х. Макиндер
- В) Н.Спайкмен
- С) А. Мэхен
- Д) Ф.Ратцель
- Е) Д.Мэйниг

19. Автор работы «Великая шахматная доска»:

- А) Х. Макиндер
- В) З.Бжезинский
- С) Ф.Фукуяма
- Д) С.Хантингтон
- Е) Д.Мэйниг

20. Геополитическая теория западной цивилизации, основанная на либерально-демократических ценностях правового гражданского общества:

- А) атлантизм
- В) мондиализм
- С) бихевиоризм
- Д) демократизация
- Е) глобализация

21. Геополитическая идеология Единого мира, глобализации, слияния всех государств и народов в единое планетарное образование с установлением Мирового правительства:

- А) атлантизм
- В) мондиализм
- С) интеграция
- Д) демократизация
- Е) глобализация

22. Автор статьи «Конец истории»:

- А) Х. Макиндер
- В) Н.Спайкмен
- С) Ф.Фукуяма
- Д) С.Хантингтон
- Е) Д.Мэйниг

23. В своей книге «Линии горизонта» этот исследователь утверждает, что сейчас в мире наступила «эра денег», так как они – универсальный эталон любой ценности:

- А) К.Санторо
- В) Ж..Аттали
- С) Ф.Фукуяма
- Д) С.Хантингтон
- Е) Д.Мэйниг

24. В конце 60-х гг. XX века во Франции возникло геополитическое течение...

- A) атлантизм
- B) мондиализм
- C) бихевиоризм
- D) новые правые
- E) континентализм

25. Представители этого геополитического течения видели будущее в Больших пространствах и европейской «Федеральной империи», способной противостоять атлантизму и мондиализму:

- A) социалисты
- B) континенталисты
- C) евразийцы
- D) новые правые
- E) неозападничество

26. Автор проекта «Евросоветская империя от Владивостока до Дублина»:

- A) А.де Бенуа
- B) И.Лакост
- C) Ж. Тириар
- D) Й. фон Лохаузен
- E) Ж.Парвулеску

27. Автор работы «Мужество властвовать. Мыслить континентами»:

- A) А.де Бенуа
- B) И.Лакост
- C) Ж. Тириар
- D) Й. фон Лохаузен
- E) Ж.Парвулеску

28. Автор оригинального направления в литературе – геополитической беллетристики:

- A) А.де Бенуа
- B) И.Лакост
- C) Ж. Тириар
- D) Й. фон Лохаузен
- E) Ж.Парвулеску

29. Ведущее место в прикладной геополитике занимала школа Ива Лакоста:

- A) внутренняя геополитика
- B) мондиализм
- C) бихевиоризм
- D) новые правые
- E) континентализм

30. Направление, предложенное в начале XX века Андре Зигфридом, которое использовалось как специальная методика изучения политических симпатий и антипатий населения, проживающего на той или иной территории:

- A) социополитика
- B) прикладная геополитика
- C) внутренняя геополитика
- D) электоральная геополитика
- E) новые правые

31. Автор идеи пассионарности:

- A) Л.Гумилев
- B) Н.Трубецкой
- C) П.Савицкий
- D) Н.Данилевский
- E) И.Ильин

32. Доктрина, основывающаяся на принципах «теллуократии»:

- A) внутренняя геополитика
- B) мондиализм
- C) бихевиоризм
- D) евразийство
- E) континентализм

33. Геополитическая стратегия атлантизма, направленная на отторжение Римленда (береговой зоны) в целях геополитического контроля Евразии:

- A) континентальный блок
- B) стратегия «анаконды»
- C) геополитическая экспансия
- D) политика выжженной земли
- E) отторжение осевой зоны

34. Использование воздушного пространства для геополитической экспансии:

- A) талассократия
- B) теллуократия
- C) технократия
- D) аэрократия
- E) авиакратия

35. Термин Х.Макиндера, обозначающий геополитическое пространство, входящее в зону талассократического влияния:

- A) Хартленд
- B) Мировой остров
- C) внешний полумесяц
- D) внутренний полумесяц
- E) большое пространство

36. Термин Х.Макиндера, обозначающий береговую зону Евразии, расположенную между «внешним полумесяцем» и «осевым ареалом»:

- A) Мировой остров
- B) внутренний полумесяц
- C) внешний полумесяц
- D) Rimland
- E) Хартленд

37. Термин Х.Макиндера, обозначающий внутриконтинентальный осевой ареал Евразии, занимающий центральное положение в мировом геополитическом пространстве:

- А) ось Макиндера
- В) внутренний полумесяц
- С) внутренний полумесяц
- Д) линия раздела
- Е) географическая ось истории

38. Преувеличение роли природно-географических факторов в международных отношениях:

- А) глобализм
- В) географический детерминизм
- С) биоцентризм
- Д) биократия
- Е) геополитический код

39. Противостояние талассократии и теллуократии, обеспечивающее работу «двигателя» исторического процесса:

- А) геополитический дуализм
- В) геополитический триализм
- С) континентальный блок
- Д) геополитический паритет
- Е) береговая зона

40. Географическая интерпретация многомерного коммуникационного пространства, объединяющего политическую, социальную, духовную и экономическую сферу деятельности людей общей панидеей:

- А) геоинтеграция
- В) геокоммуникация
- С) геоартикуляция
- Д) геоцентризм
- Е) геопространство

41. Геополитическая концепция, обосновывающая центральное положение в мировом развитии «образцовой» западноевропейской культуры:

- А) вестернизация
- В) модернизация
- С) полюсность
- Д) глобализация
- Е) европоцентризм

42. Концепция, обосновывающая процветание государства за счет динамичного территориального роста, ведущего к мировому господству:

- А) теории «большого пространства»
- В) теория «жизненного пространства»
- С) теории «континентального блока»
- Д) теории «морского могущества»
- Е) теории «геоэкспансии»

43. Термин Макиндера, обозначающий Евразию с географической осью истории:

- A) Хартленд
- B) Срединный океан
- C) Мировой остров
- D) Континент
- E) Осевой регион

44. Термин К.Шмитта, обозначающий принцип организации любого пространства (географического, политического, экономического или культурного):

- A) осевая зона
- B) номос
- C) геокод
- D) жизненное пространство
- E) геоцивилизация

45. Геополитическая концепция К.Шмитта, отражающая закономерность взаимосвязи между организацией мирового порядка и особенностями социального и правового устройства государства:

- A) номос Земли
- B) код Земли
- C) автократия
- D) полярность
- E) геостратегия

46. Геополитическая модель мира на основе концепции Больших пространств:

- A) континентализм
- B) панрегионализм
- C) панконтинентализм
- D) теллуократия
- E) талассократия

47. Что изучает геополитика?

- A) концентрирует внимание на сущности природы политического мира
- B) роль установок, ориентации, убеждений, мотивации политического поведения людей
- C) политические явления в их пространственном взаимоотношении.
- D) законы взаимодействия всех структур и сфер жизнедеятельности общества с политикой
- E) анализирует философское основание политики.

48. Геополитика - это:

- A) наука, изучающая глобальные проблемы современности
- B) эволюционное развитие человеческого общества
- C) наука, изучающая обусловленность политических процессов в больших социальных системах географическим положением, экономико-географическими факторами
- D) трансформация социально-экономической структуры общества

Е) мировой политический процесс

49. «Отцом» геополитики считается:

- А) Х. Макиндер
- В) В. де ла Бланш
- С) А. Мэхен
- Д) Ф. Ратцель
- Е) Р. Челлен

50. Геополитика рассматривает государство не в статике, а в динамике как живое существо, - такой подход предложил:

- А) Х. Макиндер
- В) В. де ла Бланш
- С) А. Мэхен
- Д) Ф. Ратцель
- Е) Р. Челлен

51. Геополитика изучает:

- А) политические явления в их пространственном взаимоотношении, в их влиянии на Землю, на культурные факторы;
- В) положение, формы, размер и границы государства;
- С) политические отношения и внешнюю политику государств;
- Д) динамику развития мирового сообщества;
- Е) экономическое и культурное развитие стран мира

52. Геополитика - наука, система знаний о контроле над ...

- А) государством;
- В) пространством;
- С) географическими факторами;
- Д) территорией;
- Е) политико-экономическими факторами

53. Геополитика возникла на базе трех научных подходов:

- А) цивилизационного, военно-стратегического и географического детерминизма;
- В) цивилизационного, нормативного, концептуального;
- С) географического детерминизма, евразийского, культурно-исторического;
- Д) бихевиористского, атлантистского, мондиалистского;
- Е) теллуократического, талассократического, континентального.

54. Автор многотомной работы «Постижение истории»:

- А) С. Хантингтон
- В) О. Шпенглер
- С) А. Тойнби
- Д) К. Риттер
- Е) Н. Гумилев

55. Автор работы «Столкновение цивилизаций?»:

- А) С. Хантингтон
- В) О. Шпенглер
- С) А. Тойнби
- Д) К. Риттер

Е) Н.Гумилев

56. Ж.Боден на первое место по силе влияния природы ставил географические причины, а наибольшее значение среди всех географических факторов придавал...

А) климату

В) почве

С) местоположению

Д) наличию рек, морей

Е) ландшафту

57. Одним из источников геополитики являются военно-стратегические теории; автором таких теорий является:

А) Ж.Боден

В) Н.Макиавелли

С) Н.Данилевский

Д) О.Шпенглер

Е) С. Хантингтон

58. Объект геополитики:

А) политическая сфера государств;

В) планетарное пространство, геополитические процессы и явления в мировом сообществе как системе;

С) географические факторы и социально-культурные процессы в развитии государства;

Д) международные отношения и внешняя политика государств;

Е) географическая и экономическая сфера государства

59. Главный закон геополитики, проявляющийся в географическом устройстве планеты и в исторической типологии цивилизации:

А) закон фундаментального дуализма

В) закон синтеза суши и моря

С) закон усиления фактора пространства

Д) контроль над пространством

Е) закон геополитического поля

60. Пространство, контролируемое государством или их союзом:

А) геополитическое поле

В) теллуократия

С) талассократия

Д) континентальный блок

Е) осевая зона

61. Сухопутное могущество:

А) геополитическое поле

В) теллуократия

С) талассократия

Д) континентальный блок

Е) политическое пространство

62. Морское могущество:

А) геополитическое поле

- В) теллуократия
- С) талассократия
- Д) континентальный блок
- Е) политическое пространство

63. Основатель «органической школы»:

- А) Х. Макиндер
- В) Р. Челлен
- С) А. Мэхен
- Д) Ф. Ратцель
- Е) К. Хаусхофер

64. Концепция «жизненного пространства» была впервые сформулирована:

- А) Х. Макиндер
- В) Р. Челлен
- С) А. Мэхен
- Д) Ф. Ратцель
- Е) К. Хаусхофер

65. Кем в работе «О законах пространственного роста государств» были сформулированы семь законов развития государства:

- А) Ф. Ратцель
- В) Р. Челлен
- С) А. Мэхен
- Д) Х. Макиндер
- Е) К. Хаусхофер

66. Автор работы «Влияние морской силы на историю. 1660-1783.»:

- А) Х. Макиндер
- В) Р. Челлен
- С) А. Мэхен
- Д) Ф. Ратцель
- Е) К. Хаусхофер

67. Геополитическое учение французского учения Видаля де ла Бланша:

- А) теория жизненного пространства
- В) теория POSSIBILISMA
- С) концепция Rimland
- Д) теория континентального блока
- Е) концепция географической оси истории

68. Термин Спайкмена, обозначающий Атлантический океан в едином геополитическом пространстве Северной Америки и Европы:

- А) Rimland
- В) Хартленд
- С) Срединный океан
- Д) номос
- Е) Мировой остров

69. Геополитическое понятие «центральной земли», овладение которой открывает путь к мировому господству:

- A) Rimland
- B) Хартленд
- C) Срединный океан
- D) номос
- E) Мировой остров

70. Кто разработал теорию Хартленда?

- A) Х. Макиндер
- B) Р.Челлен
- C) А. Мэхен
- D) Ф.Ратцель
- E) К.Хаусхофер

Литература

1. Антология мировой политической мысли. тт. 1-2.- М.- 1997
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. - М.: Международные отношения. - 1998
3. Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство.- М.- 2004
4. Бокль Г.П. История цивилизации в Англии.- Л. - 1986
5. Вандам Е.А. Геополитика и геостратегия.- М.- 2002
6. Василенко И.А. Политическая глобалистика.- М.- 2000
7. Василенко И.А. Геополитика.- М.- 2003
8. Гаджиев К. С. Геополитика: история и современное содержание дисциплины // Полис.- 1996.- № 2.
9. Гаджиев К.Э. Геополитика.- М.: Международные отношения.- 1997.
- 10.Гаджиев К. С. Введение в геополитику.- М. – Логос.- 1998
- 11.Гегель Г.В.Ф. Сочинения.- т.8.- М-Л. - 1935
- 12.Геополитика: теория и практика / Под ред. Э. А. Позднякова.- М: ИМЭМО РАН. - 1993
- 13.Геополитика: теория и практика.- Сб.ст.- М.- 2002
- 14.Гумилев Л.Н, Древняя Русь и Великая Степь.- М.- 1989
- 15.Гумилев Л.Н. География этноса и исторический период. - Л.- 1990
- 16.Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли.- М.: Изд-во «Институт ДИДИК».- 1997
- 17.Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. – М.: ЭКОПРОС - 1993
- 18.Данилевский Н.Я. Россия и. Европа. - Спб.: Глаголь. - 1995
- 19.Дергачев В. Геоэкономика (современная геополитика).- М.- 2002
- 20.Дергачев В.А. Геополитика.- М.- 2004
- 21.Дугин А. Основы геополитики. - М.: Арктогея. - 1997
- 22.Дугин А.Г. Европа между морем и сушей. - М. - 2000
- 23.Зенгер Х. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия. В 2 т. - М.- 2005
- 24.Иванов И.Д. Европа Регионов.- М.- 1998

25. Исаев Б.А. Геополитика. - СПб: Питер.- 2006
26. Классики геополитики XIX и XX вв. (составитель К.Королев).- М.- 2003
27. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география.- М.- 2001
28. Макиндер Х. Географическая ось истории. // Полис.- 1995.- № 4.
29. Нартов И.А. Геополитика.- М.- 2002
30. Панарин А.С. Философия политики.- М.- 1996
31. Панарин А.С. Основы геополитики.- М.- 2002
32. Плешаков К.В. Геополитика в свете глобальных перемен.// Международная жизнь.- 1994.- № 10
33. Поздняков Э.А. Геополитика. - М.: Прогресс.- 1995
34. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы. // Международная жизнь.- 1996.- № 10
35. Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение.- СПб. - 1906
36. Ратцель Ф. Народоведение. - СПб. - 1900
37. Савицкий Л.Н. Континент Евразия. - М.: Аграф.- 1997
38. Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России.- М.-1996
39. Стойкерс Р. Теоретическая панорама геополитики // Элементы.- 1992.- № 1
40. Тихонравов Ю.В. Геополитика.- М.- 2000
41. Тойнби А. Постижение истории.- М.- 1991
42. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии.- 1990.- № 3.
43. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций.- М.- 2003
44. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет.- М.- 2001
45. Хорев Б.С. Очерки геоглобалистики и геополитики.- М.- 1997
46. Цыганков П.А. Геополитика: последнее прибежище разума? // Вопросы философии.- 1994 - № 7-8.
47. Шмитт К. Понятие политического.// Вопросы социологии.- 1992.- № 1.
48. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века.- М.: Алгоритм. - 2001

Формат 60x84 1/12
Объем 127 стр. 10,6 печатный лист
Тираж 20 экз.,
Отпечатано
в редакционно-издательском отделе
КГУТиИ им. Ш Есенова
г.Актау, 27 мкр.

